

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР 3(116)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

*Военно-экономическая деятельность в условиях глобальной
нестабильности*

Military-economic activities amidst global instability

Вывод американских войск из Афганистана

The withdrawal of the U.S. forces from Afghanistan

Пандемия как катализатор политических процессов

The pandemic as a catalyst for political processes

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2022

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2022.03.00

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь
кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *Н.М. Токарева*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Казеннов С.Ю.,
Кумачев В.Н.,
Королева Е.М.
*Роль военно-экономической
деятельности в условиях
глобальной нестабильности:
повестка для России*

6

Доржиева В.В.
*Россия в процессе цифровой
трансформации мировой
экономики*

27

Охотникова О.К.
*«Увечные воины»: социальный
статус военных инвалидов
в российской публицистике
1914–1916-х годов*

40

Володько А.В.
*Генерал Д.С. Позднышев:
жизнь на чужбине*

61

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

Бубнова Н.И.
*Вывод американских войск из
Афганистана и политика Ва-
шингтона: что пошло не так?*

72

Степанов Н.С.
*Траектория развития
Северного морского пути:
проблемы и перспективы*

94

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

Kazennov S.Yu.,
Kumachev V.N.,
Koroleva E.M.
*The role of military-economic
activities amidst global
instability: the agenda
for Russia*

Dorzhieva V.V.
*Russia in the process of digital
transformation of the world
economy*

Okhotnikova O.K.
*«War invalids»: The Social
Status of Disabled Soldiers
in Russian Publicity,
1914–1916*

Volodko A.V.
*General D.S. Pozdnyshev:
Life in a foreign land*

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

Bubnova N.I.
*The withdrawal of U.S. forces
from Afghanistan and American
policy: What went wrong?*

Stepanov N.S.
*Trajectory of the Northern Sea
Route development:
problems and prospects*

Пряжникова О.Н.
Влияние пандемии COVID-19
на гендерное неравенство 117
*Pryazhnikova O.N.
The impact of the COVID-19
pandemic on gender inequality*

Давтян М.Д.
Дома безопаснее?
Международный опыт
и российская практика
защиты пострадавших
от домашнего насилия
в период пандемии
коронавирусной инфекции 134
*Davtyan M.D.
Is it safer at home?
International experience
and Russian practice
of protecting victims
of domestic violence
during the coronavirus
pandemic*

Туров Н.Л.,
Зотова М.В.
Пандемия Covid-19
в государствах де-факто:
режим границ и повседневная
жизнь 155
*Turov N.L.,
Zotova M.V.
The COVID-19 pandemic
in de facto States:
Border regimes and
everyday*

Яковлева Н.М.
Пандемия как катализатор
политических процессов
в Португалии 175
*Yakovleva N.M.
Pandemic as a catalyst
for political processes
in Portugal*

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Штеллнер Ф.,
Ковалев М.В.
Коммунистическая партия
Чехословакии и советизация
высшего экономического
образования в 1945–1948 гг. 188

Стыкалин А.С.
Осень 1968 г.:
«Литературная газета» и
«международный ревизионизм»
(А. Чаковский contra Д. Лукач) 210

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

Stellner F.,
Kovalev M.V.
The Czechoslovak Communist
Party and the Sovetization
of the higher economic education
in 1945–1948

Stykalin A.S.
Autumn of 1968: «Literaturnaya
gazeta» and the «International
Revisionism» (A. Chakovskii
contra Gy. Lukács)

РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ

*Мирзаянов Р.Х.
К вопросу о вариантах
модернизации законодатель-
ства о противодействии
экстремистской деятельности
и терроризму в правовом поле
России*

224

*Корнадут К.Д.
«Цели были скорее этические,
чем политические».
Из размышлений над книгой
Г.А. Морева «Диссиденты»*

237

REFLECTIONS,
COMMUNICATIONS,
COMMENTS

*Mirzazyanov R.H.
On the issue of options
for the modernization
of legislation pertaining
to extremist activity
and terrorism in the legal
field of Russia*

*Kornadut K.D.
«The goals were more ethical
than political». From reflections
on the G.A. Morev book
«Dissidenti»*

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

DOI: 10.31249/rsm/2022.03.01

С.Ю. Казеннов, В.Н. Кумачев, Е.М. Королева

РОЛЬ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ПОВЕСТКА ДЛЯ РОССИИ

***Аннотация.** Военно-экономическая деятельность (ВЭД) – важный фактор обеспечения национальной и военной безопасности, их надежности, эффективности. Особо возрастает роль оборонной и военно-экономической деятельности в условиях системного кризиса, глобальной неопределенности и нестабильности. Ситуация усугубляется сложностями переходного миропорядка, решительной сменой технико-экономических укладов, усиливающейся конкуренцией на международной арене среди ведущих игроков глобальной геополитики, пандемией COVID-19. В данной обстановке каждый из игроков особенно заинтересован в обладании своего рода «страховочным поясом», абсолютным средством сдерживания в лице военной мощи на случай дальнейшего осложнения международной обстановки или даже для попыток «под шумок» продвигать решение задач экспансии, наращивания политического давления на оппонентов и партнеров.*

При этом особый вопрос, и в первую очередь для РФ, чтобы ВЭД была экономной, с учетом проблем в собственной российской экономике, ограниченных в целом ресурсов, внешних санкций, в том числе на осуществление военно-технического сотрудничества, кооперационных связей в сфере высоких технологий. К тому же оборонная и военно-экономическая деятельность считается «конкурентом» за финансы и ресурсы, необходимые для преодоления кризиса, последствий COVID-19. Хотя военные расходы составляют лишь немногим более 2% в глобальном валовом продукте (у РФ – несколько выше), а в рамках ВЭД осуществляется значительная работа в интересах гражданской экономики. В любом случае ВЭД РФ должна быть «асимметричной», направленной на решение именно ключевых задач национальной безопасности и обороны, не поддаваться на искушение участвовать в «зеркальных» гонках вооружений.

***Ключевые слова:** военно-экономическая деятельность; военная мощь; переходный миропорядок; нестабильность; национальная безопасность; оборонная политика; стратегическое равновесие; эффективность и экономность; вертикальная гонка вооружений; асимметричный подход; рубежи безопасности; реализм.*

Казеннов Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики

и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Россия, Москва.
E-mail: imemoran@imemo.ru

Кумачев Владимир Николаевич – старший научный сотрудник
отдела военно-экономических исследований безопасности Центра
международной безопасности Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.
Россия, Москва.
E-mail: kumach-44@yandex.ru

Королева Евгения Михайловна – научный сотрудник
отдела военно-экономических исследований безопасности
Центра международной безопасности Национального
исследовательского института мировой экономики и международных
отношений им. Е.М. Примакова РАН. Россия, Москва.
E-mail: koroleva@imemo.ru, em.koroleva@mail.ru

Kazennov S.Yu., Kumachev V.N., Koroleva E.M. The role of military-economic activities amidst global instability: the agenda for Russia

***Abstract.** Military-economic activities (MEA) are an important factor in ensuring national and military security, as well as their reliability and efficiency. The role of defense and military-economic activities is particularly increasing amidst not merely a financial and economic, but a systemic crisis, and global uncertainty and instability. The situation is aggravated by the difficulties of the transitional world order, a decisive change in technical and economic structures, increased by the competition in the international arena among the leading players in global geopolitics, as well as the COVID-19 pandemic. Under these circumstances, each of the players is especially interested in having a kind of «safety belt», an absolute means of deterrence in the face of military power in case of further complication of the international climate or covert attempts to promote the solution of the tasks of expansion and increasing political pressure on opponents and partners.*

At the same time, a separate issue, particularly for the Russian Federation (RF), is that MEA should be economical, taking into account the problems in the Russian economy, generally limited resources, external sanctions, including those concerning military-technical cooperation and partnership ties in the field of high technologies. In addition, defense and military-economic activities are considered to be a competitor for the finances and resources necessary to overcome the crisis and the consequences of COVID-19. Although military expenditures account for only a little more than 2% of the global gross product (slightly higher for the RF), and within the framework of MEA significant work is carried out in the interests of the civilian economy. In any case, MEA of the RF should be «asymmetric», aimed at solving only the key tasks of national security and defense, and not be tempted to participate in «mirror» arms races.

***Keywords:** military-economic activity; military power; transitional world order; instability; national security; defense policy; strategic balance; efficiency and economy; vertical arms race; asymmetric approach; security frontiers; realism.*

Kazenov Sergey Yurievich – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Department of Military and Economic Security Research, Center of International Security. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). Russia, Moscow.
E-mail: imemoran@imemo.ru

Kumachev Vladimir Nikolaevich – Leading Researcher, Department of Military and Economic Security Research, Center of International Security. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations. Russia, Moscow.
E-mail: kumach-44@yandex.ru

Koroleva Eugenia Mikhailovna – Research Associate, Department of Military and Economic Security Research, Center of International Security. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). Russia, Moscow.
E-mail: koroleva@imemo.ru

Военно-экономическая деятельность в системе национальной безопасности РФ: уточнение задач

Военно-экономическая деятельность (ВЭД) – обобщенное понятие совокупности процессов, явлений, действий в сфере обороны и безопасности, связанной с их военно-экономическим обеспечением, сопровождением. При этом ВЭД выступает в самых разных ипостасях. Прежде всего это элемент текущей и перспективной оборонной деятельности в самом широком контексте, включая финансирование и планирование военно-промышленной и военно-технической политики, деятельности вооруженных сил и т.д. ВЭД во многом «отвечает» за состояние национальной и международной безопасности, является их «регулятором». ВЭД реагирует, с учетом собственных возможностей и военно-политических намерений, на систему угроз и вызовов, состояние экономических и военно-экономических потенциалов и соответствующих приготовлений у оппонентов и партнеров. ВЭД также с экономической точки зрения оценивает необходимость участия в тех или иных схемах сдерживания, прямого и косвенного, противостояния и иных событиях, требующих военно-силового присутствия.

Подчеркнем, что любые политика, стратегия, программа, в том числе в области обороны и безопасности, требуют средств, усилий, подчас очень существенных, а следовательно и своего экономического и военно-экономического обеспечения [Лосев 2020]. Причем цена ошибки в выборе сценария, модели поведения может оказаться очень «дорогой» во всех отношениях, что должно

быть предотвращено наличием комплексной, беспристрастной экспертизы. Не исключено, что потребуются корректировка планов, отказ от дорогостоящих сценариев, программ, поиск более дешевых решений, соответствующих финансово-экономическим, технологическим, кадровым, политическим возможностям, с осуществлением обороны на «естественных», защитимых рубежах. А значит это предполагает и определенную корректировку поведения на международной арене, в том числе с учетом того, что практически любые усилия, подвижки в военно-экономической и оборонной сфере у одной из сторон вызывают соответствующую реакцию на другой стороне (других сторонах), в целях восстановления статус-кво или ухода в отрыв [Арбатов 2019, с. 27–48].

Здесь важную роль играет и учет соотношения расходов на внешнюю, включая военную, и внутреннюю, социально-экономическую и политическую, безопасность, способности переброски финансов и ресурсов, существования одного за счет другого на протяжении определенного отрезка времени в рамках целостной системы национальной безопасности (НБ), «затягивания поясов» в чрезвычайных обстоятельствах и многого другого. Особо отметим, даже совершенная внешняя безопасность может оказаться заложницей ненадежного тыла, недоразвитой общеэкономической, технологической базы, социально-политических проблем, обнищания населения и т.д. [Актуальные 2018]. Впрочем, на наш взгляд, фактор «милитаризации» как причина всех бед – это скорее отговорка для политиков, неспособных обеспечить качественное управление, комфортную среду обитания, работающую систему стимулов и мотиваций, законность в сфере экономики.

В любом случае в России военная экономика и ВЭД должны быть крайне экономными, особенно после окончания для России «тучных» в экономическом отношении нулевых – начала десятых годов. Напомним, в ходе десятилетней программы коренной модернизации российских вооруженных сил (ВС), не только «железа», были произведены очень значительные расходы на цели обороны и безопасности (в долларовом эквиваленте более 700 млрд долл. в текущих ценах), во многом компенсирующие провал в области обороны РФ в 90-е годы. Причем пик военных расходов (ВР) РФ фактически пришелся на 2016–2017 гг. и после выполнения основных модернизационных программ их рост в России был умеренным [Встреча 2021].

В последнее время ВЭД резко расширила зону своего влияния, охвата и покрытия. В ее рамках оказались многие «двойные», сквозные, даже в прошлом традиционно гражданские технологии, средства, способы противостояния, на базе информационных, когнитивных технологий, приемов социальной инженерии. Необычайно расширилась сфера психологической, так называемой «ментальной», войны. Размываются границы между войной и миром в условиях «гибридных войн», сегодня война – это война с «выпуклым тылом», с задействованием все большего набора инструментов «мягкой силы»

[Бартош 2021]. При этом подчеркнем, что имеет место (все более распространенная, а для РФ просто неизбежная) практика асимметричного сдерживания, особенно для стран и сил, не обладающих достаточным общеэкономическим потенциалом и потенциалом «мягкой силы». Когда в качестве ответа на «невоенное» давление, санкции, ползучую экспансию используется именно военная сила, прежде всего в косвенном варианте, как средство сдерживания. А в собственно военно-силовой сфере – это поиск более дешевых, асимметричных, отнюдь не «зеркальных» вариантов парирования возникающих угроз.

Важность фактора ВЭД никак не умаляет то, что в глобальном валовом продукте на военные расходы приходится всего немногим более 2% (2,4% в 2021 г., по данным Стокгольмского института исследований проблем мира – SIPRI 2021). Для ведущих стран мира в 2020 г. это интервал в 2–4% (США – 3,7%, Китай – 1,7, Франция – 2,2, Великобритания – 2,2, у России – 4,3% по данным SIPRI [SIPRI 2021], около 3% по другим отечественным и зарубежным данным, при исчислении по иным методикам) [Стенограмма 2021; Kofman, Connolly 2019]. Есть страны и с более высокими показателями – Саудовская Аравия, Израиль, ряд других, участвующих в конфликтах разной интенсивности или находящихся в состоянии постоянного геополитического стресса.

Видимо, все же неоправданно считать ВЭД «конкурентом» гражданской сферы за финансы, ресурсы, что, разумеется, не отменяет необходимости повышать эффективность ВЭД, коммерческую и функциональную. Даже США задумываются об оптимизации своих военных расходов, с учетом проблем в экономике, усугубленной «ковидной» ситуацией, высоким уровнем инфляции, масштабными предвыборными обязательствами в социально-экономической сфере. Так, только на комплексную модернизацию своих стратегических ядерных сил и сопутствующих средств, обеспечивающих их функционирование, Вашингтон планировал потратить до 1 трлн долл. в обозримой перспективе.

При этом многие традиционно видят в ВЭД (как и в других госрасходах и госзакупках) еще и возможность ее использования в качестве «локомотива» вывода экономики из кризиса. Кроме того, в оборонной и военно-экономической сфере по-прежнему сосредоточен значительный технологический потенциал, эта сфера является своего рода «инкубатором» для многих не только военных технологий. Данная роль ВЭД особенно значима для монорегионов и моногородов РФ (эта ситуация характерна, например, и для ряда территорий в США, Великобритании [Defence 2021]), в первую очередь на востоке России, зависящих напрямую от деятельности оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и выполнения оборонных заказов [Ювелирный 2020].

Между тем значительная часть расходов на ВЭД и ОПК носит возвратный характер – через создание и производство продукции гражданского и

двойного назначения, уплату налогов, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), развитие инфраструктуры, поддержание городского хозяйства, зарплаты, «социалку» и т.д. Более того, резкое снижение оборонных расходов и масштабов ВЭД имело бы крайне негативные последствия и для экономики в целом, через систему мультипликаторов, разрыв кооперационных цепочек, стагнацию региональных экономик. На опасность чего указывал, в частности, даже такой «блюститель» российских финансов, как нынешний руководитель Счетной палаты РФ А. Кудрин [Замахина 2020], выразивший определенные сомнения именно по этим причинам в целесообразности снижения порога военных расходов РФ с 2,85% в 2020 г. до более низких показателей [Минфин 2020].

Отметим также дискуссию о сокращении области эффективного применения военной силы и, следовательно, о необходимости осуществления соответствующих военно-экономических приготовлений и их финансирования. Во-первых, военная сила – по сути главный аргумент и сегодня в конфликтах малой и пониженной интенсивности, все более многочисленных, не только в условиях «третьего мира» и бывшей геостратегической периферии (ГСП). Во-вторых, военная сила все больше используется в «непрямом», косвенном исполнении – в качестве средства давления, принуждения, шантажа, вовлечения в гонку вооружений, в борьбе на истощение противника.

Особое значение военно-экономической деятельности РФ: адаптация к новым условиям

Особое значение фактор оборонной и военно-экономической деятельности приобретает именно в кризисных условиях глобальной турбулентности. Современный мир как раз проходит через сложный отрезок истории, очередную полосу нестабильности, испытывая воздействие сразу нескольких очень значимых факторов. Прежде всего это глобальный системный, не только финансово-экономический кризис, который усугубляется запутанной, осложненной пандемией COVID-19 ситуацией переходного миропорядка [Global 2021]. От биполярного, через лелеемый США несостоявшийся однополюсный миропорядок, к очень неопределенному, даже концептуально, по своим геополитической конструкции и наполнению, полицентричному, по определению Е. Примакова, многополюсному миропорядку. Впрочем, в условиях глобализации он может быть и «бесполюсным», сетцентричным, когда негосударственные и даже надгосударственные силы (экономические, политико-информационные, религиозные, военно-террористические) будут играть чуть ли не решающую роль в его формировании и существовании. Уже это задает очень размытые представления о миропорядке будущего, характере взаимодействия в нем, балансе сил и интересов, наборе акторов, ведущих и второ-

степенных, динамике их возвышения или падения, многом другом. То есть этот миропорядок, его контуры, по крайней мере во взгляде «из сегодня», выглядят очень нечеткими, нестабильными, неуправляемыми, а потому угрожаемыми с точки зрения национальной и международной безопасности [Meeting 2019].

Процессы глобализации (контрглобализация – лишь одно из их проявлений), все большее «раскрытие» экономик, расширение транспортно-логистических, информационных, военно-технических возможностей резко «сближают» страны и народы (так называемое «сжатие пространства» – shrinkage of space). Следствием чего оказывается не только рост позитивного взаимодействия, прежде всего в сфере экономики, но и пересечение, наложение интересов и зон влияния, пространственное сближение противоречий, конфликтных ситуаций, возможностей для массированных миграций, информационно-психологического воздействия. Отмечены резкая активизация использования в международных целях инструментов «мягкой силы», рост способности через них влиять на внешнюю и внутреннюю политику, умонастроения. И это, как уже говорилось, может вызвать необходимость в качестве средства сдерживания асимметрично задействовать, прямо и косвенно, те или иные элементы военной силы [Annual 2021].

Серьезнейшим фактором, разрушающим военно-стратегическую стабильность, является галопирующий технологический и военно-технический прогресс с возникновением все новых дестабилизирующих, разрушительных видов вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ), приемов и принципов их использования. Что необычайно повышает уязвимость современной экономики, доступность для участия, в том числе дистанционного, в удаленных конфликтах с помощью высокоточного оружия большой дальности, новейших систем наблюдения, разведки, коммуникаций, управления войсками. Одной из сторон происходящих процессов выступает неостановимая, крайне дорогостоящая вертикальная, инновационная гонка вооружений [Контроль 2020, с. 73–87]. Когда каждый из ведущих акторов международных отношений считает необходимым «показать зубы», обогнать соперника (и партнера) в сфере военных технологий, в том числе в целях предупредить его от экспансии, осуществления необдуманных, недружественных, самоуверенных шагов в области безопасности, в частности направленных против РФ. И здесь очень сложно «договориться», особенно с учетом нынешнего всеобщего взаимного недоверия и роста числа акторов, обладающих новейшими военными технологиями и возможностями производства дестабилизирующих вооружений. Сегодня одними из таких неразвязываемых узлов в сфере безопасности являются киберсфера и связанные с ней взаимные, очень серьезные угрозы, а также оборонный космос, ракетно-ядерное оружие средней и меньшей дальности [Арбатов, Миллер 2021, с. 7–39].

В настоящее время происходит (по крайней мере заявляется) генеральная смена технико-экономических и цивилизационных укладов, это неизбежно вызывает дополнительные трения, противоречия между странами – обладателями тех или иных компетенций, структур экономики, производств. Причем есть и такой взгляд: нынешний глобальный кризис отчасти «придуман» и стимулируем для того, чтобы ускорить процесс смены технико-экономических укладов и лишить преимуществ, доходов страны и регионы, имеющие определенную специализацию в международном разделении труда, выгоды от присутствия на мировых рынках, в том числе Россию. Так, совершенно очевидно, что нынешний возглавляемый США поход за экологию и «зеленую экономику» носит в первую очередь прикладной геополитический характер в контексте «гибридного» противостояния.

Наконец, о факторе COVID, его экономических, геополитических последствиях (в данной работе мы не рассматриваем COVID-19 в качестве возможного специально созданного средства глобального противоборства и биологической войны). На его купирование, преодоление последствий в мировой экономике, по весьма скромным допущениям, суммарно должно быть потрачено (и уже потрачено) несколько десятков трлн долл. Притом это совершенно не факт, что мировая экономика вернется к прежней траектории развития, не окажется фрагментированной, лишенной прежних стимулов и мотиваций. Отметим, что не меньшее, а то и большее воздействие, чем на экономику, фактор COVID оказывает на сферу безопасности, психологию, поведенческие аспекты, являясь катализатором для многих деструктивных, дестабилизирующих процессов во внешней и внутренней политике, средством политической борьбы [Казеннов, Кумачев, Королева 2020, с. 13–26].

Вроде бы, руководствуясь здравым смыслом, сегодня необходимы своего рода «водяное перемирие», откладывание противоречий, конфронтаций «до лучших времен», сосредоточившись на преодолении нынешней глубокой кризисной ситуации, которая затрагивает всех. Но именно эта кризисность, неопределенность, турбулентность, угрожаемость современного мира, авантюризм и недальновидность ряда политических лидеров, руководителей глобальных финансово-экономических, информационно-технологических структур, внесистемных сил заставляют искать дополнительные возможности обеспечения национальной безопасности, как ее понимает каждый из акторов мировой геополитики. Это обладание неким «страховочным поясом» как раз в лице сильной обороны и ВЭД, в том числе за неимением или недостаточностью других эффективных и надежных инструментов, рычагов обеспечения собственной национальной и военной безопасности. Отметим, что нынешнее мутное и смутное время мировой геополитики, когда «все заняты своими делами», – очень удобный момент для экспансии, агрессии, реализации своих потаенных планов, вынашиваемых годами и десятилетиями, в том числе с помощью военной силы.

На фоне вышесказанного международная обстановка для РФ в ближайшие неспокойные годы будет достаточно сложной, вне зависимости от персоналий в российской верховной власти. Как в силу указанных выше проблем в сфере международной безопасности, так и с учетом особенностей, характерных для России, ее внешней и внутренней политики на данном этапе ее развития, и специфического отношения к РФ на мировой арене. И это во многом объясняет необходимость для РФ проведения активной оборонной и военно-экономической политики. После распада СССР и геополитического провала 1990-х годов кто-то посчитал, что это и является «естественным» состоянием России в качестве второстепенной державы, без собственных национальных интересов, наличия оппонентов на международной арене, с практически свернутыми обороной и ОПК. А потому любые попытки РФ «вернуться в игру», хотя бы частично восстановить свое положение в первом ряду мировой геополитики расцениваются как «реваншизм» [North 2021], требующий жесткой реакции, включая экономическое, политическое и военно-политическое давление, всякого рода санкции, создание разнообразных проблем внутри страны и по ее периметру, на постсоветском пространстве (ПСП) [Казеннов, Кумачев, Королева 2021, с. 147–151]. Более того, скажем прямо, не было бы «казуса Крыма и Донбасса», были бы найдены иные поводы создания для России «ситуации перенапряжения», изоляции, санкционных ограничителей, блокирования и торможения экономического, технологического и военно-экономического развития, многого другого [Dobbins et al 2019].

Роль ВЭД РФ в обеспечении безопасности и стабильности на различных рубежах, в различных сферах, их военно-экономическом обустройстве заключается не только в участии в поддержании нынешнего военно-стратегического равновесия на должном уровне или даже достижении превосходства, причем в первую очередь в целях сдерживания. Это также обеспечение интересов РФ, национальной и военной безопасности на перспективу, для участия в вероятных противостояниях и схемах безопасности будущего. И эти уровни все время повышаются, хотя бы в силу общего удорожания оборонных и военно-экономических приготовлений, появления все новых разделов, сфер противоборства, в том числе пространственных, вовлечения в ВЭД все новых средств, технологий, в прошлом сугубо гражданских. Поэтому глобальная тенденция роста масштабов военно-экономических приготовлений, расходов на оборону будет продолжаться, несмотря на сложную ситуацию в мировой экономике на обозримые годы. При этом изменению угроз и вызовов (представлений о них и их приоритетности) и задач в области НБ в новых условиях очевидно сопутствует и динамика масштабов и структуры оборонных и военно-экономических приготовлений [Климов 2020; Defence 2021]. Нарушение оборонного и военно-экономического равновесия (не обязательно равенства), снижение активности одной из сторон могут вос-

приниматься другой стороной как нежелание и неспособность отстаивать национальные интересы и рубежи безопасности, спровоцировать ее на необдуманные шаги. Следует особо отметить: оппоненты России могут усиливать (демонстрировать это) рост военных и военно-экономических приготовлений на каком-либо рубеже, в какой-либо оборонной и военно-технической сфере для «сковывания» РФ на данных направлениях в целях снижения ее активности на других рубежах, в других сферах. Например, европейский и украинский рубежи и усиление напряженности в Черноморском регионе наверняка используются именно в таких целях, даже без задач прямого масштабного боестолкновения с РФ (ситуация на украинском рубеже требует особого, отдельного рассмотрения и не терпит скоропалительных выводов).

Разумеется, военно-силовая составляющая – лишь часть общего баланса сил, интересов, намерений. Свою важную роль играют, например, дипломатия, инструменты «мягкой силы», информационно-психологическое противоборство, геополитический маневр, «особые отношения» в сферах экономики, политики, безопасности. Но все же, как правило, именно военная мощь, способность и решимость ее применить в различном качестве занимают «самое почетное» место практически в любом геополитическом уравнении. Более того, именно взаимное понимание наличия военно-силового паритета или невозможности применения военной силы без очень серьезных взаимных последствий, эскалации конфликтов, заставляет искать другие, более безопасные решения тех или иных проблем. Фактор военной мощи незримо присутствует в сегодняшнем ситуационном партнерстве РФ и Турции, когда реальные противоречия накладываются на также реальные взаимные интересы. Подобная ситуация присутствует в отношениях США и КНР, в связи с чем вероятность их прямого масштабного боестолкновения явно преувеличена.

Задача оптимизации военно-экономической деятельности РФ: ограничители и возможности

Высокая стоимость современной обороны требует от РФ очень тщательно выбирать оптимальный вариант ВЭД, целесообразность для нее конкретного сценария, с учетом в целом ограниченных собственных ресурсов и одновременно необходимости надежного обеспечения национальной и военной безопасности. Так, в сегменте стратегических ядерных вооружений (которые сегодня уже не «триада», а по крайней мере «пентада», включая противоракетную оборону – ПРО, новейшие средства из арсенала наступательных вооружений и т.д.) РФ нужно быть очень избирательной при осуществлении военно-технической политики в области глобального ракетно-ядерного противостояния, снижения его угрожаемости. В любом случае РФ не следует пытаться участвовать в «зеркальной» военно-технической и военно-экономической гонке по

всем азимутам, концентрируя свои усилия на ключевых направлениях, способных надежно обеспечить безопасность РФ. Напомним, что только государственные ассигнования США на космос на порядок превышают российские. Расходы США на военные НИОКР эквивалентны (превышают) всему оборонному бюджету РФ, а на проекты по военным НИОКР, модернизации ВВСТ, иным инновационным мероприятиям США тратят 1/6 своего многомиллиардного военного бюджета. Подытоживая сказанное: у РФ нет альтернативы асимметричному подходу к обеспечению своей национальной и военной безопасности, причем данная ситуация сохранится еще долго.

Еще один вопрос, сегодня для РФ, ее НБ и ВЭД актуальный, – это соотношение оборонной деятельности, присутствия на различных рубежах, поясах безопасности – от ближнего зарубежья, геополитического предполья до дальних рубежей, других континентов, Мирового океана. Безусловно, привлекательным выглядит желание встречать вызовы и угрозы, реальные и неочевидные, не требующие обязательного и срочного ответа, на дальних рубежах, играть роль глобальной сверхдержавы, хотя в этом есть серьезные проблемы и минусы для российской ВЭД.

Так, в свое время Запад по сути «выманивал» СССР на глобальное присутствие, со страхом и злорадством наблюдал, как «русский медведь учится плавать», создавая мощный и дорогостоящий океанский флот. При очень значительных затратах, не только на чисто военные цели, СССР зачастую получал от данного присутствия отрицательную эффективность, политические и репутационные потери. Поэтому сегодня ситуация не должна повториться и магистральный путь российской геополитики, оборонной и военно-экономической деятельности, помимо обеспечения стратегического ракетно-ядерного сдерживания, – это оборона ближних и промежуточных рубежей, в том числе морских. Это, например, недопущение дестабилизации постсоветского пространства, создание своего потенциала сдерживания в Арктике, блокирование возможной ползучей экспансии, экспорта терроризма и нестабильности с южных и юго-западных, не только среднеазиатского (афганского), направлений. И безусловно недопущение приближения блока НАТО, других недружественных, конкурентных сил к ядру российской цивилизации через то же ПСП. А это, например, отказ от создания всякого рода авианосных ударных групп (АУГ), что сегодня Россия «не потянет» ни экономически, ни технологически. И что, будучи прежде всего средством проецирования силы (к тому же все более уязвимым, с учетом новейших противокорабельных вооружений), никак не вписывается в новую Стратегию национальной безопасности РФ с необходимостью решения действительно первостепенных задач по обеспечению национальной и военной безопасности страны.

Отдельный вопрос – военное присутствие РФ в Сирии. Вряд ли можно точно вычислить расходы РФ на сирийскую кампанию. Например, как счита-

ется, расходы Ирана по Сирии составляют 8–12 млрд долл. в год [Военно-экономическое 2020, с. 157–159]. По заявлениям Министерства обороны РФ, преобладающая доля расходов на российское присутствие в Сирии идет через плановые расходы на учения и боевую подготовку. Через Сирию пропущена (в режиме контртеррористической операции – КТО) значительная часть командного и летного состава ВС РФ, задействовано и тестировано несколько сот образцов ВВСТ, у половины из которых выявлена необходимость доработки и модернизации, ряд из них снят с вооружения [Совещание 2021]. В любом случае вряд ли стоит российский опыт объемного присутствия в Сирии распространять далее, на другие страны ГСП, в Африке, Латинской Америке, тем более при нынешнем состоянии российской экономики и требующих контроля проблемах в ближнем зарубежье. Это относится и к структуре ВС РФ, военно-экономических приготовлений. Не следует копировать и поведение США: более четверти расширенного (extended) валового продукта этой страны производится за ее пределами; за границей у США до 800 военных баз и объектов, из них почти 200 крупных. Кроме того, России не следует стремиться заполнять геополитические пустоты, которые образуются по мере ухода, ослабления присутствия США в ряде стран и регионов, например в Афганистане. При этом для РФ необходимо избегать «партнерств ради партнерства», излишних, слишком обязывающих, обременительных для России, в том числе в военно-экономическом отношении, со стремлением использовать РФ в одностороннем порядке, разыгрывать российскую карту, для «примерки шапок в Москве, чтобы демонстрировать их в Вашингтоне». Это относится и к партнерству с государствами, считающимися для РФ «близкими» по позиции на международной арене.

Даже с учетом в целом достаточно ограниченных военно-экономических возможностей в предыдущее десятилетие было сделано многое для существенного повышения обороноспособности РФ. Доля современных ВВСТ в ВС РФ фактически выросла в полтора раза и в среднем составляет более 70% (в стратегических силах сдерживания – близко к 90%) [Послание 2021]. Правда, при высоких темпах военно-технического прогресса моральное старение ВВСТ происходит гораздо быстрее физического, это требует постоянной модернизации, обеспечения модификационного ресурса. В несколько раз выросло число учений, повысилось их качество, что позволило значительно повысить боеготовность ВС РФ. Прделана большая работа по обеспечению целостности, системности всего оборонного комплекса, включая ОПК, систему закупок ВВСТ, услуг, финансирования, экономическую работу в войсках. В то же время выявлена несостоятельность всемерного использования в сфере обороны, тем более в войсках, схемы аутсорсинга. Фактически сегодня при осуществлении оборонной и военно-экономической деятельности используется «принцип гусеницы», когда отстающие элементы подтягиваются

к опережающим для достижения общей высокой результативности. Применение новейших сил и средств управления войсками позволило повысить эффективность их использования за счет многосферности (мультидоменности) межвидового боевого взаимодействия.

Что еще нужно исправлять, причем срочно? Последнее серьезное повышение денежного довольствия (ДД) военнослужащих, других выплат по линии Министерства обороны РФ произошло в начале прошлого десятилетия. И это не только гуманитарный аспект: не исключены проблемы с кадровым составом, его качеством, особенно в высокотехнологичных сегментах оборонного комплекса, что может негативно сказаться на боеготовности, мотивированности [Васильев 2019]. И очень важно, что в сентябре 2021 г. Государственной думой РФ принято решение о разовом повышении ДД военнослужащих и сотрудников других силовых структур и его ежегодной индексации. Среди общеэкономических факторов, негативно влияющих на развитие оборонной сферы и ВЭД, – высокая инфляция. А это сказывается на вопросах долгосрочного планирования, ценообразования при выполнении гособоронзаказа (ГОЗ), построении кооперационных цепочек. Доля РФ в мировых расходах на НИОКР снизилась с 1,5 до 1,1%, после стабилизации в конце нулевых годов доля РФ в глобальном валовом продукте несколько снизилась и сегодня лишь немного превышает 2%. Все это может негативно отразиться как в текущей, так и в еще большей степени в перспективной оборонной и военно-экономической деятельности РФ.

С учетом возрастающей стоимости жизни военнослужащих, резкого снижения «болевого порога потерь» (в развитых странах сегодня в семьях один-два ребенка, а не десять), стоящих задач по дальнейшему повышению эффективности вооруженной борьбы все большую роль в ведении войны будут играть всякого рода автоматические, роботизированные, беспилотные системы (не только БПЛА), приемы бесконтактной, «безлюдной», «дистанционной» войны с необходимостью разработки и производства соответствующих ВВСТ. Поскольку в реальных вооруженных конфликтах особое место будут занимать конфликты пониженной интенсивности, КТО, операции «без линии фронта» в сложных климатических и иных обстоятельствах, существует необходимость в специализированных ВВСТ для полярных, пустынных, горных и предгорных, городских условий осуществления «быстрых», ограниченных по масштабам и времени спецопераций и т.д. [Журавель 2018, с. 159; Гавриленко 2021].

Значительная территория РФ (17,5 млн км²), периметр границ протяженностью в полтора экватора, размеры эксклюзивной экономической зоны РФ (8,6 млн км²), существование более половины субъектов РФ в качестве приграничных, возможные неожиданности с самых разных направлений из геополитического предполья РФ, с ПСП предъявляют особые требования к ло-

гистике, мобильности войск, средствам их переброски, наземным и воздушным (явная нехватка стареющей, требующей замены военно-транспортной авиации – ВТА РФ), службам материально-технического обеспечения. Существенные вопросы возникали и с перемещением сил и средств для выдвижения на сирийский полигон.

Отдельный вопрос – создание специализированных ВВСТ для КТО. Данная задача состоит, в том числе, и в целях снижения стоимости подобных операций, поскольку применение сверхдорогих современных вооружений («томагавком по палатке бедуина») и слишком затратно, и зачастую неэффективно [В Узбекистане 2019]. Однако практика США, Израиля показывает, что для ведения КТО, спецопераций может потребоваться очень дорогая и самая современная техника при комплексном использовании космических средств, новейших средств разведки, наблюдения, целеуказания, для борьбы с «кассамами» и другими дешевыми «самоделками» террористов [Israel 2020].

При этом России необходимо избегать излишних трат на «избыточную инновационность» в деле создания и производства вооружений, тем более по тупиковым проектам, на что неоднократно (и с очень значительными финансовыми и иными потерями) наталкивались те же США [After 2021; Steinbock 2014, р. 3–28]. К сожалению, у РФ также имеется подобный негативный опыт, в том числе с попытками неоправданной «модульности», излишней стандартизации комплектующих и узлов в ходе разработки и производства ВВСТ, совмещения на одной платформе несовместимых, мешающих друг другу функций [О новых 2019]. Во время посещения одного из предприятий ОПК В. Путин выразился в том смысле, что не следует делать самоцелью создание «ковров-самолетов» в одном экземпляре только для выставки. Кроме того, многие подобные «инновационные» изобретения очень затратны, сложны в производстве и эксплуатации («дисплеи вместо рычагов»), обслуживании, не обладают достаточным экспортным потенциалом. При этом ни в коем случае не следует поддаваться лоббистским усилиям со стороны представителей видов и родов ВС и ОПК, целью которых подчас является прежде всего увеличение финансирования и получение крупных оборонных заказов (этим грешат и во многих других странах – для военных расходы на оборону, деньги никогда не бывают «лишними»). Тем более, когда в современном мире часть гонок вооружений носит виртуальный характер, является имитацией «исключительных» военно-технических достижений, стремлением «раскрыть» оппонента на неоправданные расходы.

Кратко остановимся на задачах РФ в области военно-технического сотрудничества (ВТС) – важной составляющей ВЭД. Ежегодные поставки российских ВВСТ за границу – до 15 млрд долл., общий портфель заказов – до 55 млрд долл. Многие отечественные предприятия ОПК свои доходы, средства на расширение и модернизацию производства, инвестиции в НИОКР

черпают именно из выгодных зарубежных контрактов. Каковы перспективы данной составляющей ВЭД РФ? Российские вооружения – надежные, простые в эксплуатации, пока достаточно дешевые – пользуются значительным спросом, особенно в условиях роста глобальной неопределенности и нестабильности. Правда, при все большей конкуренции, например со стороны Китая, предлагающего на мировом рынке в том числе и реплики российских ВВСТ.

Свою роль играют и будут играть санкции против участия РФ в международной кооперации в области новых и военных технологий, закупок необходимых оборудования и комплектующих. Ограничения по сделкам накладываются и на получателей российских ВВСТ, например, согласно американскому закону СААТСА (Закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act of 2017, Pub.L.115–44)), которые РФ и ее партнеры учатся преодолевать. Подчеркнем: помимо коммерческой, у ВТС РФ имеются и очень значимые политико-военные функции, к примеру в отношениях со странами ОДКБ. Сегодня приходится делать поправку на экономические сложности у покупателей и влияние пандемии COVID. У заказчиков российских ВВСТ снизились финансовые возможности, имеют место «перенос вправо» сроков реализации сделок, растянутые во времени платежи, неудобные для РФ условия контрактов.

Сделаем важное уточнение. ВЭД РФ, с учетом всякого рода внешних санкций, прежде всего в инновационной сфере, блокирования участия России в кооперационных связях в области высоких технологий, в обозримой перспективе будет вынуждена развиваться прежде всего в автономном режиме, с опорой исключительно на свои технологические и экономические силы и возможности, за счет импортозамещения.

* * *

Подведем некоторые итоги. Сложная для РФ международная обстановка, как по причине общей нестабильности глобальной системы безопасности, так и «особого» отношения к России, потребует от нее значительных усилий в области обороны и безопасности. Причем на военную составляющую и соответствующее военно-экономическое обеспечение ложится повышенная ответственность, в связи с чем кому-то они могут представляться как «чрезмерные», отнимающие ресурсы у гражданской экономики. Однако ситуация в современной России такова, что недостаточность и неполнота других инструментов обеспечения НБ РФ в лице «мягкой силы», зрелых и взаимовыгодных партнерских отношений делают невозможным реально переложить на них с военно-силовой компоненты существенную часть нагрузки и расходов по обеспечению надежной внешней безопасности страны.

Рост глобальных военных расходов и наращивание оборонных потенциалов в условиях глобальной нестабильности будут продолжаться, даже с учетом серьезных экономических проблем [7 years 2021]. И России неизбежно придется участвовать в этих процессах, в создании и производстве новых дорогостоящих ВВСТ с соответствующим ростом расходов на эти цели, обладая при этом весьма ограниченными ресурсными возможностями. Поэтому оборонная и военно-экономическая деятельность РФ могут быть только экономными, таргетированными, «асимметричными», реалистичными. С очень тщательным очерчиванием системы национальных интересов, целей и задач, сфер и рубежей противоборства, приоритетов в военном строительстве и ВЭД.

Библиография

- Актуальные методики анализа национальной безопасности РФ и их совершенствование // V Всероссийская научно-практическая конференция «Аналитика развития и безопасности России». Секция 3. Общественная палата РФ. 15 ноября 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ab-Ja_4TiA8&list=PLpz_6a2E7ZVeLLbZYXDKSiF5IGeDWM-OC&index=5 (дата обращения: 06.04.2022).
- Арбатов А.Г. Дialeктика Судного дня: гонка вооружений и их ограничения // ПОЛИС. Политические исследования. 2019. № 3. С. 27–48.
- Арбатов А.Г., Миллер С. Ядерные опасности новой эры: перспективы ядерного выбора России и США. М.: Весь Мир, 2021. 80 с.
- Бартош А. Гибридная, скрытная, непредсказуемая // Независимое военное обозрение. 2021. 13–19.08. № 30. URL: Гибридная, скрытная, непредсказуемая / Геополитика / Независимая газета (ng.ru) (дата обращения: 06.04.2022).
- Военно-экономическое развитие и безопасность / Под ред. Л.В. Панковой и О.В. Гусаровой. М.: Весь Мир, 2020. 440 с.
- Встреча с Заместителем Председателя Правительства Юрием Борисовым. Владимир Путин обсудил с вице-премьером Юрием Борисовым вопросы развития и диверсификации продукции оборонно-промышленного комплекса. Московская область, Ново-Огарево // Kremlin.ru. Официальный сайт президента РФ. 2021. 5 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66131> (дата обращения: 01.04.2022).
- Гавриленко А. Обеспечивая эффективность современных систем вооружения. Под руководством министра обороны генерала армии Сергея Шойгу в четверг прошло заседание коллегии военного ведомства // Красная Звезда. 2021. 27 авг. URL: <http://redstar.ru/obespechivaya-effektivnost-sovremennyh-sistem-vooruzheniya/> (дата обращения: 04.03.2022).
- Журавель В. Российская армия, МЧС и Росгвардия в Арктике: вопросы безопасности и международного сотрудничества // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5. С. 158–164.
- Замахина Т. Кудрин выступил против резкого сокращения расходов на оборону // RG.RU. Российская газета. 2020. 15 окт. URL: <https://rg.ru/2020/10/15/kudrin-vystupil-protiv-rezkogo-sokrashcheniia-rashodov-na-oboronu.html> (дата обращения: 18.03.2022).
- Васильев П. Защита отечества в режиме экономии // Военно-промышленный курьер. 2019. 15–21 октября. URL: Защита Отечества в режиме экономии / Еженедельник «Военно-промышленный курьер» (vpk-news.ru) (дата обращения: 04.03.2022).

Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н., Королева Е.М. Некоторые особенности военно-экономической деятельности периода коронакризиса // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 4. С. 13–26.

Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н., Королева Е.М. Постсоветское пространство и национальная безопасность РФ: задачи перезагрузки // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2021. С. 147–151.

Климов М. Рубить по-умному. О сокращении оборонных расходов и перераспределении финансирования между статьями оборонного заказа // Военно-промышленный курьер. 2020. 29 сентября. URL: <https://vpk-news.ru/articles/58856?> (дата обращения: 04.03.2022).

Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / Отв.ред. А.Г. Арбатов. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 177 с.

Лосев А. Война и деньги. Сколько стоят военные действия в современном мире // Народный журналист / Коммерсант.ру. 2020. 17 декабря. URL: <https://narzur.ru/vojna-i-dengi-skolko-stojat-voennye-dejstvija-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 25.03.2022).

Минфин предложил снизить траты на госпрограмму вооружений на 5% в год // Коммерсант.ру. 2020. 20 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4424873> (дата обращения: 22.03.2022).

В Узбекистане много танков, от которых мало толку // Военно-промышленный курьер. 2019. 30 июля. № 29. URL: <https://vpk-news.ru/articles/51715?> (дата обращения: 22.03.2022).

О новых мифах российской оборонки // Век, 2019. 21 фев. URL: <https://wek.ru/o-novykh-mifax-rossijskoj-oboronki> (дата обращения: 23.03.2022).

Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию. Церемония оглашения прошла в Москве, в Центральном выставочном зале «Манеж» // Kremlin.ru. Официальный сайт президента РФ. 2021. 21 апр. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 06.04.2022).

Совещание с руководством Минобороны и представителями ОПК // Kremlin.ru. Официальный сайт президента РФ. 2021. 25 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65653> (дата обращения: 01.04.2022).

Стенограмма выступления Путина на заседании Российского организационного комитета «Победа» // Президент России. 2021. 20 мая. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-rossiiskogo-organizacionnogo-komiteta-pobeda-20-05-2021.html> (дата обращения: 01.04.2022).

Ювелирный подход к исполнению военного бюджета. Интервью замминистра обороны РФ Т. Шевцовой // Красная звезда. 2020. 25 дек. URL: <http://redstar.ru/yuvelirnyj-podhod-k-ispolneniyu-voennogo-byudzheta/> (дата обращения: 12.03.2022).

7 years of uninterrupted growth takes global defence spend to USD1.9 trillion, says Janes // Defence News. 26 January 2021. URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/7-years-of-uninterrupted-growth-takes-global-defence-spend-to-usd1.9-trillion-says-janes> (дата обращения: 25.03.2022).

After 20 Years, The F-35 Stealth Fighter Is Still Stuck In Testing // Forbes. 2021. 25 Feb. URL: <https://www.forbes.com/sites/davidaxe/2021/02/25/after-20-years-the-f-35-stealth-fighter-is-still-stuck-in-testing/> (дата обращения: 21.03.2022).

Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community // Office of the Director of National Intelligence. 2021. 9 April. 27 pp. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/04/13/us/annual-threat-assessment-report-pdf.html> (дата обращения: 02.04.2022).

Defence in a Competitive Age // Presented to Parliament by the Secretary of State for Defence by Command of Her Majesty. 2021. March. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/974661/CP411_-Defence_Command_Plan.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Bryan F., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B. Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // RAND Corporation. 2019. April. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (дата обращения: 26.03.2022).

Global Trends 2040. A more contested world // A Publication of the National Intelligence Council. 2021 March. 145 p. URL: <https://www.dni.gov/index.php/gt2040-home/introduction> (дата обращения: 26.03.2022).

Israel Military Strength (2020) // Global Firepower – World Military Strength. 2022. 05 Feb. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=israel (дата обращения: 07.04.2022).

Kofman M., Connolly R. Why Russian Military Expenditure Is Much Higher than Commonly Understood (as is China's). War on the Rocks // Texas National Security Review. 2019. 16 Dec. URL: <https://warontherocks.com/2019/12/why-russian-military-expenditure-is-much-higher-than-commonly-understood-as-is-chinas/> (дата обращения: 12.03.2022).

Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Nuclear Weapons in Changing Global Order / Ed. by S. Miller, R. Legvold, L. Freedman // Cambridge, Mass.: American Academy of Arts and Sciences. 2019. 88 p.

North Atlantic Council Statement Following the Announcement by the US of Action with Regard to Russia // NATO. Press Release. 2021. 15 Apr. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_183168.htm (дата обращения: 12.04.2022).

SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. 2021. URL: https://sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2020_0.xlsx (дата обращения: 01.04.2022).

Steinbock D. The Challenges for America's Defense Innovation // The Information Technology and Innovation Foundation. 2014. 35 pp. URL: <https://www2.itif.org/2014-defense-rd.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

References

7 years of uninterrupted growth takes global defence spend to USD1.9 trillion, says Janes. Defence News. 26 January 2021. URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/7-years-of-uninterrupted-growth-takes-global-defence-spend-to-usd1.9-trillion-says-janes> (date of access: 25.03.2022).

After 20 Years, The F-35 Stealth Fighter Is Still Stuck In Testing [Forbes]. 2021. Feb. 25. URL: <https://www.forbes.com/sites/davidaxe/2021/02/25/after-20-years-the-f-35-stealth-fighter-is-still-stuck-in-testing/> (date of access: 21.03.2022).

Aktual'nye metodiki analiza natsional'noi bezopasnosti RF i ikh sovershenstvovanie. [Current Methods of Analyzing the National Security of the Russian Federation and Their Improvement]. V Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Analitika razvitiya i bezopasnosti Rossii». Sektsiya 3. Obshchestvennaya palata RF. 15 noyabrya 2018. [V Russian Scientific and Practical Conference «Analytics of Development and Security of Russia». Section 3]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ab-Ja_4TiA8&list=PLpz_6a2E7ZVeLLbZYXDKSiF5IGeDWM-OC&index=5 (date of access: 06.04.2022). (In Russ.)

Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community. Office of the Director of National Intelligence. 2021. 9 April. 27 pp. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/04/13/us/annual-threat-assessment-report-pdf.html>. (date of access: 02.04.2022).

Arbatov A.G. Dialektika Sudnogo dnya: gonka vooruzhenii i ikh ogranicheniya [Doomsday dialectics: the arms race and their limitations]. POLIS. Politicheskie issledovaniya [POLIS. Political studies]. 2019. N 3. P. 27–48. (In Russ.)

Arbatov A.G., Miller S. Yademnye opasnosti novoi ery: perspektivy yadernogo vybora Rossii i SShA. [Nuclear Dangers of the New Era: Prospects for the Nuclear Choice of Russia and the United States]. Izdatel'stvo «Ves' Mir» [The Whole World], M.: 2021. P. 80. (In Russ.)

Defence in a Competitive Age. Presented to Parliament by the Secretary of State for Defence by Command of Her Majesty. 2021, March. P. 27–64. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/974661/CP411_-_Defence_Command_Plan.pdf (date of access: 14.03.2022).

Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Bryan F., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B. Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options. RAND Corporation. 2019. April. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (date of access: 26.03.2022).

Gavrilenko A. Pod rukovodstvom ministra oborony generala armii Sergeya Shougu v chetverg proshlo zasedanie kollegii voennogo vedomstva. [Under the leadership of the Minister of Defense, Army General Sergei Shoigu, a Meeting of the Board of the Military Department Was Held on Thursday]. Krasnaya Zvezda [Red Star]. 2021. 27 Aug. URL: <http://redstar.ru/obespechivaya-effektivnost-sovremennyh-sistem-vooruzheniya/> (date of access: 04.03.2022). (In Russ.)

Global Trends 2040. A more contested world. A Publication of the National Intelligence Council. 2021. March. 145 p. URL: <https://www.dni.gov/index.php/gt2040-home/introduction> (date of access: 26.03.2022).

Israel Military Strength (2020). URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=israel (date of access: 07.04.2022).

Kazenov S.Yu., Kumachev V.N., Koroleva E.M. Nektorye osobennosti voenno-ekonomicheskoi deyatel'nosti perioda koronakrizisa [Some Features of Military-economic Activity of the Period of the Crown Crisis] Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. [Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS]. 2020. N 4. P. 13–26. (In Russ.)

Kazenov S.Yu., Kumachev V.N., Koroleva E.M. Postsovetskoe prostranstvo i natsional'naya bezopasnost' RF: zadachi perezagruzki. [Post-Soviet Space and National Security of the Russian Federation: Reset Tasks]. Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. [Russia: Trends and Prospects of Development. Yearbook]. Vol. 16. Part 1. M.: INION, 2021. P. 147–151. (In Russ.)

Klimov M. Rubit' po-umnomu. O sokrashchenii oboronnykh raskhodov i pereraspredelenii finansirovaniya mezhdru stat'yami oboronno go zakaza. [Hack Smart. On Reducing Defense Spending and Reallocating Funding Between Items of the Defense Order]. Voennno-promyshlennyyi kur'er. 2020, 29 Sep. URL: <https://vpk-news.ru/articles/58856?> (date of access: 04.03.2022). (In Russ.)

Kofman M., Connolly R. Why Russian Military Expenditure Is Much Higher than Commonly Understood (as is China's). War on the Rocks. Texas National Security Review, 2019. December 16. URL: <https://warontherocks.com/2019/12/why-russian-military-expenditure-is-much-higher-than-commonly-understood-as-is-chinas/> (date of access: 12.03.2022).

Kontrol' nad vooruzheniyami v novykh voenno-poliicheskikh i tekhnologicheskikh usloviyakh. Otv. red. A.G. Arbatov. [Arms Control in the New Military-political and Technological Conditions. Ed. by A.G. Arbatov]. M.: IMEMO RAN, 2020. 177 p. (In Russ.)

Losev A. Voina i den'gi. Skol'ko stoyat voennye deistviya v sovremennom mire. [War and Money. How Much Do Military Actions Cost in the Modern World]. Kommersant" [Kommersant]. // Narodny'j zhurnal. Kommersant.ru. 2020. 17 Dec. URL: <https://nazarur.ru/vojna-i-dengi-skolko-stojat-voennye-dejstvija-v-sovremennom-mire/> (date of access: 25.03.2022). (In Russ.)

Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Nuclear Weapons in Changing Global Order. Ed. by S. Miller, R. Legvold, L. Freedman. Cambridge, Mass.: American Academy of Arts and Sciences. 2019. P. 88.

Minfin predlozhit' snizit' traty na gosprogrammu vooruzhenii na 5% v god. [The Ministry of Finance Proposed to Reduce Spending on the State Armament Program by 5% per year] Kommersant" [Kommersant]. 2020. 20 Jul. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4424873> (date of access: 22.03.2022). (In Russ.)

V Uzbekistane mnogo tankov, ot kotory'x malo tolku [Many Tanks, Not Much Use] // Voennopromyshlenny'j kur'er [Military-Industrial Courier]. 2019. 30 Jul. N 29. URL: <https://vpk-news.ru/articles/51715?> (date of access: 22.03.2022). (In Russ.)

North Atlantic Council Statement following the announcement by the US of action with regard to Russia. Press Release. 15 Apr. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_183168.htm (date of access: 12.04.2022).

O novy'x mifax rossijskoj oboronki About the New Myths of the Russian Defense Industry] // Vek. 2019. 21 Feb. URL: <https://vek.ru/o-novykh-mifakh-rossijskoj-oboronki> (date of access: 23.03.2022). (In Russ.)

Poslaniye Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu. [Transcript of Vladimir Putin's Message To The Federal Assembly] // Kremlin.ru. Oficial'ny'j sayt prezidenta RF. 2021. 21 Apr. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslaniya-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-21-04-2021.html> (date of access: 06.04.2022). (In Russ.)

SIPRI Military Expenditure Database [Электронный ресурс]. Stockholm International Peace Research Institute: [сайт]. [2021]. URL: https://sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2020_0.xlsx (date of access: 01.04.2022).

Soveshchanie s rukovodstvom Minoborony i predstavitelyami OPK. [Meeting With the Leadership of the Ministry of Defense and Representatives of the Defense Industry on] // Kremlin.ru. Oficial'ny'j sayt prezidenta RF. 2021. May 25. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65653> (date of access: 01.04.2022). (In Russ.)

Steinbock D. The Challenges for America's Defense Innovation // The Information Technology and Innovation Foundation. 2014. Nov. 35 pp. URL: <https://www2.itif.org/2014-defense-rd.pdf> (date of access: 01.04.2022).

Stenogramma vystupleniya Putina na zasedanii Rossiiskogo organizatsionnogo komiteta «Pobeda». [Transcript of Putin's speech at the meeting of the Russian Organizing Committee «Victory»] // Prezident Rossii. 2021. 20. May. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystupleniya-putina-na-zasedanii-rossiiskogo-organizatsionnogo-komiteta-pobeda-20-05-2021.html> (date of access: 01.04.2022). (In Russ.)

Voенно-экономическое развитие i bezopasnost'. Pod red. L.V. Pankovoi i O.V. Gusarovoi. [Military-economic Development and Security. Edited by L.V. Pankova and O.V. Gusarova] Izdatel'stvo «Ves' Mir» [Publishing House «The Whole World»]. M.: 2020. P. 157–159. (In Russ.)

Vstrecha s zamestitelem predsedatelya pravitel'stva Yuriem Borisovym. Vladimir Putin obsudil s vitse-prem'erom Yuriem Borisovym voprosy razvitiya i diversifikatsii produktsii oboronno-promyshlennogo kompleksa. [Meeting with Deputy Prime Minister Yuri Borisov. Vladimir Putin discussed with Deputy Prime Minister Yuri Borisov the Development and Diversification of Products of the Military-industrial Complex]. Moscow region, Novo-Ogarevo [Moskovskaya oblast', Novo-Ogarevo] // Kremlin.ru. Oficial'ny'j sayt prezidenta RF [Official website of the President of the Russian Federation] 2021. July 5. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66131> (date of access: 01.04.2022). (In Russ.)

Yuvelirnyi podkhod k ispolneniyu voennogo byudzheta. Interv'yu zamministra oborony RF T. Shevtsovoi [Jewelry Approach to the Execution of the Military Budget. Interview with Deputy Defense Minister of the Russian Federation T. Shevtsova] Krasnaya zvezda [Red Star]. 25.12.2020. URL: <http://redstar.ru/yuvelirnyj-podhod-k-ispolneniyu-voennogo-byudzheta/> (date of access: 12.03.2022). (In Russ.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Zamakhina T. Kudrin vystupil protiv rezkogo sokrashcheniya raskhodov na oboronu. [Zamakhina T. Kudrin Opposed a Sharp Reduction in Defense Spending]. Rossiiskaya gazeta. [Rossiyskaya Gazeta]. 2020. 15 okt. URL: <https://rg.ru/2020/10/15/kudrin-vystupil-protiv-rezkogo-sokrashcheniia-rashodov-na-oboronu.html> (date of access: 18.03.2022). (In Russ.)

Vasilev P. Zashchita otechestva v rezhime ekonomii [Protection of the Fatherland in Economy Mode] Voenno-promyshchlennyi kur'er [Military-Industrial Courier]. 2019. 15–21 okt. URL: <https://vpk-news.ru/articles/53020?> (date of access: 12.03.2022). (In Russ.)

Zhuravel' V. Rossiiskaya armiya, MChS i Rosgvardiya v Arktike: voprosy bezopasnosti i mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Russian Army, EMERCOM and Rosgvardiya in the Arctic: Security and International Cooperation] Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN. [Scientific-Analytical Bulletin of the Institute of Europe. RAS]. 2018. N 5. P. 158–164. (In Russ.)

В.В. Доржиева

**РОССИЯ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

***Аннотация.** Цифровая трансформация, как правило, ассоциируется с качественными изменениями в системе управления социально-экономической системы путем пересмотра стратегий (моделей) развития в результате внедрения цифровых технологий и создания для этого необходимой инфраструктуры, приводящих к прорывному развитию и значительным эффектам. В статье на основе доступных данных официальной статистики и аналитических отчетов международных и отечественных агентств представлено исследование о месте и роли России в цифровой трансформации мировой экономики. Полученные результаты свидетельствуют о том, что позиции развитых и развивающихся стран сильно разнятся в рейтингах, что обусловлено разным уровнем развития национальных экономик, технологическим заделом в развитии цифровой экономики, существенно различаются и подходы к цифровой трансформации. Как показало исследование, лидеры рейтингов вносят и наибольший вклад в цифровизацию мировой экономики. Анализ уровня развития цифровой экономики России показал, что, благодаря предпринимаемым усилиям по ускорению цифровой трансформации, фиксируется положительная динамика роста: масштабов цифровой экономики; объемов государственных расходов на цифровизацию; частных инвестиций на разработку и внедрение новых цифровых технологий; публикаций и получаемых патентов в области цифровых технологий; экспорта продуктов и услуг ИКТ, расходов населения на ИТ-услуги. Наибольшее количество патентов регистрируется в области искусственного интеллекта, 5G-технологий, систем беспилотного транспорта, финансовых технологий и виртуальной реальности. Вместе с тем Россия значительно отстает от стран-лидеров по количеству получаемых патентов в области прорывных цифровых (сквозных) технологий, что свидетельствует о низкой эффективности использования инвестиций.*

***Ключевые слова:** цифровая экономика; цифровые технологии; национальная стратегия развития цифровой экономики; конкурентоспособность.*

Доржиева Валентина Васильевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики РАН.
Россия, Москва.
E-mail: vvdorzheva@inecon.ru

Dorzhieva V.V. Russia in the process of digital transformation of the world economy

Abstract. Digital transformation, as a rule, is associated with qualitative changes in the management system of the socio-economic system by revising the development strategy (models) as a result of the introduction of digital technologies and the creation of the necessary infrastructure for this, leading to breakthrough development and significant effects. The article presents a study on the place and role of Russia in the digital transformation of the world economy based on available official statistics and analytical reports of international and domestic agencies. The results obtained indicate that the positions of developed and developing countries differ greatly in the ratings, due to the different level of development of national economies, technological groundwork in the development of the digital economy, and approaches to digital transformation differ significantly. According to the study, the leaders of the ratings also make the greatest contribution to the digitalization of the world economy. Analysis of the level of development of the digital economy of Russia has shown that, thanks to the efforts made to accelerate digital transformation, positive dynamics of growth is recorded: the scale of the digital economy; the volume of public spending on digitalization; private investment in the development and introduction of new digital technologies; publications and patents in the field of digital technologies; exports of ICT products and services, public spending on IT services. The largest number of patents are registered in the field of artificial intelligence, 5G technologies, unmanned transport systems, financial technologies and virtual reality. At the same time, Russia lags far behind the leading countries in terms of the number of patents received in the field of breakthrough digital (end-to-end) technologies, which indicates the low efficiency of using investments

Keywords: digital economy; digital technologies; national strategy for the development of digital economy; competitiveness.

Dorzhieva Valentina Vasilievna – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Head of the Center for Innovative Economics and Industrial Policy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: vvdorzhieva@inecon.ru

Введение

Современный этап развития мировой экономики характеризуется усилением фокуса на технологическую конкуренцию и адаптацию к новым изменениям в условиях глобальной пандемии COVID-19, ускорившим процессы цифровой трансформации [Дынкин 2021]. Достигнутый к началу 2022 г. уровень цифровой трансформации свидетельствует о том, что она вступила в активную фазу [Медовников 2017]. Так, к примеру, по оценкам экспертов: удельный вес цифрового сектора в мировом ВВП увеличится с 22,8% в 2016 г. [Цифровая 2018] до 50% в ближайшие 15–25 лет [State 2021]; гло-

бальный рынок цифровых технологий (ИТ-технологии, технологии Индустрии 4.0) – с 64,9 млрд долл. в 2021 г. до 165,5 млрд долл. в 2026 г. [Industry 2021]; ежемесячные глобальные потоки данных – с 230 эксабайт в 2020 г. до 780 эксабайт к 2026 г. [Доклад 2021]; наблюдается непрерывный рост числа пользователей Интернетом в мире и, по данным на 2021 г., составляет более 60% мирового населения [Global Digital 2021].

Следует отметить, что в развитых и развивающихся странах подходы к цифровой трансформации существенно отличаются, что обусловлено разным технологическим заделом в развитии цифровых технологий, уровнем развития национальных экономик, социальными и культурными различиями и прочими факторами¹. Отличаются и реализуемые странами соответствующие национальные стратегии и программы. Как правило, они уникальны, исходя из уровня готовности стран к цифровой экономике и компетенций [Доржиева 2021]. Одни страны с их помощью решают задачи углубления цифровизации всех секторов экономики, другие – преодоление цифрового разрыва и делают акцент на инфраструктурных проблемах развития ИКТ [Ленчук 2020]. В связи с этим для России важно при принятии решений в сфере развития цифровой экономики использовать накопленный успешный опыт развитых стран – цифровых лидеров, к которым относятся США, Китай, ряд стран ЕС и Юго-Восточной Азии. В качестве исходной гипотезы выступает тезис о том, что чем более развит ИКТ-сектор страны, чем больший объем инвестируется в разработку и внедрение новых прорывных технологий, чем больше объем производства и спроса на высокотехнологичную продукцию, тем страна будет более конкурентоспособной на глобальных рынках.

Сравнительный анализ вклада стран в цифровую трансформацию мировой экономики

С учетом значимости цифровизации для всех сфер социально-экономического прогресса, как уже отмечалось выше, развитые и многие развивающиеся страны на протяжении последних десяти лет предпринимают серьезные усилия по ускорению цифровой трансформации и реализуют национальные стратегии / программы по формированию цифровой экономики, благодаря которым растет вклад стран в цифровую трансформацию мировой экономики и уровень цифровой экономики (далее по тексту – ЦЭ) в ВВП. По данным ЮНКТАД, только за период 2012–2017 гг. было разработано 102 таких стратегий / программ [World 2017]. В России вопросы развития и широкомас-

1. Как переходят на цифру в разных странах: краткий обзор – <https://icl-services.com/company/news/kak-perekhodyat-na-tsifru-v-raznykh-stranakh-kratkiy-obzor/> (дата обращения: 31.01.2022).

штабного освоения цифровых технологий нашли отражение, например, в Стратегии развития информационного общества (2008), Стратегии развития отрасли информационных технологий (2013), Стратегии научно-технологического развития (2016), государственных программах «Информационное общество» (2014), «Научно-технологическое развитие» (2019), «Развитие науки и технологий» (2012), программе и национальном проекте «Цифровая экономика» (2017, 2018).

Важно отметить, как отличаются методы оценки / измерения ЦЭ и как они зависят от узкой или широкой ее трактовки: при узкой трактовке оценка ЦЭ базируется на расчете динамики развития сектора ИКТ, составляющего ядро ЦЭ; при широкой трактовке – с учетом влияния ИКТ на все другие сферы деятельности [Ленчук 2020]. Так, по уровню ЦЭ в ВВП отдельных стран, согласно оценкам ЮНКТАД, в 2017 г. вклад ЦЭ в ВВП США составлял 6,9% ВВП (в узком понимании ЦЭ) и 21,6% (в широком понимании ЦЭ), Китая – 6 и 30% ВВП [UNCTAD 2019]. Согласно данным McKinsey, в 2017 г. вклад ЦЭ в ВВП США составлял 10,9%, Китая – 10%, ЕС (пяти стран-лидеров – Великобритания, Германия, Италия, Франция и Швеция) – 8,2%, России – 3,9% [McKinsey 2017].

Если говорить о лидерах по вкладу в цифровую трансформацию мировой экономики, то, согласно оценкам экспертов Oxford Economics и Huawei, ими являются США (им принадлежит 35% объема мирового цифрового сектора), ЕС (около 25%) и Китай (13%) [Digital 2017]. В данном исследовании также отмечается, что увеличение инвестиций в ЦЭ на 20% приводит к росту ВВП на 1%.

Согласно данным исследований Ростелеком, основанным на оценке данных о динамике объемов инвестиций, грантов, количества научных публикаций и полученных патентов по странам, в 2019 г. наибольший относительный вклад в развитие мировой ЦЭ и цифровых технологий вносит Китай (2,44%) и США (1,9%). Россия в этом рейтинге занимает девятое место, опережая Италию, Канаду и Австралию (см. рис. 1) [Мониторинг 2020].

Как отмечают авторы публикации [Прохоров 2019], США, считающиеся родиной Интернета, доминируют по количеству дата-центров, в развитии больших данных, Интернета вещей, здесь сосредоточена половина глобального рынка ИТ-услуг. В Китае быстро растут новые области цифровых технологий, включая искусственный интеллект, Интернет вещей, промышленную робототехнику, финансовые технологии и виртуальные валюты. Китай – один из лидеров в развитии 5G-технологий. В России наиболее востребованы сервисная и промышленная робототехника, технологии компьютерного инжиниринга, RFID-технологии, решения для сбора, обработки и анализа больших данных, кибербезопасности, искусственный интеллект [Власкин 2019].

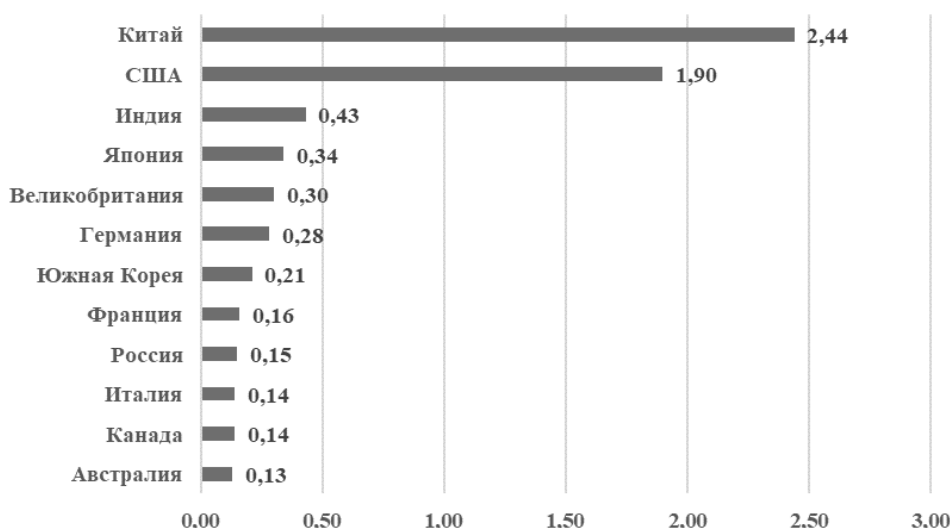

Рис. 1. Вклад стран (интегральный вес) в развитие цифровизации

Источник: составлено по: [Ростелеком 2020].

Особенности формирования и развития цифровой экономики в России

Россия имеет благоприятные предпосылки для активации процессов формирования ЦЭ, в том числе обусловленные принятием на государственном уровне ряда стратегически важных документов в целях совершения прорывов в данной сфере. Речь прежде всего идет о принятой в 2017 г. национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», преобразованной в декабре 2018 г. в формат национального проекта. Благодаря реализуемым мероприятиям, начиная с 2016 г., наблюдается рост инвестиционной активности в сфере ЦЭ, неуклонно растет спрос на ИТ-услуги, увеличивается количество опубликованных статей и патентов в области ИКТ (см. табл. 1).

Вместе с тем несмотря на серьезные шаги, которые делаются в сторону цифровизации, Россия по-прежнему отстает от других стран и находится в третьей-четвертой десятке в рейтинговых показателях цифровой трансформации, рассчитываемыми различными международными компаниями и зарубежными агентствами (см. табл. 2).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Таблица 1

Некоторые показатели, характеризующие развитие цифровой экономики в России

Наименование показателей	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики, млрд руб.	н/д	3324	3795	4094	4063
Объем ИКТ-рынка, трлн руб.	1140	1272	1419	1565	1779
Опубликованные статьи в области ИКТ (SCOPUS), шт.	8728	11 382	13 162	16 899	16 616
Удельный вес России в общемировом числе публикаций в области ИКТ (SCOPUS), %	2,13	2,64	2,74	3,01	3,48
Полученные патенты, шт.	1967	2269	2082	2665	н/д
Удельный вес России в общемировом числе патентных заявок в области ИКТ, %	0,32	0,34	0,3	0,35	н/д

Источник: составлено по: [Абдрахманова 2021]

Таблица 2

Позиции России в международных рейтингах цифрового развития

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности (63) (Network Readiness Index, Portulans Institute)					
Лидер рейтинга	Сингапур, Швеция	США, Сингапур	США, Сингапур	США, Сингапур	США, Гонконг
США	3	1	1	1	1
Китай	31	30	22	16	15
Россия	42	40	38	43	42
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Индекс готовности к сетевому обществу (134 стран) (World Digital Competitiveness Ranking / IMD, Switzerland)					
Лидер рейтинга	—	—	Швеция, Сингапур	Швеция, Дания	Нидерланды, Швеция
США	—	—	8	8	4
Китай	—	—		40	29
Россия	—	—	48	48	43

Продолжение таблицы

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Глобальный индекс сетевого взаимодействия (79) (Global Connectivity Index, GCI, Huawei)					
Лидер рейтинга	США, Сингапур	США, Сингапур	США, Швейцария	США, Сингапур	–
США	1	1	1	1	–
Китай	32	29	26	22	–
Россия	38	39	41	42	–
Индекс развития электронного правительства (193) (E-government Development Index, UN DESA, United Nations)					
Лидер рейтинга	–	Дания, Австралия	–	Дания, Р. Корея	–
США	–	11	–	9	–
Китай	–	65	–	45	–
Россия	–	32	–	36	–
Индекс электронной торговли В2С (152) (B2C E-Commerce Index, UNCTAD)					
Лидер рейтинга	Нидерланды, Сингапур	Нидерланды, Швейцария	Швейцария, Нидерланды	Швейцария, Нидерланды	–
США	26	14	13	12	–
Китай	16	16	14	10	–
Россия	43	42	40	41	–

Источники: составлено автором по данным отчетов международных агентств [IMD Huawei Portulans UNCTAD United 2022]

Согласно приведенным рейтингам, самыми конкурентоспособными являются страны – лидеры по объемам затрат на НИОКР, экспорту высокотехнологичной продукции на мировой рынок. Россия по итогам 2020–2021 гг. заняла в Мировом рейтинге цифровой конкурентоспособности 42-е место из 63 стран, по сути сохранив позиции 2017 г., в Глобальном индексе сетевого взаимодействия перешла с 38-го места в 2017 г. на 42-е место в 2020 г. из 79 стран, в Индексе развития электронного правительства (рассчитывается один раз в два года) – с 32-го в 2018 г. на 36-е место в 2020 г. из 193 стран, но улучшила свои позиции в Индексах готовности к сетевому обществу (с 48-го

в 2019 г. на 43-е место из 134) и электронной торговли B2C (с 43-го в 2017 г. на 41-е место в 2020 г. из 152 стран). Таким образом, динамика России в индексах конкурентоспособности улучшилась, несмотря на ограничения, связанные с уровнем развития и введенными санкциями со стороны стран Запада и США, и относится к группе перспективных стран, в которых идут активные процессы цифровой трансформации экономики.

Как показали результаты проведенного исследования [Ленчук 2020], общий уровень «цифровой зрелости» российской экономики низкий, что, в основном, обусловлено значительным технологическим отставанием, отсутствием необходимой инфраструктуры, нехваткой специализированного оборудования и программного обеспечения, в результате фиксируется высокая степень импортозависимости от развитых стран. В стране не наблюдается системной перестройки в ускорении процессов цифровизации, а использование цифровых технологий бизнесом находится на относительно низком уровне.

Важно также отметить, что реализуемая правительством модель (стратегия) формирования и развития цифровой экономики носит в основном декларативный характер, нет четкого описания направлений и ожидаемых результатов государственной политики, бюджетные инвестиции на реализацию «цифровых» федеральных проектов постоянно пересматриваются и сокращаются. При этом в большем объеме финансируются проекты, связанные с цифровизацией государственного управления (323,8 млрд руб.), что примерно составляет общий объем бюджетов федеральных проектов «Информационная инфраструктура» (210,1 млрд руб.) и «Цифровые технологии (111,2 млрд руб.) [Доржиева 2022].

Россия в сфере разработок и освоения новых цифровых технологий

На современном этапе развития ЦЭ цифровые технологии по-прежнему лежат в основе повышения конкурентоспособности стран. Кроме того, гибкость и адаптивность к их использованию не только органов государственной власти и предприятий, но и отдельных лиц способствуют цифровому прогрессу стран. Это особенно актуально в условиях глобальной пандемии, когда гибкость и адаптивность к цифровым технологиям позволят государству и бизнесу преодолеть кризис.

По данным ЮНКТАД, в 2019 г. на США и Китай приходилось 75% всех патентов, выданных в мире на технологии Blockchain (блокчейн), более 50% – IoT (Интернет вещей), 75% – Cloud computing (облачные вычисления), 40% – Data center networks (сети центров обработки данных) [Digital 2019]. Наблюдается рост популярности исследований и в области Artificial intelligence (искусственный интеллект, ИИ), 5G и Autonomous vehicles (системы автопилот /

беспилотного транспорта). Так, по итогам 2019 г., больше всего патентов было выдано на ИИ [Доржиева 2022], 5G и системы автопилот, такая тенденция характерна как для стран-лидеров, так и для России [Ростелеком 2020] (см. рис. 2).

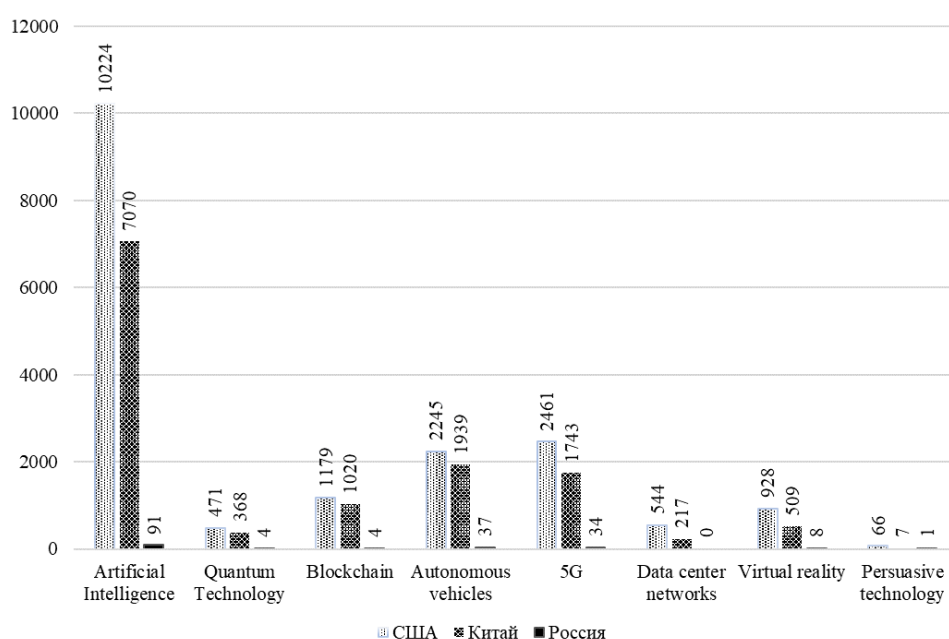

Рис. 2. Количество полученных патентов в области цифровых технологий в 2019 г. по странам – США, Китаю и России

Источник: составлено по данным [Ростелеком 2020]

Несмотря на то, что Россия не является страной первой волны запусков 5G, на базе которых могут быть реализованы и другие цифровые технологии (например, технологии системы автопилот, дополнительной или виртуальной реальности, тактильного Интернета), реализуются, начиная с 2016 г., пилотные проекты по созданию отечественного оборудования и сетей с отечественным наполнением, разработаны национальные стандарты для 5G. В разработке оборудования участвуют Ростех, Росатом, РЖД, Ростелеком, Глобальные беспроводные системы связи и др. Первые станции связи были установлены в Сколково. Операторами сети являются Ростелеком, Мегафон и ВымпелКом [TAdviser 2022].

Заключение

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что:

- цифровая трансформация, как правило, ассоциируется с качественными изменениями в системе управления социально-экономической системы путем пересмотра стратегии (моделей) развития в результате внедрения цифровых технологий и создания для этого необходимой инфраструктуры, приводящих к прорывному развитию и значительным эффектам [Доржиева 2021];

- цифровые инициативы помогают государству и бизнесу адаптироваться к условиям пандемии COVID-19 и снизить участие людей в производственных процессах, чем был вызван всплеск не только числа патентов, но и инвестиционной активности бизнеса;

- позиции развитых и развивающихся стран сильно разнятся в рейтингах, что обусловлено разным уровнем развития национальных экономик, технологическим заделом в развитии цифровой экономики, существенно различаются и подходы к цифровой трансформации. При этом лидеры рейтингов вносят наибольший вклад в цифровизацию мировой экономики;

- показатели уровня развития России очень сильно отличаются от показателей стран – лидеров рейтингов, что, в основном, обусловлено значительным технологическим отставанием и высокой степенью импортозависимости от развитых стран. Россия значительно отстает от стран-лидеров и по количеству получаемых патентов в области прорывных цифровых (сквозных) технологий, что свидетельствует о низкой эффективности использования инвестиций.

- но, благодаря предпринимаемым усилиям по ускорению цифровой трансформации, фиксируется положительная динамика роста: масштабов цифровой экономики; объемов государственных расходов на цифровизацию; частных инвестиций на разработку и внедрение новых цифровых технологий; публикаций и получаемых патентов в области цифровых технологий; экспорта продуктов и услуг ИКТ, расходов населения на ИТ-услуги. Наибольшее количество патентов регистрируется в области искусственного интеллекта, 5G-технологий, беспилотного транспорта, финансовых технологий и виртуальной реальности.

Библиография

Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Индикаторы цифровой экономики: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 380 с.

Власкин Г.А., Доржиева В.В., Иванов А.Е. Цифровизация производства: состояние и перспективы использования цифровых технологий в промышленности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 12-1. С. 57.

Доклад о цифровой экономике 2021 // ЮНКТАД. 2021. 28 с. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_overview_ru.pdf (дата обращения: 31.01.2022).

Доржиева В.В. Национальные приоритеты развития промышленного искусственного интеллекта в условиях новых технологических вызовов // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 1.

Доржиева В.В. Цифровая трансформация как национальный приоритет развития Российской Федерации и драйвер экономической интеграции в ЕАЭС // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 4.

Ленчук Е.Б. и др. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски / под ред. Е.Б. Ленчук. Институт экономики РАН. СПб: Изд-во «Алетейя», 2020. 320 с.

Медовников Д.С., Розмирович С.Д. и др. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса. М.: ВШЭ, 2017. 121 с.

Мониторинг глобальных трендов цифровизации / ПАО «Ростелеком», 2020. 37 с. URL: <https://digitaltrends.rt.ru/2020.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019. 368 с.

Развитие сетей 5G в России / TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9_5G_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 31.01.2022).

Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 136 с.

Цифровая Россия новая реальность // McKinsey. 2017. 133 с. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx> (дата обращения: 31.01.2022).

Цифровая экономика: Россия и мир // APEC, 2018. URL: http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2018/02/Monitoring_5_RFTA_APEC_OECD.pdf (дата обращения: 31.01.2022).

B2C E-Commerce Index // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/webflyer/unctad-b2c-e-commerce-index-2020-spotlight-latin-america-and-caribbean> (дата обращения: 31.01.2022).

Digital Economy Report 2019 // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/topic/ecommerce-and-digital-economy/digital-economy-report> (дата обращения: 31.01.2022).

Digital spillover // Oxford Economics. 2017. URL: <https://www.oxfordeconomics.com/recent-releases/digital-spillover> (дата обращения: 31.01.2022).

E-government Development Index // UN DESA. United Nations. URL: <https://www.un.org/en/desa> (дата обращения: 31.01.2022).

Global Connectivity Index, GCI // Huawei Technologies Co., Ltd. URL: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/> (дата обращения: 31.01.2022).

Global Digital 2021. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital/> (дата обращения: 31.01.2022).

Industry 4.0 Market by Technology (Industrial Robots, Blockchain, Industrial Sensors, Industrial 3D Printing, Machine Vision, HMI, AI in Manufacturing, Digital Twin, AGV's, Machine Condition Monitoring) and Geography – Global Forecast to 2026 // ResearchAndMarkets.com. Read full article. August 6, 2021. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/industry-4-market-102536746.html> (дата обращения: 31.01.2022).

Network Readiness Index // Portulans Institute. URL: <https://portulansinstitute.org/> (дата обращения: 31.01.2022).

State of Phygital 2021 // LETA Capital, DEVAR. 2021. 44 p. URL: <https://medium.com/letavc/state-of-phygital-2021-8bf34d698a71> (дата обращения: 31.01.2022).

World Digital Competitiveness Ranking // IMD, Switzerland. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/#:~:text=The%20IMD%20World%20Digital%20Competitiveness,business%2C%20government%20and%20wider%20society> (дата обращения: 31.01.2022).

World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy // UNCTAD, 2017. 191 p. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (дата обращения: 31.01.2022).

References

Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. and others. Indicators of the Digital Economy: Statistical Collection. [Indikatory tsifrovoy ekonomiki: Statisticheskiiy sbornik]. M.: NRU VSHE, 2021. 380 p. (In Russ.)

B2C E-Commerce Index // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/webflyer/unctad-b2c-e-commerce-index-2020-spotlight-latin-america-and-caribbean> (date of access: 31.01.2022).

Cifrovaya ekonomika: Rossiya i Mir [Digital Economy: Russia and the World]. APEC, 2018. URL: http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2018/02/Monitoring_5_RFTA_APEC_OECD.pdf (date of access: 31.01.2022). (In Russ.)

Cifrovaya Rossiya novaya real'nost' [Digital Russia is a new reality] / McKinsey, 2017. 133 p. URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx> (date of access: 31.01.2022). (In Russ.)

Razvitiye setey 5G v Rossii [Development of 5G networks in Russia]. TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9_5G_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (date of access: 31.01.2022). (In Russ.)

Digital Economy Report 2019. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/topic/ecommerce-and-digital-economy/digital-economy-report> (date of access: 31.01.2022).

Digital spillover. Oxford Economics. 2017. URL: <https://www.oxfordeconomics.com/recent-releases/digital-spillover> (date of access: 31.01.2022).

Doklad o cifrovoj ekonomike 2021 [Report on the Digital Economy 2021]. UNCTAD. 2021. 28 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_overview_ru.pdf (date of access: 31.01.2022). (In Russ.)

Dorzhieva V.V. Cifrovaya transformatsiya kak nacional'nyy prioritet razvitiya Rossijskoj Federacii i drajver ekonomicheskoy integracii v EAES [Digital transformation as a national priority of the development of the Russian Federation and a driver of economic integration in the EAEU] Voprosy innovacionnoj ekonomiki [Issues of innovative Economy]. 2021. Vol. 11. N 4. (In Russ.)

Dorzhieva V.V. Nacional'nye priority razvitiya promyshlennogo iskusstvennogo intellekta v usloviyah novyh tekhnologicheskikh vyzovov [National priorities for the development of industrial artificial intelligence in the context of new technological challenges]. Voprosy innovacionnoj ekonomiki [National priorities for the development of industrial artificial intelligence in the context of new technological challenges]. 2022. Vol. 12. N 1. (In Russ.)

E-government Development Index. UN DESA. United Nations. URL: <https://www.un.org/en/desa> (date of access: 31.01.2022).

Global Connectivity Index, GCI. Huawei Technologies Co., Ltd. URL: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/> (date of access: 31.01.2022).

Global Digital 2021. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital/> (date of access: 31.01.2022).

Industry 4.0 Market by Technology (Industrial Robots, Blockchain, Industrial Sensors, Industrial 3D Printing, Machine Vision, HMI, AI in Manufacturing, Digital Twin, AGV's, Machine Condition Monitoring) and Geography – Global Forecast to 2026. ResearchAndMarkets.com. Read full article. August 6, 2021. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/industry-4-market-102536746.html> (date of access: 31.01.2022).

Lenchuk E.B. i dr. Formirovanie cifrovoj ekonomiki v Rossii: vyzovy, perspektivy, riski [Formation of the digital economy in Russia: Challenges, prospects, risks] / Pod red. E.B. Lenchuk. Institut ekonomiki RAN. Saint Petersburg: Aletejya, 2020. 320 p. (In Russ.)

Medovnikov D.S., Rozmirovich S.D. i dr. Cifrovaya ekonomika: global'nye trendy i praktika rossijskogo biznesa [Digital Economy: Global trends and practice of Russian business] Moscow: VSHE, 2017. 121 p. (In Russ.)

Monitoring global'nyh trendov cifrovizacii 2020 [Monitoring of global digitalization trends 2020] / PAO «Rostelekom», 2020. 37 p. URL: <https://digitaltrends.rt.ru/2020.pdf> (date of access: 31.01.2022).

Network Readiness Index. Portulans Institute. URL: <https://portulansinstitute.org/> (date of access: 31.01.2022).

Prohorov A., Konik L. Cifrovaya transformaciya. Analiz, trendy, mirovoj opyt [Digital transformation. Analysis, trends, world experience]. Moscow: OOO «KomN'yus Grup», 2019. 368 p. (In Russ.)

Rossiya i mir: 2022. Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyj prognoz [Russia and the world: 2022. Economics and foreign policy. Annual forecast] / ruk. proekta A.A. Dynkin, V.G. Baranovskij. Moscow: IMEMO RAN, 2021. 136 p. (In Russ.)

State of Phygital 2021. LETA Capital, DEVAR. 2021. 44 p. URL: https://en.leta.vc/phygital/STATE_OF_PHYGITAL21.pdf (date of access: 31.01.2022).

Vlaskin G.A., Dorzhieva V.V., Ivanov A.E. Cifrovizaciya proizvodstva: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya cifrovyyh tekhnologij v promyshlennosti [Digitalization of production: state and prospects of using digital technologies in industry] Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economy: yesterday, today, tomorrow] 2019. T. 9. N 12-1. P. 57–65. (In Russ.)

World Digital Competitiveness Ranking // IMD, Switzerland. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/#:~:text=The%20IMD%20World%20Digital%20Competitiveness,business%2C%20government%20and%20wider%20society.> (date of access: 31.01.2022).

World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD, 2017. 191 p. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf. (date of access: 31.01.2022).

О.К. Охотникова

**«УВЕЧНЫЕ ВОИНЫ»: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ
В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1914–1916-х годов¹**

Аннотация. Увеличение во время Первой мировой войны социальной группы военных инвалидов вызвало много вопросов и предложений о возможных путях их поддержки. Проблема потери способности к самообеспечению в предыдущие периоды решалась помещением инвалида в дом призрения и оказанием благотворительной помощи. В условиях новой войны это не представлялось возможным – нехватка положенных пенсий и отсутствие государственной системы реабилитации побуждает заинтересованных общественных деятелей к дискуссии. Современная историография данной темы сосредоточена на государственных и общественных организаторах социальной помощи и реализованных актах помощи, при этом мало внимания обращено на общественные обсуждения по этому вопросу. На основе периодической печати и публицистической литературы 1914–1916 гг. в данной статье реконструирован социальный статус военных инвалидов, создаваемый в этих источниках. Судя по всему, восприятие российским обществом военных инвалидов было обусловлено многими факторами, в том числе мечтой о государстве всеобщего благосостояния, представлениями о соотношении государственной и общественной инициативы в социальной политике. Это социальное воображение влияло на решения по оказанию помощи, постулируя общественность как важного актора в их формулировании. Через кейс проблемы увечных воинов становится виден процесс конструирования организованной прогрессистской общественности, сумевшей заявить о себе в условиях патриотической мобилизации Первой мировой войны. Данный контекст был воспринят имперскими общественными деятелями как пространство для реализации своих способностей и осуществления модернизационных проектов в русле прогрессизма.

Ключевые слова: Первая мировая война; Российская империя; военные инвалиды; общественность; публицистика; трудовая помощь.

1. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Охотникова Ольга Константиновна, магистр Школы исторических наук, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.
E-mail: okokhotnikova@edu.hse.ru

Okhotnikova O.K. «War invalids»: The Social Status of Disabled Soldiers in Russian Publicity, 1914–1916

Abstract. *The increase of the social group of war invalids during World War I raised many questions and suggestions about possible ways to support them. In previous periods, the problem of the loss of the ability to self-sustain was solved by placing an invalid in an orphanage and providing charitable assistance. In the conditions of the new war, this was not possible – the shortage of allowable pensions and the absence of a state rehabilitation system prompted concerned public figures to debate. Modern historiography of this topic focuses on the state and public organizers of social assistance and implemented acts of aid, with little attention paid to public discussions on this issue. Based on periodicals and publicist literature, this article reconstructs the social status of military invalids, created in these sources. Apparently, Russian society's perception of the military disabled was influenced by many factors, including the dream of a welfare state and ideas about the relationship between state and public initiative in social policy. This social imagination influenced assistance decisions, postulating the general public as an important actor in their formulation. Through the case of the maimed warriors, one can see the construction of an organized progressive public that was able to assert itself in the patriotic mobilization of the First World War. This context was perceived by imperial public figures as a space for the realization of their abilities and the implementation of modernization projects in the framework of progressivism.*

Keywords: *First World War; Russian Empire; war invalids; general public; publicist literature; charity; social policy.*

Okhotnikova Olga Konstantinovna, Research Assistant of Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Higher School of Economics. Moscow, Russia.
E-mail: okokhotnikova@edu.hse.ru

*Сотни тысяч увечных воинов...принадлежат к наиболее
цветущим возрастам человеческой жизни...Вправе ли мы...
осудить его на бездельное, хотя бы и обеспеченное,
существование, которое неизменно должно привести
к разрушению всех устоев его душевной жизни?*

А. Николаев

Введение

Первая мировая война отразилась на жизни почти всех жителей Российской империи, но тяжелее всего на солдатах, получивших увечья. Попавшие на фронт крестьяне, привыкшие до этого зарабатывать физическим трудом, вследствие ранения потеряли способность к самообеспечению. До этого считалось, что инвалиды должны жить в домах призрения и получать благотворительную помощь. Однако условия и масштабы новой войны заставили общество отказаться от идеи спрятать жертвы и побудили задуматься о способах поддержки «увечных воинов». Вопросы – как им помогать, кто должен этим заниматься, и в какой степени эта помощь необходима – стали частью публичных дискуссий на страницах журналов и специализированных брошюр.

Сегодня о Первой мировой войне опубликовано немало исследовательских работ. Один из важных тезисов, выдвигаемых во многих из них, – определение войны как периода «временного слома», перехода из «долгого девятнадцатого» в «короткий двадцатый» век. Общая тенденция модернизации отразилась и на медицине: были усовершенствованы методы оказания хирургической помощи, введены массовые вакцинации от инфекционных заболеваний, разработаны средства индивидуальной защиты от отравляющих веществ [Будко 2010, с. 178, 239–240]. Число выживших солдат и офицеров выросло, однако для части из них это не означало полного выздоровления и возможности повторной мобилизации. Согласно статистическим данным, которые приводятся в различных исследованиях, количество российских инвалидов войны, ставших полностью или частично нетрудоспособными, варьируется от 400 до 700 тыс. человек [Катцина 2017, с. 111; Россия в мировой войне 1925, с. 4].

Возникший как реакция на последствия Русско-японской войны, указ «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» (1912) в качестве помощи жертвам войны предлагал пенсии, объем которых зависел от степени потери трудоспособности. Таковых степеней законодатель насчитывал пять [Букалова, Щербинин 2020, с. 150]. Спустя буквально несколько месяцев новой войны стало понятно, что указ невыполним, как по причине неспособности правительства к подобному объему выплат, так и из-за несоответствия размера этих выплат реальным нуждам пострадавших [Букалова, Щербинин

2020, с. 150]. В итоге, в годы Первой мировой войны вопрос социального обеспечения «увечных воинов» обострился. Современная историография о российских военных инвалидах сосредоточена на результатах: то есть на государственных и общественных акторах социальной помощи и осуществленных проектах. При этом мало внимания обращено на общественные дискуссии по этому вопросу, на истоки и контекст их появления. Данная статья направлена на выявление взаимосвязи между публичной дискуссией о проблеме и реализованными инициативами. На материалах публицистической литературы будет реконструирован образ и социальный статус военных инвалидов в Российской империи в 1914–1916-е годы. Фокусировка на инициативах и представлениях позволяет проблематизировать данный кейс и встроить его в контекст модернизации поздней имперской России. Она выражалась в переходе от призрения увечных и калек в формате филантропической инициативы царской семьи («благотворительности сверху») к реабилитационной модели социальной взаимопомощи.

Источниками для такого изучения послужили журнальные статьи, посвященные благотворительности, земским и городским властям, медицине, общественным организациям, оказанию помощи жертвам войны, а также брошюры и очерки о воинах-инвалидах. На их страницах обсуждались классификации «увечных воинов», способы оказания им помощи, а также их место в военном и послевоенном обществе. Основным принципом для отбора журналов стало их тематическое отношение к вопросам военной инвалидности, будь то с перспективы общественных организаций, благотворительных обществ, городского и земского самоуправления, земской и военной медицины. Так, журнал «Призрение и благотворительность в России» издавался Всероссийским Союзом учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, «Трудовая помощь» – Попечительством о домах трудолюбия и работных домах, свой ежемесячник был и у Комитета Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Для деятелей городского и земского самоуправления (читателей журналов «Городское дело» и «Земское дело») соответственно, вопрос о военных инвалидах был также актуален. Именно они занимались поддержкой инвалидов на местах, что особенно проявилось с созданием в 1914 г. Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ) и Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС). Важна была и позиция медиков – их статьи по данной теме публиковались в «Общественном враче», издававшемся Обществом русских врачей в память Н.И. Пирогова (Пироговским обществом) и в «Вестнике Красного Креста». Сознательно в источниковый комплекс не включен «Военно-медицинский журнал», статьи которого сконцентрированы на военно-полевой медицине (эпидемиях, ранениях и инфек-

циях), а инвалидность рассматривалась как вариант членовредительства. Лишь одна статья [Любомудров 1915] повествует о комиссиях по вопросам увольнения и назначения пенсий. Ее автор, служащий Московского Военного госпиталя и председатель одной из таких комиссий П.В. Любомудров, писал о слабой разработке и рамочном характере прописанных в указе от 25 июня градаций потери трудоспособности.

Анализ профессиональных статусов высказывавшихся, среди которых были публицисты (В.Ф. Боцяновский, А.В. Тыркова, Е.Д. Максимов), деятели призрения (М.А. Новосильцева, С.К. Гогель, В.Е. Боков, Е.Д. Максимов, И.И. Чарномская, А.В. Тыркова), экономисты (И. Файнгар), правоведы (С.К. Гогель) и медики (И.И. Чарномская, Л. Грановский) и изданий, в которых они это делали, позволил убедиться в широком социальном представительстве. Сосуществование позиций и голосов различных социальных групп позволяет обнаружить строительство дискурсов при обсуждении частного вопроса увечных воинов – о роли публичной сферы и местного самоуправления, о наличии диалога власти и общественности, о достаточности ресурсов и инфраструктуры для оказания социальной помощи.

Историография данной темы испытала на себе влияние нескольких методологических «поворотов» [Anderson, Carden-Coyne, 2007], в том числе культурного. Впервые заявленный Д. Гербером [Gerber 2000], он позволил изучать влияние средств массовой информации, восприятие общества, проблемы уникальности опытов. Данный призыв был подхвачен историками, в центр внимания вышли взаимоотношения общества и ветеранов с различными формами инвалидности, характер и степень государственной помощи, новые идентичности ветеранов-инвалидов и их влияние на реинтеграцию [Verstraete, Salvante, Anderson 2015]. Обращение к подобным сюжетам можно обнаружить в современных зарубежных исследованиях по военной инвалидности Первой мировой войны, анализирующих представления о теле [Carden-Coyne 2009], агентивность ветеранского сообщества [Jackson 2019] и реабилитационные практики [Malone 2013].

Большая часть историографии о российских военных инвалидах сосредоточена на исследовании инициатив центрального правительства и местных властей, конкретных мер помощи и их организаторах [Степочкина 2014; Чистяков 2016; Букалова, Щербинин 2020; Ковалев, Новосельцев, Савин 2018; Катцина 2017]. Примером культурных исследований российской военной инвалидности являются работы А. Зумпфа, посвященные реконфигурации понятия инвалидности и социального образа инвалида [Зумпф 2014, Sumpf 2015].

Отдельным блоком стоят работы, посвященные общественным организациям поздней Российской империи. Вызванный началом Первой мировой войны патриотический подъем (с чем согласны большинство исследователей) всколыхнул общественность. Благодаря ему появились новые и были восста-

новлены существовавшие до войны организации в помощь фронту и тылу. Многие исследователи обсуждают проблему взаимоотношений этих организаций с властью и ее представителями и сходятся во мнении о существовавшем между ними недоверии [Щербинин 2013, с. 284], и даже противоборстве [Туманова 2014, с. 133]. Обсуждение историками действий общественных организаций тесно переплетено с историей понятия «общественность» – определения ее границ и особенностей. Как основная ее характеристика называется занятие общественными делами вне или сверх государственных обязанностей [Volkov 2003, р. 68], что многими исследователями связывается с распространением идей прогрессизма [Новая имперская история Северной Евразии 2017, с. 533]. Как считает Дж. Санборн, в годы войны прогрессизм, т.е. идея реформизма через самоорганизацию, стал объединяющим дискурсом для большинства общественных кампаний и организаций [Sanborn 2016, р. 497]. Подобный взгляд позволяет уйти от бинарной оппозиции государство-общество, сместив внимание на взаимодействие и пересечение ее частей [Matsui 2015, р. 7], неполитические факторы явлений [Clowes, Kassow, West 1991, р. 5]. В то же время перенос фокуса с социальных статусов к конкретной практике [Sanborn 2016, р. 498] освобождает от проблемы реальности общественности как сообщества – ее воображаемый характер рассматривается в контексте политической инструментализации понятия [Ikeda 2015, р. 64].

В предлагаемой статье проблема увечных воинов рассматривается в контексте истории российской имперской общественности. Учитывая понятийные дебаты современной историографии, я подразумеваю под «общественностью» социальную группу, граждански активную в силу самоорганизации и идеи прогрессизма, но не в силу служебных обязанностей. Отказ от традиционной бинарной оппозиции государство-общество позволяет изучать попытки компромиссов, взаимодействия или даже замещения действующей власти, в то время как перспектива «воображаемости» сообщества обнаруживает инструменты его конструирования.

Кто такие увечные?

Для многих публицистов и общественных деятелей начала XX в. вопрос «Что делать с увечными воинами?» был важным, но для начала необходимо было определиться, кого считать таковыми. И. Файнгар предлагал разделить всех увечных (определенных как социальная группа по закону от 25 июня) на три категории: абсолютно нетрудоспособных, относительно нетрудоспособных и трудоспособных при соответствующем лечении [Файнгар 1915, с. 294]. Первая группа, с чем соглашалось большинство, должна, как и раньше, оставаться на полном обеспечении общества: помещаться в инвалидные дома и получать необходимый уход. Третья категория рассматривалась с точки

зрения проблемы «недолечения» в лазаретах (о чем упоминает в своей статье член Правления Пироговского общества и редактор одного из разделов журнала «Общественный врач» Л. Грановский [Грановский 1914, с. 1055–1056]), из которых раненые выходят истощенными и «страдающими последствиями ранений» [На Пироговском съезде 1916, с. 1956]. Им авторы предлагали отдых в санаториях и на курортах, где будут восстановлены их жизненные силы и возвращена трудоспособность [Тыркова 1917, с. 14]. Больше всего внимания уделяли второй группе, которую определяли как раненые с ампутированными или покалеченными пальцами, руками, ногами. Периодически к этой группе причисляли слепых [Боцяновский 1916, с. 2321; Тыркова 1917, с. 14]. В совокупности они представлялись человеческим ресурсом, использование которого диктовалось условиями новой войны. На уровне главной идеи «что делать?» авторы были солидарны – калек необходимо превратить в трудоспособных членов общества с помощью протезирования и переобучения.

Перед анализом аргументации столь единогласного вывода важно рассмотреть способы репрезентации увечных в публицистике. В случае с российскими инвалидами Первой мировой войны можно говорить только о репрезентации, но не самопрезентации – журналы тех лет не содержат текстов, созданных самими инвалидами, а в статьях специалистов они появляются лишь опосредованно: как жертвы и объекты помощи.

Основной посыл даваемых характеристик выражался в чувствах жалости и сочувствия. Состояние нетрудоспособности оценивалось авторами как тяжелейшее страдание, как для самого инвалида, так и для его окружения: «еще недавно всеми почитаемые здоровые батраки семьи, они теперь, порой жалкие обрубки, являются ей в тягость» [Файнгар 1915, с. 293]. Главным параметром стала инаковость инвалида – он «не такой как другие» [Егоров 1915, с. 24] – что проявляется в физических недостатках: «уродливая обрубленность» [Боцяновский 1916, с. 2329] ставится в один ряд с беспомощностью и заброшенностью. Предлагается четкая перспектива: если нет конечностей, то значит – нет и самостоятельности. Зависимость инвалида от общественной помощи приравнивается авторами к состоянию ребенка. Так, автор, подписавшийся Г.Ш., использует эту метафору для описания превращения «здорового воина» в «слабого ребенка» [Г.Ш. 1915, с. 274], а журналистка и член партии кадетов А.В. Тыркова говорит о «беспомощном ребенке» как об отправной точке для перехода к состоянию «самостоятельного гражданина» [Тыркова 1917, с. 18]. Инвалидность представляется лиминальной (переходной), временной фазой, которую необходимо преодолеть.

С восприятием инвалида как ребенка связана и боязнь некоторых авторов, что увечные могут стать «объектом самой беззащитной эксплуатации», а окружающие будут относиться к ним «пренебрежительно, а подчас и

с злой насмешкой» [Егоров 1915, с. 34]. Подобное допущение плохого отношения показывает разницу между позицией сопереживающих общественных деятелей, исходящих из «чувства человеколюбия» [Егоров 1915, с. 19–20], и основной массы населения. Отдельную волну сочувствия вызывает факт раннего возраста. Как считает редактор журнала «Призвание и благотворительность в России» С. Гогель, получение увечья «притом с самых молодых лет жизни» [Гогель 1915, с. 177] утяжеляет страдания, так как означает долгую необходимость мириться с увечьем. Наличие инвалидности видится авторами как мучительный труд и невыносимое существование в противовес здоровой и полноценной жизни. При этом зависимость от посторонней помощи лишает увечного субъектности.

Много говорится и о внутреннем состоянии инвалида. Работавшая во время войны во Всероссийском союзе городов А.В. Тыркова пишет об увечных воинах как о «легко падающих духом», «помятых войной» [Тыркова 1917, с. 20] и «надломленных потрясениями» [Тыркова 1917, с. 11], определяя опыт войны как травматичный в психологическом плане. А. Николаев высказывал предположение о вреде потрясений войны и для его «умственных способностей» бывшего воина. В качестве аргумента он использовал увиденные проявления «ребячливости» и «наивности», восприятие действительности «в радужных красках» [Николаев 1916, с. 378]. Интересно, что такие характеристики также отсылают к инфантилизму, несознательному возрасту, как бы противопоставляя здоровых и взрослых членов общества больным и ребячливым.

О недостаточном развитии инвалидов писала хирург, одна из основательниц «Мастерской для обучения калек ремёслам Ортопедического отделения Максимилиановской лечебницы», И.И. Чарномская. Размышляя о вреде благотворительности, автор уверяла современников, что помощь может уничтожить «слабо развитое в некультурной душе большинства увечных воинов стремление к самопомощи» [Чарномская, с. 10], и, как следствие, привести к тунеядству. Неграмотность становится источником очередных невзгод в жизни увечного: недостаток культуры виделся современникам причиной несклонности инвалидов к самопомощи. Инвалид представлялся лишенным «умиротворяющей работы мысли» [Чарномская, с. 9] или же удовлетворяющим лишь свои базовые потребности и не способным задуматься об улучшении своей жизни [Егоров 1915, с. 26]. Неразвитость виделась как повод для сострадания и проблема, которую необходимо решать общими усилиями.

Пересказывая свои диалоги с увечными, В.Ф. Боцяновский, писатель и историограф Российского общества Красного Креста говорил о присущем им отчаянии: «Я уже решил, что мне делать: в пролет на лестнице или в окно на улицу. Куда же этакому жить?» [Боцяновский 1916, с. 2328]. Жизнь с инвалидностью не видится возможной ни авторам, ни их объектам. Среди худших

сценариев как последствий подобной подавленности: «опускание до нищеты и паразитизма» [Егоров 1915, с. 24], «озлобление против всего окружающего» и потеря «чувства собственного достоинства» [Чарномская, с. 9]. Как видно из этого списка, опасения авторов крутятся вокруг характеристик беспомощности и несамостоятельности, неразрывно связанных со склонностью поддаться пристрастиям. Слабость и неполноценность физическая становится, таким образом, слабостью моральной.

Однако существует и позитивный исход: получение протезов или обучение новым навыкам помогает увечным «воскреснуть» [Боцяновский 1916, с. 2329], дает им чувство ценности и исправности. Среди положительных последствий протезирования упоминается бодрый дух, рассматриваемый как важное условие производительности, и изменение восприятия: «мир иначе смотрит на увечного и сам он иначе смотрит на мир» [Егоров 1915, с. 19]. Скрытие увечья возвращает инвалида на прежний социальный уровень, а образ перерождения становится ключевым для описания выхода из фазы непригодности и несоответствия стандартам. Другой путь избавления от отчаяния видится в игнорировании собственной неполноценности и в готовности к очередному самопожертвованию. Так, описанный земским деятелем В.Е. Бокковым увечный «улыбается, забыв что без руки» и даже «собирается опять бить немцев» [Боков 1915, с. 1236]. Непризнание обществом инвалидности как нормального состояния создает, как следствие, образы инвалидов, точно так же не замечающих свой недуг.

Почему надо помогать?

В дискуссии о необходимости превращения военных инвалидов в трудовой ресурс общества можно выделить несколько аспектов. Во-первых, отбрасывались прошлые стратегии. Благотворительная деятельность как средство общественной мобилизации была чрезвычайно популярна в военные годы: в источниках и тематических исследованиях можно встретить упоминания благотворительных концертов и лотерей, чайных буфетов [Зумпф 2014, с. 476], кружечных сборов [Туманова 2014, с. 77] и даже районных отрядов [Жители Арбатского района!], собирающих пожертвования. Авторы статей об увечных указали на негативные последствия этой системы. Благотворительность определялась как непостоянная и неустойчивая по своему характеру [В.О. 1916, с. 1235], или же приравнивалась к недостойной для воина милостыне [Новосильцева 1915, с. 48]. Высказывалось даже мнение о ее вреде для увечного воина, так как она может создавать «привычку рассчитывать во всех затруднениях на даровые подачки», так, например, считал автор законопроекта и нескольких трудов по вопросам призрения и трудовой помощи Е.Д. Максимов [Максимов 1916, с. 335]. Во-вторых, отклонялись неосуществимые планы, на-

пример повышение пенсий до уровня материального благополучия, что считалось утопичным [Николаев 1916, с. 376]. Логика долга государства перед служащим ему индивидом в тяжелых экономических условиях оказывалась неприменимой в полной мере, оставляя место для общественных начинаний.

Существенным стал аргумент об ответственности общества за увечного, страдавшего за родину. Призыв «доказать» свою благодарность и «согреть» выражением общественного сочувствия [Новосильцева 1916, с. 46] воспринимался как исполнение обществом своего нравственного долга [Тыркова 1917, с. 23] перед героями, «пострадавшими за общее дело» [Обухов 1915, с. 238]. Подобная риторика, с одной стороны, подчеркивает зависимое положение инвалида, с другой – рассматривает общество, или, точнее сказать, общественность, как объединенную и целостную единицу.

Кроме того, в качестве важнейших мотиваций назывался хозяйственно-экономический фактор. Авторы указывают на нехватку рабочих рук, недостаточную производительность, необходимость восстановить промышленность [Максимов 1916, с. 331–332]. Подобная ситуация приводила авторов к смягчению проблемы инвалидности. Ее обладатели определялись как «вполне здоровые и полные сил, но с некоторыми дефектами» [Боцяновский 1916, с. 2333], кого можно приспособить к новой жизни. Таким образом, возможность изменения статусов увечных с «обиженных судьбой» [Егоров 1915, с. 19–20] на способных быть общественно-полезными была связана с желанием «переработать» инвалидов в условиях экономической необходимости.

Использовались также апелляция к личной выгоде инвалидов. С одной стороны, инвалидный труд позиционировался как способ обретения самостоятельности [Файнгар 1915, с. 293], получения собственного заработка [В.О. 1916, с. 1236]. Раньше определения увечный и нетрудоспособный были синонимами, автоматически снижая социальный статус калеки, «проедающего чужой хлеб» [Боцяновский 1916, с. 2332]. Описываемая современниками перспектива стремилась решить проблему инвалидной идентичности, предложив данной группе новое, почти полноценное место в обществе. С другой стороны, использовалась апелляция к чувствам увечного. Авторы были убеждены в собственном желании увечных быть полезными обществу: благодаря труду инвалиды «почувствовали себя нужными, работоспособными людьми» [Боцяновский 1916, с. 2332]. Труд приравнивался к лекарству для «потрясенного духа» [Егоров 1915, с. 24], который возвращал увечному «чувство собственного достоинства» [Чарномская, с. 32] и заставлял «забыть о своем недостатке» [Тыркова 1917, с. 27]. Труд, таким образом, видится единственным спасением, живительной силой, позволяющей интегрироваться в общество. Трудотерапия, распространенная позднее для лечения психических больных, представляется авторам как идеальное средство и для реабилитации людей с физическими изъянами.

К началу XX в. статус калеки предполагал необходимость постоянного общественного попечения и заботы. Первая мировая война добавила в эту социальную группу военных, которые в ходе патриотической мобилизации воспринимались как гордость страны и защитники Родины. Соединение двух статусов – калеки и военного – создало диссонанс, который сочувствующие общественные деятели пытались решить с помощью признания боевых заслуг и внедрения идеи возвращения увечному трудоспособности. Трудоспособность становилась олицетворением полноценного социального статуса, которого авторы добивались для военных инвалидов. Несомненно, собственный взгляд попечителей, специалистов и общественных деятелей оставался снисходительным. Однако их программа, хоть и утопичная, выдвигала новую репрезентацию, обусловленную не только гуманистической концепцией, но и современной теорией социальной политики. В этом проявлялась нацеленность прогрессистской общественности на модернизацию общества и улучшение пространства вокруг себя, что объединяло апологетов различных локальных и национальных интересов.

Как следует помогать?

В российской публицистике был сделан единодушный вывод: проблема увечных решается возвращением трудоспособности. Предполагалось дать новые навыки, способные обеспечить заработок и его самостоятельное существование. Основным видом организации обучения виделась мастерская. Она могла быть соединена с общежитием, школой или лечебницей [Обухов 1915, с. 239; Боцяновский 1916, с. 2332; Николаев 1916, с. 381; Файнгар 1915, с. 296; Г.Ш. 1915, с. 277]. Д.В. Егоров, посвятивший свой текст вопросу снабжения протезами, даже предлагает устраивать мастерские с общежитиями при организациях, выдающих протезы. По его задумке приехавший в город и ожидающий свой протез инвалид мог бы иметь одновременно жилье и временное занятие [Егоров 1915, с. 29]. Как показывает хроника, такая практика уже осуществлялась в годы войны [Расширение мастерских 1916; Харьковская протезная мастерская 1916]. Для определения вида занятий и попечения могли привлекаться врачи, педагоги, техники, а инструкторами виделись даже хорошо обучившиеся увечные [Г.Ш. 1915, с. 277; Николаев 1916, с. 378; В.О. 1916, с. 1236]. Важным фактором становилась пригодность и востребованность тех или иных навыков в отдельных регионах и типах местности.

Обучение могло быть групповым и индивидуальным [Обухов 1915, с. 241], включать прикладные навыки и теоретические знания. Спектр предлагавшихся практических занятий вряд ли поддается перечислению. Среди популярных – сапожное, портновское, корзиночное, столярное, шорное и жестяно-лудильное дело [Мастерские-убежища]. Что касается теории, обуче-

ние грамоте становится центральным вопросом. Ее значение видится, с одной стороны, в поднятии общего интеллектуального уровня [Г.Ш. 1915, с. 278], с другой – в роли проводника для остального, не прикладного знания. Многие авторы заявляют о необходимости сделать из увечных новых земских и кооперативных служащих, которые смогут занять должности сельских и волостных писарей, счетоводов, делопроизводителей, конторщиков и наборщиков [Обухов 1915, с. 242; Чарномская, с. 42; Боцяновский 1916, с. 2330]. Как считает А. Зумпф, таким образом местные власти предполагали завершить создание административной системы локальной экономики [Зумпф 2014, с. 480–481]. Кроме того, сельское хозяйство, как центральное занятие для крестьян, становилось областью, в которой увечный мог оставаться полезным, не занимаясь физическим трудом. Низкий уровень образования большей части населения и недостаток квалифицированных специалистов считался выгодным для увечных. Он создавал необходимый спрос [Тыркова 1917, с. 24], при котором увечные могли стать руководителями в деле садоводства, огородничества, птицеводства и земледелия [Чарномская, с. 45]. Проект обучения / переобучения увечных становился частью более общего проекта ликвидации безграмотности, создания локальной административной системы и увеличения числа профессионалов.

Некоторые авторы пошли дальше и кроме переобучения продумывали процесс получения заработка после переподготовки. Основной идеей становилась групповая организация увечных, среди типов предлагались трудовые и ремесленные артели, общественные мастерские и трудовые кооперативы. В качестве аргумента Е.Д. Максимов указывал на невозможность отпустить увечных после обучения «прямо в жизнь»: «они – люди физически ослабленные, требующие нередко чужой помощи» [Максимов 1916, с. 334]. Неоставление увечных одиночками обосновывалось и различными выгодами для самих инвалидов. Так, собранные в артель увечные легче, по мнению авторов, смогут отстаивать свое положение в конкурентной борьбе, находить кредит и брать крупные заказы [Боцяновский 1916, с. 2324]. Кроме того, работа в мастерской или артели с другими увечными создаст атмосферу здорового соревнования и позволит кооперировать ремесленников-инвалидов, выполняющих вместе задачу одного полноценного работника [Боцяновский 1916, с. 2324]. Часто указывается и на необходимость существования коопераций под руководством общественных учреждений. Как считают авторы, они смогут оказывать юридическую и административную поддержку, и, в отличие от частных лиц, не будут заинтересованы «в барышах» [Максимов 1916, с. 337]. Е.Д. Максимов предлагает возложить на них задачу создания правлений или хозяйственных комитетов мастерских. В них кроме членов попечительства необходимо избирать и самих увечных «с таким расчетом, чтобы постепенно все дело переходило в руки самоуправляющейся организации увечных»

[Максимов 1916, с. 337–338]. Здесь автор конечно же делает оговорку «пока он не созреет в их сознании», закладывая, однако, идею самоуправления и постепенного обретения субъектности. Кроме того, сама идея кооперации увечных в мастерские и артели указывает на активное развитие в поздней имперской России экономической деятельности и самоорганизации. Этот процесс был неразрывно связан с ростом земского и городского самоуправления и увеличения числа наемных специалистов, ставших российским средним классом [Timberlake 1991, p. 179].

Среди других инициатив обсуждались системы попечительств с представителями на местах. Они виделись связующим элементом между увечным и всеми общественными и благотворительными организациями [Гогель 1915, с. 175–176; Пироговский съезд 1916, с. 435]. Роль попечителей в целом можно описать как своевременную и доступную каждому инвалиду помощь в различных сферах и делах, иногда не самых существенных. В частности, среди возлагаемых функций можно встретить: «следить за нахождением средств к существованию», поиск работы и справочные услуги [Файнгар 1915, с. 298], обеспечение зимой теплой одеждой, хлопоты о выдаче протеза, помещении в лечебное или санаторное учреждение, выдача ссуды до получения пайка, доставка от ж/д станции до дома [Новосильцева 1915, с. 47]. Член Елизаветинского Комитета (Комитета Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну) М.А. Новосильцева в своем докладе перед Комитетом по этому вопросу особенно подчеркивает нравственно-этическое значение попечительств для увечных. По ее мнению, основная миссия попечителей – относиться к проблемам увечного «сердечно и вдумчиво», давая ему понять «что его тут ждет любящая забота и попечение, что о нем подумали и будут думать» [Новосильцева 1915, с. 48]. Заботливое отношение, как считает автор, нужно инвалиду даже больше, чем денежная помощь: ведь только первое может принести «душеное удовлетворение» и «нравственный покой» [там же]. О чем нам может говорить подобный упор на добродетель? Очевидные проблемы с экономикой здесь переплетаются с желанием изменить недостаточно хорошее отношение к увечным. Значение имеет и восприятие себя (общественности) и другого (объекта помощи) через нравственные категории самопожертвования, служения и долга.

Кто им поможет?

Предложенные проекты, подробные программы и небольшие заметки о реабилитации военных инвалидов предлагают не только стратегии, но и меры их осуществления. Кто же должен за это взяться? Среди основных акторов называется общество в широком смысле, государство, местное самоуправле-

ние и всероссийские общественные организации. Большинство авторов склонялись к необходимости кооперации общества и государства [Тыркова 1917, с. 12], при которой обе стороны будут иметь свои зоны ответственности. На общественные силы, как считали авторы, необходимо возложить задачу на местах «обследовать...степень нужды и следить за оказанной помощью» [Новосильцева 1915, с. 48]. Земским и городским учреждениям [Чарномская, с. 65] предлагалось поддержать школы трудовой помощи увечным, по аналогии с особыми стипендиями для университетов в целях привлечения новых кадров [Боцяновский 1916, с. 2324]. Земство создало новое, в противовес царской государственной, понимание службы у наемных специалистов, которые стали воспринимать себя как «представителей “всесословного” органа, служащего широким слоям населения империи» [Timberlake 1991, p. 164]. Вследствие этого идея поддержки местным самоуправлением частично нетрудоспособных военных инвалидов виделась публицистам оправданной и очевидной.

Важным аргументом к участию общественных сил было равнодушие общества к увечным [Егоров 1915, с. 3]. Это согласуется с уже упоминавшейся мотивацией помогать инвалидам по причине «долга общества перед ними»: авторы призывают привлечь «весь народ» [Пироговский съезд 1916, с. 435] и «всю страну» [Николаев 1916, с. 370]. Общественная помощь должна была «найти открытое признание и яркое выражение» среди населения, которое не должно жалеть «на это святое дело ни труда, ни средств» [Ростовцев 1917, с. 3–4]. Привязка к гражданскому долгу и желание работать на общее благо указывает на обращение к общественности, которая к началу XX в. стала для политических и общественных деятелей олицетворять идею самого общества [Volkov 2003, p. 68]. Общественность явилась идеальным воображаемым сообществом, в котором образованный слой видел пространство реализации своих способностей, а патриотическая мобилизация Первой мировой войны способствовала выдвижению общественности на руководящие позиции [Ikeda 2015, p. 62].

В противовес ведущей роли государства высказывались идеи о значении всероссийских общественных организаций. Так, по результатам Пироговского съезда были приняты резолюции о необходимости объединенной и координированной деятельности ВЗС и ВСГ [Пироговский съезд 1916, с. 435]. С одной стороны, здесь важно сказать о роли Пироговского общества как первого в Российской империи сообщества профессионалов, добившегося собственной организации [Balzer 1991, p. 189], а значит признанного государством в своем значении и имеющего определенный авторитет. С другой стороны, важна роль земского и городского союзов. Как отмечают авторы «Новой имперской истории Северной Евразии», различные формы самоорганизации (ВЗС, ВСГ, ВПК – Военно-промышленный комитет) стали платформой для

компромисса между действующими силами империи – прогрессистской общественностью, с одной стороны, парламентом – с другой, и государственными институтами с третьей [Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2 2017, с. 576]. Авторы рассматривали эти организации как идеальную платформу, на которую можно возложить задачу заботы об увечных после возвращения домой. Об этом, например, пишет занимавший в тот период должность городского головы Екатеринбурга А. Обухов [Обухов 1915, с. 239]. Среди оптимальных предпосылок они выделяли проделанную ВЗС и ВСГ работу в деле помощи солдатам, их централизованность и одновременную рассеянность в виде ячеек по всей территории страны. Наличие общего плана и организационного центра также было важно в вопросе регистрации и подсчета общего числа военных инвалидов, для чего к 1916 г. так и не было создано единообразной системы [Егоров 1915, с. 23]. Как считает И. Икэда, союзы явились формой институционализации мобилизованной общественности, усилив их репрезентацию в качестве организованной структуры и мощного актора [Ikeda 2015, р. 63–64]. Организованная общественность становилась в представлении авторов свидетельством возможности всероссийского объединения в целях модернизации и общественного блага.

Заключение

Анализ источников позволил сделать следующие наблюдения.

Во-первых, социальный статус увечных воинов в российском обществе можно определить как лиминальный, т.е. промежуточный. С одной стороны, они вызывали жалость и сочувствие как люди, получившие инвалидность и потерявшие, вследствие этого, самостоятельность. С другой стороны, общественная благодарность побуждала современников желать восстановления военных инвалидов в их полноценном социальном статусе. Решением проблемы виделось возвращение трудоспособности увечных, что должно было вместе с самостоятельностью заработка вернуть собственную субъектность. Однако данный социальный проект мотивировался не только состраданием и осознанием заслуг увечных. Среди ключевых факторов можно назвать тяжелое хозяйственно-экономическое положение, недостаток квалифицированных специалистов на местах и общую проблему низкой грамотности.

Во-вторых, через кейс увечных воинов можно увидеть другие, более глобальные процессы внутри российского позднеимперского общества. Прежде всего, начало войны способствовало консолидации общественности и активному продвижению ею прогрессистской программы. Это достигалось с помощью прессы, существовавшей как общественное пространство для дискуссии, обмена информацией и артикуляции интересов. Самоорганизация имперского общества в годы войны достигла своего максимума, вылившись

во всероссийские общественные организации. Среди прочего они предлагались на роли основных руководителей и в деле помощи увечным. С одной стороны, они стали компромиссом между государством и обществом, с другой – способом самоидентификации общественности, стремившейся к проявлению инициативы и осуществлению модернизационной программы.

Кроме того, дискуссии прогрессистской общественности вокруг увечных свидетельствовали о модерности российского общества, так как предлагали переход от прежней «христианско-филантропической» [Ковалев, Новосельцев, Савин 2018, с. 828] модели призрения калек к современной социальной политике. Изученный материал указывает на происходившую в Российской империи модернизацию, отраженную как в расцвете экономической деятельности, так и в увеличении роли местного самоуправления и «среднего класса». Он складывался из группы образованных профессионалов, работавших в земских и городских учреждениях и не вписанных в прошлую сословную иерархию. Как считает С. Кассоу, данной группе так и не удалось обрести общую политическую и социальную идентичность [Kassow 1991, p. 367]. Однако, судя по проанализированным текстам, они стали главными акторами публичной сферы и общественной инициативы. Несмотря на разрозненность социальных статусов и профессиональных бэкграундов авторов публикаций по вопросу увечных воинов, можно говорить о совпадении тезисов, выдвигаемых ими в проектах помощи военным инвалидам. Объединяющей для них стала парадигма «служения обществу» и стремление к модернизации.

Библиография

- Боков В.Е. Русь идет // Вестник Красного Креста. 1915. № 4. С. 1234–1239.
- Боцяновский Вл. Как помогать инвалидам // Вестник Красного Креста. 1916. № 7. С. 2321–2334.
- Будко А.А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Букалова С.В., Щербинин П.П. «Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 187. С. 148–159.
- В.О. На выставке работ раненых // Вестник Красного Креста. 1916. № 4. С. 1235–1237.
- Г.Ш. Трудовая помощь инвалидам // Трудовая помощь. 1915. № 3. С. 274–277.
- Гогель С. Как земству и городу помогать жертвам войны? // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 3–4. С. 174–178.
- Грановский Л. Всероссийский союз городов // Общественный врач. 1914. № 8–9. С. 1055–1056.
- Егоров Д.В. К вопросу о постановке дела снабжения увечных воинов протезами и трудовой помощи им. Москва: Тип. штаба Моск. воен. окр., 1915. 36 с.
- Жители Арбатского района! // Первая мировая война 1914–1918 гг. Россия: [документы, листовки, воззвания] / Гос. ист. библ. России. Отд. редких книг. [Б.м.], [б.г.]. Инв. №: 000073513.

Зумпф А. Российские инвалиды Первой мировой войны: Жертвы прошлого или современная социальная группа? // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в.: Мат. междунар. colloквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 467–484.

Катцина Т.А. Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914–1921): региональный аспект // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири: мат. Сибирского историч. форума. Красноярск, 25–26 октября 2017 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2017. С. 111–115.

Ковалев А.С., Новосельцев Н.Р., Савин О.И. Роль Русской православной церкви в профессионально-трудовой реабилитации инвалидов в годы Первой мировой войны (на примере Томской губернии) // Былые Годы: рос. ист. журнал. 2018. № 48 (2). С. 828–837.

Любомудров П.В. Из повседневной практики постоянных врачебных комиссий // Военно-медицинский журнал. 1915. № 9. С. 108–115.

Максимов Е. Организация обучения и труда увечных воинов // Трудовая помощь. 1916. № 9. С. 331–341.

Мастерские-убежища // Вестник Красного Креста. 1915. № 8. С. 3592–3593.

На Пироговском съезде // Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 1950–1961.

Новая имперская история Северной Евразии: в 2 ч. Казань: «Ab Imperio», 2017. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. 630 с.

Николаев А. Организация трудовой помощи увечным воинам во Франции // Трудовая помощь. 1916. № 9. С. 372–378.

Новосильцева М.А. Доклад члена Комитета М.А. Новосильцевой по вопросу об организации уездных попечительств о сиротах и об увечных воинах // Ежемесячник Комитета Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1915. № 4. С. 43–53.

Обухов А. Занятия ручным трудом и подготовка к профессиям пострадавших воинов // Земское дело. 1915. № 4. С. 238–244.

Пироговский съезд, доклады и резолюции // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 4–6. С. 403–438.

Расширение мастерских для изготовления протезов // Вестник Красного Креста. 1916. № 4. С. 1260.

Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Центральное статистическое управление, 1925. 103 с.

Ростовцев М.И. Предисловие // Увечные воины. Петроград: [б.и.], 1917. С. 3–5.

Степочкина Е.В. Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сборник. Самара, 2014. Вып. 2. С. 285–289. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/> (дата обращения: 17.10.2021).

Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 326 с.

Тыркова А.В. Увечные воины. Петроград: [б.и.], 1917. 31 с.

Файнгар И. Что делать с увечными воинами // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5–7. С. 293–298.

Харьковская протезная мастерская // Вестник Красного Креста. 1916. № 4. С. 1260–1262.

Черномская И.И. К вопросу о трудовой помощи увечным воинам. Петроград: [б.и.] 67 с.

Чистяков О.В. Кампания по сбору пожертвований в пользу Российского общества Красного Креста во время Первой мировой войны // От противостояния идеологий к служению

идеалам: российское общество в 1914–1945 гг.: сб. ст. / М.Ю. Мягков, К.А. Пахалюк (ред.). М.: Новый хронограф, 2016. С. 71–83.

Щербинин П.П. Тамбовское земство и оказание помощи больным и раненым воинам (1914–1917 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 11. № 127. С. 278–287.

Anderson J., Carden-Coyne A. Enabling the Past: New Perspectives in the History of Disability // *European Review of History*. 2007. Vol. 14. № 4. P. 447–457.

Balzer H. The Problem of Professions in Imperial Russia // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 181–198.

Carden-Coyne A. *Reconstructing the Body: Classicism, Modernism, and the First World War*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 344 p.

Clowes E.W., Kassow S.D. and West J.L. Introduction: The Problem of the Middle in Late Imperial Russian Society // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 3–14.

Gerber D.A. Introduction // *Disabled Veterans in History* / D.A. Gerber (ed.). Michigan: University of Michigan Press, 2000; revised and expanded, 2012. P. 1–50.

Ikedo Y. The Notion of *Obshchestvennost'* during the First World War // *Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 61–82.

Jackson A. Reforming the Veteran: Propaganda and Agency in the First World War Reconstruction Hospitals // *Journal of The Medical Library Association*. 2019. Vol. 107. № 4. P. 472–487.

Kassow S.D. Russia's Unrealized Civil Society // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 367–371.

Malone C. A Job Fit for Heroes? Disabled Veterans, the Arts and Crafts Movement and Social Reconstruction in Post-World War I Britain // *First World War Studies*. 2013. Vol. 4. № 2. P. 201–217.

Matsui Y. Introduction // *Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–16.

Sanborn J.A. The Zenith of Russian Progressivism: The Home Front during World War I and the Revolution // *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22: Book 2. The Experience of War and Revolution* / C. Read, P. Waldron, A. Lindenmeyr (eds.). Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2016. Vol. 2. P. 497–508.

Sumpf A. War Disabled on Screen: Remembering and Forgetting the Great War in the Russian and Soviet Cinema, 1914–1940 // *First World War Studies*. 2015. Vol. 6. № 1. P. 57–79.

Timberlake C.E. The Zemstvo and the Development of a Russian Middle Class // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 164–179.

Verstraete P., Salvante M., Anderson J. Commemorating the Disabled Soldier: 1914–1940 // *First World War Studies*. 2015. Vol. 6. № 1. P. 1–7.

Volkov V. *Obshchestvennost'*: Russia's Lost Concept of Civil Society // *Civil Society in the Baltic Sea Region* / N. Götz, J. Hackmann (eds.). Hampshire: Ashgate, 2003. P. 63–72.

References

Anderson J., Carden-Coyne A. Enabling the Past: New Perspectives in the History of Disability. *European Review of History*. 2007. Vol. 14. N 4. P. 447–457.

Balzer H. The Problem of Professions in Imperial Russia. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 181–198.

Bokov V.E. Rus' idet [Russia is Going]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1915. N 4. P. 1234–1239. (In Russ.)

Botsyanovskii V.I. Kak pomogat' invalidam [How to Help the Disabled]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 7. P. 2321–2334. (In Russ.)

Budko A.A. Istoriya meditsiny Sankt-Peterburga XIX – nachala XX v. [History of Medicine in St. Petersburg in the 19th and Early 20th Centuries]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. 400 p. (In Russ.)

Bukalova S.V., Shcherbinin P.P. «Khozyaeva uvechnogo dela»: stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny [«The Masters of the Maimed Job»: Establishment of the System of Assistance to Disabled Soldiers in the Russian Empire during World War I]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Vestnik of Tambov University. Series: Humanities]. 2020. N 187. P. 148–159. (In Russ.)

Carden-Coyne A. Reconstructing the Body: Classicism, Modernism, and the First World War. Oxford: Oxford University Press, 2009. 344 p.

Charnomskaya I.I. K voprosu o trudovoi pomoshchi uvechnym voynam [On Labor Aid for Injured Warriors]. Petrograd. 67 p. (In Russ.)

Chistyakov O.V. Kampaniya po sboru pozhertvovaniy v pol'zu Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vremena Pervoi mirovoi voiny [Campaign to Collect Donations for the Russian Red Cross Society during World War I]. Ot protivostoyaniya ideologii k sluzheniyu idealam: rossiiskoe obshchestvo v 1914–1945 gg. [From Confronting Ideologies to Serving Ideals: Russian Society in 1914–1945]. M.Yu. Myagkov, K.A. Pakhalyuk (eds.). Moscow: Novyi khronograf, 2016. P. 71–83. (In Russ.)

Clowes E.W., Kassow S.D. and West J.L. Introduction: The Problem of the Middle in Late Imperial Russian Society. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 3–14.

Egorov D.V. K voprosu o postanovke dela snabzheniya uvechnykh voynov protezami i trudovoi pomoshchi im [On the Issue of Providing Maimed Warriors with Prosthetic Devices and Labor Aid to Them]. Moscow: Tip. shtaba mosk. voen. okr., 1915. 36 p. (In Russ.)

Faingar I. Chto delat' s uvechnymi voynami [What to Do with the Maimed Warriors]. Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii [Patronage and Charity in Russia]. 1915. N 5–7. P. 293–298. (In Russ.)

G.Sh. Trudovaya pomoshch' invalidam [Labor Assistance for the Disabled]. Trudovaya pomoshch' [Labor Assistance]. 1915. N 3. P. 274–277. (In Russ.)

Gerber D.A. Introduction. Disabled Veterans in History. D.A. Gerber (ed.). Michigan: University of Michigan Press, 2000; revised and expanded, 2012. P. 1–50.

Gogel' S. Kak zemstvu i gorodu pomogat' zhertvam voiny? [How Does the Zemstvo and the City Help the Victims of War?]. Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii [Patronage and Charity in Russia]. 1915. N 3–4. P. 174–178. (In Russ.)

Granovskii L. Vserossiiskii soyuz gorodov [All-Russian Union of Cities]. Obshchestvennyi vrach [Public Physician]. 1914. N 8–9. P. 1055–1056. (In Russ.)

Ikedo Y. The Notion of Obshchestvennost' during the First World War // Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 61–82.

Jackson A. Reforming the Veteran: Propaganda and Agency in the First World War Reconstruction Hospitals. Journal of The Medical Library Association. 2019. Vol. 107. N 4. P. 472–487.

Kassow S.D. Russia's Unrealized Civil Society. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 367–371.

Kattsina T.A. Sotsial'naya pomoshch' invalidam voyny v gody «velikikh potryasenii» (1914–1921): regional'nyi aspekt [Social Assistance to Disabled Warriors during the «Great Upheavals» (1914–1921): a Regional Aspect]. Revolyutsiya 1917 goda: 100 let spustya. Vzgl'yad iz Sibiri [The Revolution of 1917: 100 years later. A View from Siberia]: Proc. of the Siberian Historical Forum. Krasnoyarsk: OOO «Laboratoriya razvitiya», 2017. P. 111–115. (In Russ.)

Khar'kovskaya proteznaya masterskaya [Kharkov Prosthetic Workshop]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 4. P. 1260–1262. (In Russ.)

Kovalev A.S., Novosil'tsev N.R., Savin O.I. Rol' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v professional'no-trudovoi reabilitatsii invalidov v gody Pervoi mirovoi voyny (na primere Tomskoi gubernii) [The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of the Disabled during World War I (on the Example of Tomsk Province)]. Bylye Gody. Rossiiskii Istoricheskii Zhurnal [Bygone Years. Russian Historical Journal]. 2018. N 48. P. 828–837. (In Russ.)

Ljubomudrov P.V. Iz povsednevnoj praktiki postojannykh vrachebnykh komissij [From the Daily Practice of Permanent Medical Commissions]. Voenno-medicinskij zhurnal [Military Medical Journal]. 1915. N 9. P. 108–115. (In Russ.)

Maksimov E. Organizatsiya obucheniya i truda uvechnykh voinov [Organization of Training and Labor of Maimed Warriors]. Trudovaya pomoshch' [Labor Assistance]. 1916. N 9. P. 331–341. (In Russ.)

Malone C. A Job Fit for Heroes? Disabled Veterans, the Arts and Crafts Movement and Social Reconstruction in Post-World War I Britain. First World War Studies. 2013. Vol. 4. N 2. P. 201–217.

Masterskie-ubezhishcha [Shelter Workshops]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1915. N 8. P. 3592–3593. (In Russ.)

Matsui Y. Introduction. Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–16.

Na Pirogovskom s"ezde [At the Pirogov congress]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 6. P. 1950–1961. (In Russ.)

Novaja imperskaja istorija Severnoj Evrazii. Chast' 2: Balansirovanie imperskoj situacii: XVIII–XX vv. [The New Imperial History of Northern Eurasia. Part 2: Balancing the Imperial Situation: XVI–XX centuries]. I. Gerasimov (ed.). Kazan: «Ab Imperio», 2017. 630 p. (In Russ.)

Nikolaev A. Organizatsiya trudovoi pomoshchi uvechnym voenam vo Frantsii [Organization of Labor Aid for Maimed Warriors in France]. Trudovaya pomoshch' [Labor Assistance]. 1916. N 9. P. 372–378. (In Russ.)

Novosil'tseva M.A. Doklad chlena Komiteta M.A. Novosil'tsevoi po voprosu ob organizatsii uezdnykh popечitel'stv o sirotakh i ob uvechnykh voynakh [Report of Committee Member M.A. Novosil'tseva on the Organization of County Trusteeships for Orphans and Maimed Soldiers]. Ezheimesyachnik Komiteta Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoi knyagini Elizavety Fedorovny po okazaniyu blagotvoritel'noi pomoshchi sem'yam lits, prizvannykh na voinu [Bulletin of the Committee of Her Imperial Highness the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna on Charitable Assistance to the Families of those Called to War]. 1915. N 4. P. 43–53. (In Russ.)

Obukhov A. Zanyatiya ruchnym trudom i podgotovka k professiyam postradavshikh voinov [Manual Labor and Preparation for Occupations of Injured Warriors]. Zemskoe delo [Zemstvo Affair]. 1915. N 4. P. 238–244. (In Russ.)

Pirogovskii s"ezd, doklady i rezolyutsii [The Pirogov Congress, Reports and Resolutions]. Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii [Patronage and Charity in Russia]. 1916. N 4–6. P. 403–438. (In Russ.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Rasshirenie masterskikh dlya izgotovleniya protezov [Expansion of workshops for the manufacture of prostheses]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 4. P. 1260. (In Russ.)

Rossiya v mirovoi voine 1914–1918 goda (v tsifrakh) [Russia in the World War 1914–1918 (in figures)]. Moscow: Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie, 1925. 103 p. (In Russ.)

Rostovtsev M.I. Predislovie [Foreword]. Uvechnye voyny [Mutilated Warriors]. Petrograd, 1917. P. 3–5. (In Russ.)

Sanborn J.A. The Zenith of Russian Progressivism: The Home Front during World War I and the Revolution. Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22: Book 2. The Experience of War and Revolution. C. Read, P. Waldron, A. Lindenmeyr (eds.). Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2016. Vol. 2. P. 497–508.

Shcherbinin P.P. Tambovskoe zemstvo i okazanie pomoshchi bol'nym i ranenym voynam (1914–1917 gg.) [Tambov Zemstvo and Assistance to the Sick and Wounded Warriors (1914–1917)]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Vestnik of Tambov University. Series: Humanities]. 2013. N 127. P. 278–287. (In Russ.)

Stepochkina E.V. Organizatsiya meditsinskoi pomoshchi i sotsial'naya reabilitatsiya invalidov v Samarskoi gubernii vo vremya pervoi mirovoi voyny [Organization of Medical Care and Social Rehabilitation of the Disabled in Samara Province during World War I]. XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii [The 20th century and Russia: Society, Reforms, Revolutions]: Electronic collection. Samara, 2014. Vol. 2. P. 285–289. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/> (date of access: 17.10. 2021). (In Russ.)

Sumpf A. Rossiiskie invalidy Pervoi mirovoi voyny: Zhertvy proshlogo ili sovremennaya sotsial'naya gruppa? [Russian Disabled of World War I: Victims of the Past or a Modern Social Group?]. Malen'kii chelovek i bol'shaya voyna v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v.: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma [The Little Man and the Big War in Russian History: Mid-19th to Mid-20th Century: Proc. of an Int. Colloquium]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 467–484. (In Russ.)

Sumpf A. War Disabled on Screen: Remembering and Forgetting the Great War in the Russian and Soviet Cinema, 1914–1940. First World War Studies. 2015. Vol. 6. N 1. P. 57–79.

Timberlake C.E. The Zemstvo and the Development of a Russian Middle Class. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 164–179.

Tumanova A.S. Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny (1914 – fevral' 1917 g.) [Public Organizations in Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. Moscow: ROSSPEN, 2014. 326 p. (In Russ.)

Tyrkova A.V. Uvechnye voyny [Mutilated Warriors]. Petrograd: [s.l.], 1917. 31 p. (In Russ.)

V.O. Na vystavke rabot ranenyykh [At the exhibition of the works of the wounded]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 4. P. 1235–1237. (In Russ.)

Verstraete P., Salvante M., Anderson J. Commemorating the Disabled Soldier: 1914–1940. First World War Studies. 2015. Vol. 6. N 1. P. 1–7.

Volkov V. Obshchestvennost': Russia's Lost Concept of Civil Society. Civil Society in the Baltic Sea Region. N. Götz, J. Hackmann (eds.). Hampshire: Ashgate, 2003. P. 63–72.

Zhiteli Arbatskogo raiona! [Residents of the Arbatsky district!]. Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 gg. Rossiya: [dokumenty, listovki, vozzvaniya] [World War I, 1914–1918. Russia: [documents, leaflets, proclamations]]. Collection of the State Public Historical Library. Department of rare books. Inv. N 000073513. (In Russ.)

А.В. Володько

ГЕНЕРАЛ Д.С. ПОЗДНЫШЕВ: ЖИЗНЬ НА ЧУЖБИНЕ

***Аннотация.** Статья посвящена известному общественному деятелю Русского зарубежья генералу Дмитрию Сергеевичу Позднышеву. Вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля С.Д. Позднышев 14 ноября 1920 г. эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев, а в 1927 г. – во Францию. С.Д. Позднышев принимал активное участие во многих эмигрантских общественных организациях. Однако делом всей его жизни стала помощь тысячам увечных воинов, пострадавших в Первой мировой и Гражданской войнах, и в разное время эвакуированных из России вместе с армиями А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. С 1927 г. С.Д. Позднышев – член правления Зарубежного союза русских военных инвалидов, а с 1961 г. – его председатель. Союз способствовал объединению эмигрантских организаций инвалидов, налаживал контакты с правительствами стран пребывания русских эмигрантов для обеспечения с их стороны материальной помощи увечным русским воинам, занимался сбором средств для их поддержки собственными силами. С.Д. Позднышев принимал активное участие в организации домов для содержания нетрудоспособных инвалидов, общежитий, мастерских и предприятий, где увечные воины по мере сил зарабатывали на жизнь и др. Свою жизнь на чужбине С.Д. Позднышев посвятил самоотверженной помощи соотечественникам. В истории Русского зарубежья тема деятельности Зарубежного союза русских военных инвалидов, одной из крупнейших эмигрантских организаций, малоизучена.*

***Ключевые слова:** Сергей Дмитриевич Позднышев,; деятельность; Зарубежный союз русских военных инвалидов; помощь; средства.*

Володько Анна Вячеславовна – кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.

E-mail: avolodko@inbox.ru

Web of Science Researcher ID: AAV-7281-2020,

Scopus Author ID: 57195673900

Volodko A.V. General D.S. Pozdnyshev: Life in a foreign land

Abstract. *The article is dedicated to General Dmitry Sergeevich Pozdnyshev, a well-known public figure of the Russian abroad. Together with the Russian army of General P.N. Wrangel D.S. Pozdnyshev evacuated to Constantinople on November 14, 1920, then moved to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, and in 1927 to France. C.D. Pozdnyshev was active in many émigré public organizations. However, his life's work was to help thousands of maimed soldiers who suffered in World War I and the Civil War and at different times were evacuated from Russia together with the armies of A.I. Denikin and P.N. Wrangel. Since 1927 S.D. Pozdnyshev was a member of the Board of the Russian Overseas Union of Military Invalids, and from 1961 its chairman. The Union promoted the unification of emigrant organizations of invalids, established contacts with the governments of host countries of Russian emigrants to ensure their material assistance to maimed Russian soldiers, and was raising funds to support them by their own means. S.D. Pozdnyshev was actively involved in the organization of homes for the disabled, hostels, workshops and enterprises where disabled soldiers earned their living as best they could, etc. S.D. Pozdnyshev devoted his life in a foreign land to selfless assistance to compatriots. The subject of activity of the Russian Overseas Union of Military Invalids, one of the largest emigrant organizations, is little-studied in the history of Russia abroad.*

Keywords: *Sergei Dmitrievich Pozdnyshev; activities; Foreign Union of Russian Military Invalids; aid; funds.*

Volodko Anna Vyacheslavovna – PhD in Law,
Senior Research Fellow, Institute of General History,
Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: avolodko@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: AAV-7281-2020,
Scopus Author ID: 57195673900

Сергей Дмитриевич Позднышев родился 9 октября 1889 г. в простой казачьей семье, в станице Екатерининской Первого Донского округа Области Войска Донского¹. Начало его биографии было вполне предсказуемым и типичным для представителя военного сословия. В 1910 г., окончив Новочеркасское казачье юнкерское училище с присвоением звания хорунжего, он был направлен на службу в 15-й Донской казачий полк. После начала Первой мировой войны молодой офицер в составе этого полка отправился на фронт. За отличия в воинской службе С.Д. Позднышев был произведен в есаулы, в 1914 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст., а в 1915 г. – Св. Анны 3-й ст.

1. В настоящее время станица Краснодонецкая Белокалитвенского района Ростовской области.

с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й ст. [Парамонов].

С.Д. Позднышев не принял ни Февральскую, ни тем более Октябрьскую революцию: до конца жизни он хранил верность императору Николаю II. К советскому режиму он отнесся с непримиримой враждебностью, и после развала императорской армии вернулся в родные места, где жил на подпольном положении. Поэтому, когда весной 1918 г. на Дону вспыхнуло антибольшевистское восстание, Сергей Дмитриевич Позднышев принял в нем самое активное участие, сформировав в своей станице Екатериновской казачий партизанский отряд (дружину). Он принимает командование сначала пешим казачьим полком с присвоением звания войскового старшины, получает очередное тяжелое ранение, но возвращается в строй, в 1919 г., уже в чине полковника, возглавляет 6-ю Донскую казачью бригаду в составе 2-го Донского корпуса. Осенью 1919 г. С.Д. Позднышев – уже генерал-майор, командир 4-й Донской дивизии [Парамонов]. В декабре после краткосрочного отпуска в Екатериновской и встречи с родителями, он покинул родные места, как оказалось, навсегда. Позднее С.Д. Позднышев вспоминал: «Двадцать лет прошло, как в холодный декабрьский день 1919 года я покинул родной дом, но еще не могу забыть то жгучее, рвущее на части сердце, прощанье с матерью...» [Позднышев 1939, с. 5; Зубова]. Впереди были последние бои Вооруженных сил Юга России против наступающих красных.

В начале 1920 г. Позднышев принимал участие в военных действиях в Северной Таврии в составе Донского корпуса генерала Ф.Ф. Абрамова. Однако вскоре участие в боевых действиях закончилось: получив тяжелое ранение, в марте 1920 г., он был эвакуирован вместе с женой и сыном на греческий остров Лемнос. Лечение затянулось и в Россию, в Крым, он вернулся только в октябре того же года, незадолго до второй, уже окончательной эвакуации остатков белой армии. Вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля Позднышев 14 ноября 1920 г. эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев, а в 1927 г. – во Францию.

Так С.Д. Позднышев оказался в эмиграции. Тридцатилетний генерал, перенесший многочисленные боевые ранения, но полный энергии, подобно сотням тысяч русских беженцев оказался на чужбине. Блестящая военная карьера оборвалась и надо было налаживать новую жизнь в эмиграции. На помощь пришел присущий С.Д. Позднышеву литературный дар, что позволяло активно публиковаться в эмигрантской печати.

Позднышев состоял во многих эмигрантских общественных организациях. Был в числе организаторов Союза ревнителей памяти императора Николая II, входил в состав Совета Союза; был избран во Временный совет Российского

национального союза и Совет Российского зарубежного воинства; был представителем Атамана Всевеликого Войска Донского за рубежом во Франции; возглавлял Союз казаков-комбатантов во Франции; был членом Парижской избирательной комиссии по выборам Донского атамана; учредителем Кружка казаков-литераторов; членом Центрального правления Объединения русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом и др.

Однако делом всей его жизни стала помощь товарищам по несчастью – тысячам увечных воинов, пострадавших в Первой мировой и Гражданской войнах, и в разное время эвакуированных из России вместе с армиями А.И. Деникина и П.Н. Врангеля².

На судьбе русских военных инвалидов за границей стоит остановиться подробнее. По понятным причинам большинство из них не могли полноценно трудиться, чтобы заработать на жизнь; внешние источники помощи, в частности средства Российского общества Красного Креста, быстро иссякли. Поэтому с самого начала перед инвалидами встал вопрос о самоорганизации и объединении с целью взаимопомощи. Уже в декабре 1920 г. в Константинополе создается Союз русских инвалидов в Турции. Примерно в это же время был учрежден Союз русских инвалидов в Болгарии, а вскоре аналогичные организации возникли и в других странах расселения русских белоэмигрантов.

В мае 1921 г. «турецкий» союз, по определению «головной», так как именно в Турции находились основные силы врангелевской армии и большинство беженцев, возглавил выдающийся деятель русской эмиграции генерал Н.Н. Баратов [Володько 2021] (забегая вперед, отметим, что с С.Д. Позднышевым его свяжет многолетняя дружба и совместная деятельность). На этом посту генерал сразу же поставил перед собой главную стратегическую задачу – объединить военных инвалидов, разбросанных по разным странам мира, в одну организацию. Он был убежден: «В единении – наше спасение», и неустанно пропагандировал эту идею в устных выступлениях и газетных статьях [Позднышев 1939, с. 13]. Союз русских инвалидов организовал переезд более 700 инвалидов и членов их семей в Югославию около 300 инвалидов – в Болгарию [Йованович 2005, с. 102–103]. В Белград переехало и Центральное правление организации, переименованной, соответственно, в Союз русских военных инвалидов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев и за границей, на него были возложены временные функции Главного правления всех инвалидных организаций.

2. Сведений о том, что самому С.Д. Позднышеву была присвоена инвалидность, у нас нет, однако во всех своих трудах он употребляет выражения «мы, инвалиды», «наше инвалидное дело», что, наряду с восемью его ранениями, на взгляд автора, позволяет сделать такой вывод.

Главными направлениями деятельности Союза стали объединение эмигрантских организаций инвалидов, контакты с правительствами стран пребывания русских эмигрантов для обеспечения с их стороны материальной помощи увечным русским воинам, и сбор средств для их поддержки собственными силами.

В 1925 г. Правление Союза переехало в Париж, поближе к основным центрам влияния Европы и штаб-квартирам международных организаций.

В настоящее время, в связи с отсутствием доступа к соответствующим документам Союза, мы точно не знаем, на каком этапе к деятельности организации подключился С.Д. Позднышев, но учитывая, что уже в 1927 г. он стал ее «третьим лицом», можно предположить, что это произошло не позже середины 1920-х годов: вряд ли в высшее руководство мог бы быть избран «человек со стороны», не проверенный в практическом деле.

К 1927 г. Союз настолько окреп финансово, что смог провести в Белграде полномасштабный Всеаграничный делегатский съезд, на котором было завершено его организационное оформление. Теперь Союз стал именоваться «Зарубежный союз русских военных инвалидов», также было избрано Главное правление со штаб-квартирой в Париже. В состав Правления, помимо председателя Н.Н. Баратова и М.Н. Кальницкого – заместителя и заведующего финансовой частью (о деятельности М.Н. Кальницкого в Зарубежном союзе русских военных инвалидов см. подробнее: [Володько 2022]), был избран С.Д. Позднышев в должности секретаря (позднее – управляющего делами). По решению Съезда была систематизирована финансовая деятельность. Себе Главное правление оставляло только бюджет на административные и издательские расходы, все остальные средства перечислялись Союзам.

Таким образом, на Первом съезде был окончательно сформирован «триумvirат» руководителей Союза, которые, по естественным причинам сменяя друг друга, возглавляли его многие десятилетия. Позднее С.Д. Позднышев вспоминал, как Н.Н. Баратов, явно довольный результатом, сказал: «Ну, дорогой мой, теперь будем работать вместе. Я очень рад, что вы согласились» [Позднышев 1939, с. 22]. Соглашаясь на должность управляющего делами, генерал взвалил на себя тяжелый груз: фактически он должен был руководить всей текущей деятельностью Правления – заниматься перепиской, подготовкой документов и др. Как способный публицист, он принял самое активное участие в пропаганде целей и задач Союза, его издательской деятельности. Имеются все основания полагать, что С.Д. Позднышев был автором брошюр с описанием деятельности Зарубежного союза русских военных инвалидов, выходивших в 1930-е годы [Зарубежный Союз 1929; Зарубежный Союз 1934; Зарубежный Союз 1939], а буквально накануне Второй мировой войны он написал книгу «Этапы» – своеобразную «летопись» истории Союза за первые десятилетия его существования, включающую, помимо собственных воспо-

минаний и наблюдений автора, подробное описание съездов Союза с текстами принятых резолюций, выступлений делегатов и др. Этот труд дает достаточно полную картину деятельности организации и служит одним из важнейших источников для ее изучения.

Деятельность Правления была непростой, но результативной, и в целом вторую половину 1920-х годов можно охарактеризовать как самый благоприятный период в истории Союза. Экономика европейских стран динамично развивалась, что обеспечивало правительственную помощь в полном объеме и поступление солидных средств от эмигрантов-жертвователей. Все это позволило осуществить еще один проект генерала Н.Н. Баратова, удачно сочетавший нравственно-просветительский и коммерческий элемент – воссоздание «военно-научной и литературной» газеты «Русский инвалид», издававшейся еще в царской России. Целью этого издания было поддерживать единство российской военной эмиграции, давая «всему трудящемуся офицерству, занятому повседневной борьбой за существование, возможность следить за развитием военно-научной мысли и состоянием военного и морского дела» [Баратов 1930, с. 3]. С.Д. Позднышев сотрудничал в газете в качестве автора, опубликовал ряд статей по истории Гражданской войны, а позже был назначен ее редактором. С газетой сотрудничали знаменитые литераторы Русского зарубежья, в том числе И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев, М.А. Алданов, Н.А. Тэффи и др. Доходы от продажи газеты и подписки на нее в странах расселения русской эмиграции поступали в распоряжение местных Союзов. В 1930-х годах газету удавалось выпускать раз в месяц, а в некоторые годы – раз в две недели.

В 1932 г. скончался первый председатель Союза – генерал Н.Н. Баратов. На Третьем Всезарубежном делегатском съезде в Софии в 1933 г. его преемником был избран М.Н. Кальницкий, а С.Д. Позднышев остался на посту управляющего делами. К тому времени Союз превратился в одну из крупнейших эмигрантских организаций: он объединял и оказывал помощь 6265 инвалидам из 21 страны [Позднышев 1939, с. 45]. Во многих из них были организованы приюты для содержания нетрудоспособных инвалидов, общежития, различные мастерские и предприятия, где увечные воины по мере сил зарабатывали на жизнь. В 1938 г. в Союзе числилось 20 региональных союзов и групп и 6502 члена, а с членами семей инвалидов – до 9000 человек [Зарубежный союз 1939, с. 1].

Зарубежный союз русских военных инвалидов (с 1938 г. стал именоваться Федерацией союзов русских военных инвалидов) [Позднышев 1939, с. 128] ждало новое испытание – Вторая мировая война. Подавляющее большинство стран, где проживали инвалиды, оказались под нацистской оккупацией. Начался идейно-политический раскол в рядах самой эмиграции, возникший после нападения Германии на СССР. Некоторые ее деятели, прежде

всего А.И. Деникин, заняли патриотическую позицию, встав на сторону «вечной» России, независимо от ее правящего режима. Но многие другие, из-за ненависти к большевикам, поддерживали нацистов, видя в них орудие освобождения страны от большевиков [О политическом размежевании русской эмиграции во Франции в годы войны см. подробнее: Вовк 2019, Вовк 2020; Ковалев 2006, Ковалев 2006 а, Ковалев 2017; Семенов 2020; Турыгина 2011; и др.]. К сожалению, приходится констатировать, что к последним относился и С.Д. Позднышев. В частности, 31 июня 1941 г. он от имени Всевеликого Войска Донского поставил свою подпись под обращением Казачьего совета во Франции, содержащим призыв к казакам «приобщиться к делу борьбы с большевиками – каждый на своем (или указанном ему) месте» [Данкир]. Возможно, это произошло под влиянием его бывшего командира и собрата по литературному цеху – генерала П.Н. Краснова, активно сотрудничавшего с немцами, но, так или иначе, нет никаких свидетельств, что С.Д. Позднышев когда-либо раскаивался в этом поступке.

Поражение Германии обернулось для инвалидного Союза серьезными проблемами: новые коммунистические режимы в странах Восточной Европы рассматривали русских эмигрантов в первую очередь как «белогвардейцев-контрреволюционеров», распускали национальные Союзы, закрывали инвалидные дома.

В результате, в послевоенные годы главным центром деятельности Союза стала Западная Европа и прежде всего Франция. Правление, во главе с М.Н. Кальницким и С.Д. Позднышевым продолжало сбор средств на помощь увечным воинам, проводились Дни русского инвалида, съезды Союза [Позднышев 1962]. Вместе с М.Н. Кальницким и В.А. Рагимовым³ основал Дом русских военных инвалидов в Монморанси (Русский старческий дом), который был официально открыт в 1952 г., где, помимо военных, нашли приют многие «гражданские» деятели Русского зарубежья – в частности, там жили И.В. Одоевцева, Г.В. Иванов и др. В 1960 г. удалось возобновить издание «Русского инвалида», прерванное в 1940 г.

С.Д. Позднышев также продолжал активно участвовать в деятельности эмигрантских общественных организаций и заниматься литературным творчеством. В качестве члена Содружества резервистов французской армии, участвовал в 1947 г. в церемонии перезахоронения русских, павших в боях во Франции в 1939–1945 г.; в 1954 г. был избран председателем Союза ревнителей памяти императора Николая II; входил в состав Комитета Казачьего союза по сооружению иконы Донской Божьей Матери, также принимал активное

3. Владимир Александрович Рагимов (1894–1984), капитан лейб-гвардии Измайловского полка, один из основателей и директор Дома русских военных инвалидов в Монморанси. Похоронен на кладбище в Сент-Женьев-де-Буа.

участие в деятельности Русского комитета объединенных организаций, Союза российских кадетских корпусов, Общества любителей русской военной старины, Общества охранения русских культурных ценностей и многих других организаций [Зубова].

С.Д. Позднышев участвовал в собраниях и торжествах, выступал с лекциями, докладами, публиковался в журналах «Возрождение», «Часовой», в казачьих журналах «Станица» и «Общеказачьем журнале».

Среди его публикаций отметим: «Этапы» – о деятельности Зарубежного союза русских военных инвалидов [Позднышев 1939]; «Немеркнущий свет» – о трагических событиях 1918 г. [Позднышев 1949], связанных с гибелью императорской семьи; «Распни Его» – о судьбе Николая II и обстоятельствах, приведших к его отречению от престола [Позднышев 1952]; «Во имя правды» – ответ критикам книги «Распни его» [Позднышев]; «Помни правду» – сборник статей памяти последнего российского императора [Помни правду ... 1965] и др.

После смерти генерала М.Н. Кальницкого в 1961 г., С.Д. Позднышев возглавил Союз русских военных инвалидов и руководил им до своей кончины 7 мая 1980 г. в городе Исси-ле-Мулино в 7 км от Парижа. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. За несколько лет до смерти он опубликовал в «Русском инвалиде» статью под названием «Пока бьется сердце», где дал свою оценку пути, пройденному белой эмиграцией за полвека: «...эмиграция не посрамила русского имени [...] Она высоко несла Русское Знамя, она обогатила талантами культуру Запада... работала не покладая рук [...] Можно ее упрекнуть в политическом разномыслии, но нельзя обвинить в невыполнении национального долга... она жила во имя России, свободы и национальных идеалов» [Позднышев 1971]. Эту характеристику можно отнести и к самому С.Д. Позднышеву, посвятившему свою жизнь на чужбине помощи соотечественникам.

Библиография

- Баратов Н.Н. К читателям «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1930. № 1. С. 3–4.
- Вовк А.Ю. «В 1943 г. я вошел в контакт подпольной французской организации...»: русский эмигрант Владимир Тарасов во французском Сопротивлении // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 214–224.
- Вовк А.Ю. Движение Сопротивления во французской провинции: случай эмигранта Георгия Шеметилло // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2020. Т. 10. С. 107–118.
- Володько А.В. Генерал Н.Н. Баратов на службе Отечеству за рубежом // Вопросы истории. 2021. № 10. С. 97–104.
- Володько А.В. Генерал Михаил Николаевич Кальницкий: деятельность в Зарубежном союзе русских военных инвалидов // История: электр. научно-образовательный журнал. 2022. Т. 13. URL: <https://history.jes.su/s207987840019004-3-1/> (дата обращения 02.04.2022).

Данкир О. Казачий Порядник. Казачий Стан Вермахта 1943–1945 гг. URL: <https://sites.google.com/site/olegdankir/Poriadnik/vse-formirovania/stan/kazacij-stan-vermahta-1943---1945-gg> (дата обращения: 01.10.2021).

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М.: Русский путь, 2005. 487 с.

Зарубежный Союз Русских Военных Инвалидов. Париж: [б.и.], 1929. 35 с.

Зарубежный Союз Русских Военных Инвалидов 1934. Исси-ле-Мулино: [б.и.], 1934. 19 с.

Зарубежный Союз Русских Военных Инвалидов 1920–1938. Париж: [б.и.], 1939. 36 с.

Зубова В.Р. 130 лет со дня рождения С.Д. Позднышева. URL: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/130 лет со дня рождения с д позднышева (дата обращения: 02.10.2021).

Ковалев М.В. Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье: Межвузовский сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во СГУ, 2006. Вып. 7. С. 300–312.

Ковалев М.В. Русская эмиграция во Франции в годы войны // Новый журнал. 2006. Кн. 245. С. 209–230.

Ковалев М.В. «Добровольное участие в войне стало частью моей жизни...» Жизнь и судьба Николая Васильевича Вырубова, русского героя Франции // Русский барин – герой Франции / Сост. Н.А. Лобанов-Ростовский, Н.А. Алпатова. М.: ООО «Полиграф-Плюс», 2017. С. 174–205.

Парамонов Ю. Казаки. Новочеркасское казачье училище 1910 г. Окончание. Выпускники юнкерского курса. URL: https://oraznom.at.ua/publ/kazaki_novocherkasskoe_kazache_uchilishhe_1910_g_prodlolzhenie_vypuskniki_junkerskogo_kursa_mamonov_jashhenkov/1-1-0-69 (дата обращения: 02.10.2021).

Позднышев С.Д. Этапы. Париж: [б.и.], 1939. 132 с.

Позднышев С.Д. Немеркнувший свет. Сан Пауло: [б.и.], 1949. 66 с.

Позднышев С.Д. Распни его. Париж: [б.и.], 1952. 352 с.

Позднышев С.Д. Во имя правды. Париж: [б.и.], 1954. 54 с.

Позднышев С.Д. «Пока бьется сердце...» // Русский инвалид. 1971. № 164. С. 1–2.

Позднышев С.Д. Сбор средств и деятельность Комитетов // Русский инвалид, 1962. № 136. С. 9.

Помни правду: сб. докл. членов Союза ревнителей Священной памяти императора Николая II, 1963–1964 / предисл. С.Д. Позднышева. Париж: [б.и.], 1965. 68 с.

Семенов К.К. Александр Угримов и Дурданская группа Сопротивления // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2020. Т. 10. С. 119–133.

Турыгина Н.В. Коллаборационизм и патриотизм в среде русских эмигрантов во Франции в годы Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2011. № 3. С. 187–191.

References

Baratov N.N. K chitateliam «Russkogo invalida» [To the readers of The Russian Disabled]. Russkii invalid [Russian invalid]. 1930. N 1. (In Russ.)

Vovk A.Yu. «V 1943 g. ya voshel v kontakt podpol'noy frantsuzskoy organizatsii...»: russkii emigrant Vladimir Tarasov vo frantsuzskom Soprotivlenii [«In 1943 I made contact with a clandestine French organization...»: Russian émigré Vladimir Tarasov in the French Resistance]. Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy [Journal of Russian and East European Historical Research]. 2019. N 4 (19). P. 214–224. (In Russ.)

Vovk A.Yu. Dvizheniye Soprotivleniya vo frantsuzskoy provintsii: sluchay emigranta Georgiya Shemetillo [The Resistance Movement in the French Province: The Case of the Emigrant Georgy Shemetillo]

Shemetello]. Yezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna [A Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad]. 2020. T. 10. P. 107–118. (In Russ.)

Volodko A.V. General N.N. Baratov na sluzhbe Otechestvu za rubezhom [General Baratov in Service to the Fatherland Abroad]. Voprosy istorii [History questions]. 2021. N 10. P. 97–104. (In Russ.)

Volodko A.V. General Mihail Nikolaevich Kal'nitskiy: deyatel'nost' v Zarubezhnom soyuze russkikh voennykh invalidov [General Mikhail Nikolayevich Kalnitsky: activities in the Russian Military Invalids' Union Abroad]. Istoriya [History]: Electronic scientific and educational journal. 2022. T. 13. URL: <https://history.jes.su/s207987840019004-3-1/> (data of access: 02.04.2022). (In Russ.)

Dankir O. Kazachii Poriadnik. Kazachii Stan Vermakhta 1943–1945 gg. [Cossack Orderly. Wehrmacht Cossack Station 1943–1945]. URL: <https://sites.google.com/site/olegdankir/Poriadnik/vse-formirovaniya/stan/kazacij-stan-vermahta-1943---1945-gg> (data of access: 01.10.2021). (In Russ.)

Jovanović M. Russkaia emigratsiia na Balkanakh, 1920–1940 [Russian emigration in the Balkans, 1920–1940]. Moscow: Russkij put', 2005. 487 p. (In Russ.)

Kovalev M.V. Uchastiye russkoy emigratsii vo Frantsii v bor'be s fashizmom [Participation of Russian emigration in France in the fight against fascism]. Voenno-istoricheskiye issledovaniya v Povolzh'ye: Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [The Military-historical research in the Volga region: Interuniversity collection of scientific papers]. Saratov: Izd-vo SGU, 2006. Vol. 7. P. 300–312. (In Russ.)

Kovalev M.V. Russkaya emigratsiya vo Frantsii v gody voyny [Russian emigration in France during the war]. Novyy zhurnal [The New Review]. 2006. Vol. 245. P. 209–230. (In Russ.)

Kovalev M.V. «Dobrovol'noye uchastiye v voyne stalo chast'yu moyey zhizni...» Zhizn' i sud'ba Nikolaya Vasil'yevicha Vyrubova, russkogo geroya Frantsii [«Voluntary participation in the war has become a part of my life ...» The life and fate of Nikolai Vasilyevich Vyrubov, the Russian hero of France]. Russkiy barin – geroy Frantsii [Russian gentleman – the hero of France]. Ed. by N.A. Lobanov-Rostovskiy, N.A. Alpatova. Moscow: OOO «Poligraf-Plyus», 2017. P. 174–205. (In Russ.)

Paramonov Iu. Kazaki. Novoherkasskoe kazach'e uchilishche 1910 g. Okonchanie. Vypuskniki iunkerskogo kursa [Cossacks. Novoherkassk Cossack School, 1910. Finishing. Graduates of the junker course]. URL: https://oraznom.at.ua/publ/kazaki_novoherkasskoe_kazache_uchilishhe_1910_g_prodlzhenie_vypuskniki_iunkerskogo_kursa_mamonov_jashhenkov/1-1-0-69 (data of access: 02.10.2021). (In Russ.)

Pozdnyshev S.D. Etapy [The stages]. Paris: [s.l.], 1939. 132 p. (In Russ.)

Pozdnyshev S.D. Nemerknushchii svet [A dimmer light]. San Paulo, 1949. 66 p. (In Russ.)

Pozdnyshev S.D. Raspni ego [Crucify him]. Paris: [s.l.], 1952. 352 p. (In Russ.)

Pozdnyshev S.D. Vo imia pravdy [For the sake of truth]. Paris: [s.l.], 1954. 54 p. (In Russ.)

Pozdnyshev S.D. «Poka b'etsia serdtse...» [«As long as the heart beats...»]. Russkii invalid [Russian invalid]. 1971. N 164. P. 1–2. (In Russ.)

Pozdnyshev S.D. Sbor sredstv i deiatel'nost' Komitetov [Fundraising and Committee activities]. Russkii invalid [Russian invalid]. 1962. N 136. P. 9. (In Russ.)

Pomni pravdu. Sbornik dokladov chlenov Soiuz revnitelei Sviashchennoi pamiati imperatora Nikolaia II, 1963–1964 [Remember the Truth. Collection of reports by the members of the Union of the Revivalists of the Sacred Memory of Emperor Nicholas II, 1963–1964]. Ed. by S.D. Pozdnyshev. Paris: [s.l.], 1965. 68 p. (In Russ.)

Semenov K.K. Aleksandr Ugrimov i Durdanskaya gruppa Soprotivleniya [Alexander Ugrimov and the Durdan Resistance Group]. Yezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna [A Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad]. 2020. T. 10. P. 119–133. (In Russ.)

Turygina N.V. Kollaboratsionizm i patriotizm v srede russkikh emigrantov vo Frantsii v gody Vtoroy mirovoy voyny [Collaborationism and patriotism among Russian emigrants in France during the Second World War]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Istoriya. [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. History]. 2011. N 3. P. 187–191. (In Russ.)

Zarubezhnyi Soiuz Russkikh Voennykh Invalidov [Overseas Union of Russian Military Invalids]. Paris: [s.l.], 1929. 35 p. (In Russ.)

Zarubezhnyi Soiuz Russkikh Voennykh Invalidov 1934 [Overseas Union of Russian Military Invalids 1934]. Issi-le-Mulino: [s.l.], 1934. 19 p. (In Russ.)

Zarubezhnyi Soiuz Russkikh Voennykh Invalidov 1920–1938 [Overseas Union of Russian Military Invalids 1920–1938]. Paris: [s.l.], 1939. 36 p. (In Russ.)

Zubova V.R. 130 let so dnia rozhdeniia S.D. Pozdnysheva [130th anniversary of the birth of S.D. Pozdnyshev]. URL: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/130_let_so_dnya_rozhdeniya_s_d_pozdnysheva (data of access: 02.10.2021). (In Russ.)

Н.И. Бубнова

**ВЫВОД АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА
И ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА: ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК?**

***Аннотация.** Несмотря на попытки администрации Байдена представить осуществленный ею вывод американских войск из Афганистана в позитивном свете, все в самих Соединенных Штатах и в мире были свидетелями сумбурного, дезорганизованного процесса со многими жертвами. В статье показано, что это явилось результатом как неправильных краткосрочных решений, так и долгосрочной политики США в Афганистане, наряду с недостаточным пониманием сложного характера этой страны, ее политической специфики и многонационального состава. Что и стало, параллельно с фактором коррупции в афганских органах управления, одной из причин, почему вооруженные талибы, в несколько раз меньшей численностью, чем армия правительства Афганистана, с такой легкостью продвинулись к Кабулу и захватили власть. Автор задается вопросом, насколько фактическое поражение в Афганистане и непрigлядная реализация операции по выводу американских войск из этой страны способны привести к более глубокому переосмыслению в Вашингтоне своей установки на глобальное доминирование и смене парадигмы в пользу большего учёта нужд других стран и международного сотрудничества? В статье не дано однозначно оптимистических прогнозов на этот счет. Однако задача сотрудничества на афганском направлении сохраняется, а стабилизация ситуации в этой стране и недопущение террористических нападений с ее территории и распространения радикализма в регионе соответствуют интересам как России, так и США.*

***Ключевые слова:** вывод американских войск из Афганистана; внешняя политика Байдена; террористические нападения; афганские беженцы; наркотрафик; российско-американские отношения.*

Бубнова Наталья Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
Россия, Москва.
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com
Web of Science Researcher ID: U-3588-2017
Scopus Author ID: 57196712897

Bubnova N.I. The withdrawal of U.S. forces from Afghanistan and American policy: What went wrong?

Abstract. *The withdrawal of U.S. forces from Afghanistan and the disorganized and chaotic form it took reverberated in the United States and worldwide and led to criticisms undermining the Biden administration. The article seeks to answer why and how such scrambled departure could have happened. It shows that both immediate and previous long-term policies led to the collapse, as well as a lack of understanding in Washington of the historical background and complex nature of Afghanistan, its multi-ethnic composition and political specificity. The author poses the question of whether the actual U.S. defeat in Afghanistan and the botched withdrawal of U.S. troops from the country could perhaps prompt the United States to reconsider its aspiration for global dominance and to reorient towards better prioritization of the needs of other countries and more focus on international cooperation – though any early indications of such a paradigm-changing trend are all but certain. Yet cooperation in policies towards Afghanistan remains essential. Keeping the situation in the country stable, as well as ensuring that there are no terrorist attacks from its territory and it does not present a threat to its neighbors is in the interest of both Russia and the United States.*

Keywords: *withdrawal of U.S. forces from Afghanistan; evacuation from Kabul airport; Biden's foreign policy; terrorist attacks; Afghan refugees; drug trafficking; U.S.-Russia relations.*

**Bubnova Natalia – Ph.D. in History, Leading Research Fellow,
Primakov National Research Institute of World Economy and
International Relations of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com
Web of Science Researcher ID: U-3588-2017
Scopus Author ID: 57196712897**

Джо Байден, вступив на пост президента, не собирался делать внешнюю политику главным направлением своей деятельности. А ситуация, вызванная эпидемией ковида, наряду с борьбой вокруг социально-экономической инициативы Байдена и разгоревшимися дебатами по поводу потолка американского государственного долга, еще более усиливала значимость для него внутривнутриполитической повестки. Но в связи с драматическими событиями в Афганистане, происходившими летом 2021 г. в результате начавшегося вывода американских войск, все взоры и американцев и мировой общественности оказались обращены на них. Признанный в РФ экстремистским и запре-

щенным Талибан¹ предпринял стремительное наступление, правительственная армия Афганистана (на подготовку и вооружение которой Вашингтон затратил 90 млрд долл. [What We Need to Learn 2021]) не оказала сопротивления, и в считанные дни Кабул был взят. Действующий президент страны Ашраф Гани (который ранее в течение полугода вёл переговоры с Талибаном, но, как сообщалось в официальных американских источниках, не пришел к соглашению об условиях урегулирования с талибами), вместе со своим ближайшим окружением срочно покинул Афганистан. В Вашингтоне пытались понять, как могло получиться, что огромные усилия, военная помощь и финансовые вложения, которые были затрачены на протяжении двух десятилетий, привели к такому результату.

Двадцатилетняя операция в Афганистане, предпринятая под лозунгом борьбы с терроризмом в начале нулевых, началась вскоре после терактов в Нью-Йорке, в которых американское руководство обвинило исламистскую организацию Аль-Каиду², базировавшуюся, как считали вашингтонские политики, в этой стране. К американским войскам, по решению ООН, вскоре тогда присоединились Международные силы содействия безопасности в Афганистане, которые наряду с американскими войсками с начала нулевых вели военные действия параллельно с то затухавшей, то возобновлявшейся в стране гражданской войной.

Решение окончить эту самую долгую в американской истории войну уже с середины прошлого десятилетия пользовалось поддержкой со стороны подавляющего большинства американского населения, но также – что было редким по нынешним временам случаем – со стороны представителей обеих американских партий. Ни администрации Обамы, ни администрации Трампа не удалось завершить этот процесс, и данная задача перешла к президенту Байдену, который выполнил подписанный еще предыдущим президентом

1. Движение Талибан, впервые возникшее в первой половине 1990-х в лагерях беженцев в Пакистане под руководством духовного лидера Мохаммада Омара и ставшее основной пуштунской группировкой, признано террористической организацией и запрещено в России. Талибан правил в Афганистане с 1996 по 2001 г., вновь пришел к власти в августе 2021 г. Во время его предыдущего правления была установлена власть шариата в его экстремистских трактовках, с запретом художественных изображений и музыки, поражением женщин в правах и этническими чистками.

2. Аль-Каида признана террористической организацией и запрещена в России. Являющаяся одной из самых крупных исламистских группировок, она была создана в 1988 г. (в том числе при поддержке США) для координации действий между различными отрядами сражавшихся против советских войск моджахедов. После ухода советского воинского контингента из Афганистана Аль-Каида перенацелила свою деятельность против США.

договор, заключенный с Талибаном в Дохе 29 февраля 2020 г.³. Однако резкую критику вызвало то, каким образом был осуществлен вывод американских войск.

Неудачная организация вывода войск

Аналитики обращали внимание на то, что график вывода войск не ставился в зависимость от успеха в продвижении продолжавшихся переговоров США с Талибаном или же талибов с афганским правительством (*unconditional departure*). Преподаватель Американского университета в Кабуле Муска Дастагир еще в апреле 2021 г. предупреждала, что, объявив о выводе войск без предварительных условий, США потеряли значительные рычаги воздействия на Талибан [Hadid 2021]. Особенно её удивляло выбранное время для анонсирования решения и обозначенные сроки ухода США из Афганистана, поскольку, как она указывала, они не соотносились с мирным процессом и могли лишить Талибан побудительных мотивов к сотрудничеству и по сути подорвать мирный процесс. В СМИ писали, что, и в самом деле, принятое администрацией Байдена решение было расценено Талибаном как признание американской стороной поражения в войне.

Многие утверждают, что разведывательные сводки и донесения американских спецслужб в преддверии летних событий были весьма тревожными. По свидетельству бывшего сотрудника американских спецслужб Сэма Кайли, много времени проработавшего в Афганистане, американская разведка сообщала, что в случае подобного сценария реальна угроза быстрого коллапса: «а тот, кто не знал этого, вообще ничего не знает об Афганистане» [CNN2 2021]. Хотя по словам известного ведущего CNN Фариды Захарии, американские военачальники якобы и говорили, что «быстрота – это успех», однако главнокомандующий силами США и НАТО в Афганистане генерал Остин («Скотт») Миллер, по свидетельству очевидца, предупреждал, что «скорое падение правительства не только возможно, но наиболее вероятно в случае быстрого выхода» [Rizzo 2021] американских войск. И министр обороны США Ллойд Остин, и председатель Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) Марк Милли, и командующий Центральным командованием генерал Кеннет Маккензи не далее чем весной 2021 г. выступали против намерения Байдена осуществить вывод войск таким образом. Более того, все трое полагали и докладывали об этом Байдену в первые месяцы его пребывания на посту президента, что в Афганистане следовало оставить небольшой контингент американских сил примерно в 2,5 тыс. человек. Хотя непонятно, как

3. В соответствии с подписанным в Дохе договором, американские войска должны были быть выведены из Афганистана даже раньше: уже к 1 мая 2021 г.

подобное согласовывалось бы с обязательствами, принятыми на себя в Дохе американской стороной, однако, с их точки зрения, это должно было бы поддержать правительство Гани и обеспечить ему больше времени для осуществления переговоров с Талибаном относительно состава переходного правительства. И на состоявшихся в сентябре слушаниях в сенатском Комитете по вооруженным силам ни один из троих лидеров Пентагона не смог ответить на вопрос, почему президент в интервью летом говорил, что не получал такого совета от представителей военного командования [Rizzo 2021]. То есть решение о выводе войск было по сути принято, как по-английски говорится, «поверх голов» руководителей Пентагона, а также многих гражданских руководящих сотрудников администрации Байдена.

Уходили с американской военной базы в Баграме в самом деле быстро. Как сообщали в СМИ, в середине ночи, не предупредив афганские власти. Талибан шел вперед не менее быстро, несмотря на то, что не обладал ни бронетехникой, ни авиацией. Его столь стремительного наступления в Вашингтоне явно не ожидали, что в общем-то признавали постфактум многие представители Белого дома, включая самого президента. Ведь еще за месяц до захвата власти Талибаном Байден предсказывал, что быстрое продвижение талибов к столице является «*highly unlikely*» (этому печально знаменитому словосочетанию в очередной раз не повезло). А за неделю до взятия талибами Кабула в Вашингтоне обещали, что американское Посольство в этом городе не закроется, и говорили об «устойчивом партнёрстве» (*Enduring Partnership*⁴) с афганскими властями. Министр обороны Ллойд Остин на слушаниях в Сенате сказал, что Соединенные Штаты должны признать неудобную правду: «Тот факт, что афганская армия, обучением которой занимались мы и наши партнеры, просто растаяла – в некоторых случаях без единого выстрела, – всех нас застал врасплох» [Garamone 2021]. Государственный секретарь Тони Блинкен в течение двух дней был вынужден выступать с оправданиями в Конгрессе. Как говорили в Вашингтоне, его «поджаривали» 13 сентября в Комитете по международным делам Палаты представителей и 14 сентября в сенатском Комитете по международным отношениям.

На Западе писали, что главным, почему не устояло правительство Гани и почему его армия не проявила способности или желания сопротивляться, – была коррупция. Талибы заранее спланировали своё наступление и, просчитав собственные возможности, договаривались с местными руководителями провинций страны, убеждая их в неизбежной перспективе прихода Талибана к власти. За короткое время Талибан начал переход от «горизонтальной

4. Декларация с одноименным названием «*Declaration on an Enduring Partnership*» была подписана на Саммите НАТО в Лиссабоне 20 ноября 2010 г. [Declaration 2010].

структуры» с организацией повстанческих атак к созданию регулярных войск, способных вести вполне масштабные наступательные операции.

Несмотря на то, что Байден неоднократно упоминал, что у афганского правительства было 300 тыс. вооруженных сил, однако в действительности, по данным выпуска за 2021 г. публикуемого Международным институтом стратегических исследований авторитетного ежегодника «Военный баланс», сухопутные силы Афганистана в 2020 г. насчитывали 178 800 человек, и еще 7300 служили в авиации [The Military Balance 2021]. При этом с середины 2019 г. наблюдалась нехватка личного состава и появились проблемы с удержанием на службе ключевых военных специалистов, включая пилотов и бойцов спецподразделений. Начавшееся с 2014 г. и продолжавшееся при Трампе⁵, а затем и уже при Байдене сокращение американских вооруженных сил в Афганистане, программ военного обучения афганцев и военной помощи этой стране ослабляло возможности афганских вооруженных сил и воспринималось афганскими властями как самоустранение США. По приведенным в ежегоднике данным отчетов, в 2020 г. еще более выросли потери личного состава в афганских войсках и увеличилось дезертирство. А афганские правоохранительные силы, составлявшие дополнительно 99 тыс., не отличались высоким качеством подготовки и не могли оказывать эффективную поддержку военным или удерживать под своим контролем даже хорошо защищенные районы. Кроме того, по сведениям, приведенным в докладе американского специального генерального инспектора по делам восстановления Афганистана Джона Ф. Сопко, сотрудники афганской полиции зачастую оказывались замешаны в злоупотреблениях и пытках, что «приводило к их отторжению местными афганцами и подрывало усилия американского правительства по обеспечению целей безопасности в стране» [What We Need To Learn 2021].

Сыграло свою роль и внезапное прекращение работы американской авиационной разведки в связи с уходом с базы ВВС в Баграме. Авиационная разведка вместе с авиационной поддержкой, по мнению большинства специалистов по Афганистану, являлись критическими факторами, обеспечивавшими возможность афганским вооруженным силам противостоять Талибану, и в их отсутствие им стало значительно сложнее действовать.

Характерным образом, Байден утверждал, что подчиненные ему военные не станут, как это было в конце Вьетнамской войны, эвакуировать людей с крыш домов вертолетом. Но именно это и произошло. А потом было и еще намного хуже. У аэропорта Кабула собирались толпы стремившихся покинуть страну. Весь мир наблюдал в прямом эфире, а потом раз за разом в записи, как желавшие уехать окружали самолет, забирались на его открытые

5. При администрации Трампа количество американских войск и военного персонала в Афганистане было сокращено сначала с 10 тыс. до 8,6 тыс., а потом до 2,5 тыс.

платформы и в отсеки для шасси, как самолет взлетал, ...а люди падали с него. Подобные кадры страшным образом напоминали отпечатавшиеся в памяти трагические сцены после атаки террористов на Башни-Близнецы в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г.

В Афганистан были срочно переброшены 2,5 тыс. американских военных, а потом ещё тысяча: как подчеркивалось, с «небоевой миссией», но «для обеспечения безопасного отбытия американских служащих» (объективности ради, стоит добавить, что и афганцев и граждан других стран тоже – но про них в первоначальном официальном сообщении тогда сказано не было). В последующие несколько дней, когда Талибан затруднил доступ к аэропорту (заявили, что туда будут пускать только иностранцев), а контроль за попадавшими на его территорию и на рейсы людьми усилился, эвакуационные самолеты, наоборот, стали вылетать полупустыми, хоть, случалось, и с многочасовыми задержками и перебоями – что тоже вызывало массу вопросов (о задержанных эвакуационных самолетах сообщали и из Кабула и из аэропорта центрального населенного пункта провинции Балх – города Мазари-Шариф).

А затем около Кабульского аэропорта, а также возле гостиницы в центре афганской столицы и в других городах страны прогремели взрывы, унесшие более сотни человеческих жизней. Ответственность за осуществленные теракты взяла на себя организация ИГ-Хорасан⁶. Ею же потом были совершены ракетные обстрелы аэропорта. А американские военные в те же дни нанесли удар беспилотником около Кабульского аэропорта: думали, что по машине террористов, готовившихся осуществить еще один взрыв, а оказалось – по автомобилю афганского сотрудника гуманитарной миссии, – в результате чего погибли десять гражданских лиц, из них семеро детей. В Пентагоне сначала утверждали, что удар был правомерным, но после журналистского расследования признали произошедшее трагической ошибкой. При этом Байден продолжал говорить, что «американское военное присутствие ничего не изменило бы» [Read the Full Transcript 2021], но данный тезис был более чем спорным и вызывал возражения даже среди представителей самой американской администрации.

6. «Исламское государство» – радикальное исламистское движение, признанное террористическим и запрещенное в России. В Афганистане в 2015 г. была основана местная организация ИГ, известная как ИГ-Хорасан или Вилаят-Хорасан (от названия провинции Хорасан и имеющего значение в мусульманской традиции исторического региона Большой Хорасан, в который когда-то входили части современных Ирана, Афганистана, Узбекистана и Таджикистана). Своими врагами данная организация провозгласила и американские войска, и Талибан.

**С кем еще не посоветовались
или «американские жизни» дороже?**

Военнослужащие стран – членов НАТО составляли примерно треть зарубежного воинского контингента в Афганистане, но при принятии решения о выводе американских войск с союзниками не посоветовались. В этой первой и единственной миссии НАТО, где изначально была задействована ст. 5 Североатлантического договора, гласящая, что нападение на одно из государств Альянса расценивается как агрессия против всех них, про солидарность как будто подзабыли: и когда принимали решение об уходе из страны, и потом, когда талибы неожиданно быстро продвинулись вперед и взяли под контроль Кабул [Бубнова 2021]. Премьер-министр Баварии Маркус Зёдер заявил тогда, что «результаты в Афганистане – горькое поражение Запада, ...самый большой удар со времен Вьетнама» [В Германии 2021]. А уже цитировавшийся выше Сэм Кайли сказал, что «союзники очень сердиты на США, и это никуда быстро не уйдет» [CNN 2021].

При этом вывод американских войск из Афганистана не был скоординирован и с правительством Гани. Из страны не только не были заблаговременно эвакуированы находившиеся там американцы, но в Афганистане продолжали оставаться десятки тысяч сотрудничавших с США афганских граждан и членов их семей.

По настоянию премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона, 24 августа 2021 г. был организован онлайн-саммит Большой семерки по Афганистану. В Соединенных Штатах к этой инициативе отнеслись без энтузиазма, но приняли участие в разговоре.

По предложению европейских партнеров США, был поставлен на обсуждение вопрос, не следует ли продлить эвакуацию на какой-то срок после 31 августа. На что с американской стороны ответили отказом (хотя сам президент Байден еще 19 августа в интервью говорил, что американские войска останутся в Афганистане до тех пор, пока все американские граждане не будут эвакуированы из этой страны). Полагали, что внезапно предпринятый в те дни секретный визит директора ЦРУ Уильяма Бёрнса в Кабул для встречи с руководителем политического крыла Талибана Абдулом Гани Барадаром имел целью согласовать возможность продления времени эвакуации, заручившись дополнительными гарантиями безопасности. Но договориться на сей счет, по-видимому, не удалось. Генерал Милли по этому поводу сказал, что, если бы США остались в Афганистане еще на сентябрь, чтобы попытаться эвакуировать больше людей, то Соединенные Штаты «снова оказались бы в состоянии войны с Талибаном», для чего понадобилось бы еще 20 тыс. человек, чтобы очистить Кабул от бойцов Талибана и снова взять под контроль воздушную базу в Баграме [Borger 2021].

Пока шла эвакуация, генерал Милли на пресс-конференции упоминал, что кого-то из «застрявших» в Афганистане американских граждан могут попробовать «вытащить» поодиночке из Кабула или с территории страны, но что на значительное количество подобных операций сил и возможностей у американских военных нет. Во время виртуального саммита Большой семерки со стороны Вашингтона, так же как и по пункту о продлении срока эвакуации, не высказали поддержки и сделанному другими странами Семерки предложению о создании коллективными усилиями группы военных для обеспечения безопасности в районе аэропорта в Кабуле, пока не закончится эвакуация.

Представители стран Большой семерки договорились только лишь по одному пункту: что надо добиваться от Талибана соблюдения прав человека и отказа от поддержки каких-либо террористических организаций из числа включенных в список ООН. Одновременно была отмечена необходимость требовать этого, привлекая к данному делу более широкий круг стран, включая Россию, Китай, Индию, Турцию. Премьер-министр Италии Марио Драги согласился взять на себя задачу организовать внеочередной саммит Большой двадцатки по Афганистану.

Таким образом, странам Коалиции приходилось заниматься эвакуацией своих сограждан, вписываясь в сроки, установленные Вашингтоном, хотя и рассчитывая в значительной мере, в том числе, и на американские авиарейсы. Кроме того, Еврокомиссия выделила 65 млн долл. на содействие эвакуации, а также на срочную помощь беженцам в самом Афганистане.

Последние из 6 тыс. американских военнослужащих покинули аэропорт Кабула за минуту до наступления полуночи на 31 августа по кабульскому времени. Всего во второй половине августа были эвакуированы 123 тыс. человек. В Афганистане, по различным подсчетам, на тот момент продолжали оставаться от 100 до 200 американцев, не сумевших выехать из страны. На вопрос, сколько афганцев с правом проживания в США не смогли улететь, государственный секретарь Блинкен сказал, что «точно не знает» [CNN 2021]. В середине октября со стороны американских властей было сделано заявление, что задействовать военные рейсы для вывоза из Афганистана американских граждан и сотрудничавших с американской миссией афганцев больше не будут.

Афганистан во мгле

Что будет с Афганистаном и в Афганистане дальше, остается большим вопросом, ответ на который пока не знают даже специалисты. Будут ли согласны жить по правилам Талибана граждане страны, многие из которых за 20 лет привыкли к совсем иному порядку вещей? На протяжении 20 лет аме-

риканцы активно и по различным направлениям пытались создать государственные структуры в этом государстве: органы управления, избирательную систему, а также судебную власть, систему образования, вооруженные силы, – и страна действительно менялась. Но специалисты считали, что, как и во многих других конфликтах в мире, в Вашингтоне не уделяли достаточного внимания местной специфике. Помимо этого, с 2013–2014 гг. в Афганистане резко сократилась работа гражданских и военных исследовательских групп, занимавшихся сбором информации с целью отслеживания ситуации на местах, а некоторые районы стали вовсе недоступными для зарубежных аналитиков, поскольку начали рассматриваться как небезопасные для посещения.

Кроме того, за океаном, по-видимому, не понимали, что американское военное присутствие, кроме тех случаев, когда страну освобождают от зарубежных захватчиков, очевидным образом воспринимается как оккупационное – и вызывает неизбежное отторжение населения.

А на что еще в Вашингтоне, как принято говорить на английском языке, «поворачивали слепой глаз», так это на этнический фактор. Писали о том, что США на протяжении десятилетий не уделяли должного внимания многонациональному и многоплеменному составу Афганистана, фактически игнорируя специфические черты различных населяющих его этносов, историю их взаимоотношений и роль межэтнической вражды, значительно обострившейся в прошедшем десятилетии: между пуштунами, с одной стороны, и таджиками, узбеками, хазарейцами – с другой (параллельно наблюдалось возрастание роли в политической жизни страны и других проживающих здесь народностей).

Но теперь, после прихода к власти Талибана, представители других этнических групп Афганистана могли испытывать недовольство, оказавшись под управлением пуштунов. Что могло стать дополнительным поводом для возобновления гражданского конфликта. О чём свидетельствовало, в частности, сопротивление, оказанное талибам в Панджере, населенном в основном афганскими таджиками, и в других северных провинциях.

Со стороны российских политиков прозвучали утверждения, что Талибан уже не тот, что прежде, когда его за 20 лет до того признали в России террористической организацией. По условиям соглашения, заключенного Трампом с Талибаном в Дохе в 2020 г., Талибан вынужден был позиционировать себя как более цивилизованный, чем это было во времена его правления в Афганистане в 1996–2001 гг. По соглашению с Трампом, там взяли на себя значительные обязательства, пообещав не только отказаться от поддержки Аль-Каиды и воздерживаться от применения силы против уходивших американских войск, но и осуществить общенациональный политический и социально-экономический проект:

– сформировать правительство национального примирения – с участием представителей прежнего правительства;

- обеспечить амнистию для сотрудничавших с правительством граждан;
- гарантировать полные права женщин в рамках дозволенного Шариатом;
- создать условия для экономического восстановления страны.

Однако никакого проработанного плана так и не было согласовано, а дальнейшие события в значительной степени расходились с данными обещаниями. Хотя со стороны Талибана после взятия им Кабула и были сделаны заявления, что девочкам позволят учиться, женщинам разрешат выходить на улицу без сопровождения, а побивать камнями будут только по решению суда, однако в действительности права женщин были резко ограничены, а во вновь созданное правительство попали исключительно сторонники талибов.

Представитель РФ при ООН Василий Небензя – ставший, пожалуй, первым со стороны российских властей, кто позволил себе делать комментарии на тему взятия Кабула, – заявил, что в России будут исходить в своей политике по Афганистану из конкретных действий талибов. Между тем Талибан обратился к Китаю и России с просьбой посодействовать в Совете Безопасности ООН, чтобы его перестали считать террористической организацией. А еще через месяц Талибан попросил Россию выступить посредником во взаимоотношениях с ООН, причем теперь речь шла уже не только о вопросе снятия санкций, но и в целом об урегулировании в регионе и, что следует особо отметить, в самом Афганистане. Но и американская сторона – даже при всей поспешной и хаотичной эвакуации из аэропорта Кабула, – тем не менее, как сообщали представители Пентагона, поддерживала постоянную связь с руководством Талибана, координируя с ним проблемы, связанные с вывозом людей из страны.

Так же, как и российские политики, представители США тоже говорили, что будущие отношения с Талибаном будут полностью зависеть от поведения и действий талибов. В Вашингтоне раз за разом повторяли, что у них есть большие средства воздействия (*leverage*) на Кабул. При этом, очевидно, имелись в виду в первую очередь замороженные афганские средства в банках общей суммой в 9,5 млрд долл., а также международное признание или же непризнание правительства талибов, получение или неполучение ими доступа к технологиям и пр. Но для последних финансовый фактор мог оказаться и не столь критичным, как это представлялось на Западе. Кроме того, у талибов, по их религиозным правилам, не положено брать займы. Как новые правители Афганистана будут с этим разбираться, как будут строить экономику (без займов и кредитов?!), покажет время.

Что с оружием, Карл?

Обозреватель «Bloomberg» Леонид Бершидский (бывший главный редактор газеты «Ведомости», журнала «Капитал», делового еженедельника «Smart Money» и электронного издания Slon.ru) отмечал, что Соединенные Штаты,

«кажется, больше, нежели советские деятели, обеспокоены тем, чтобы их вооружения не попали в руки возможных новых правителей Афганистана. Поэтому они уничтожают часть технических средств. А часть того, что американские войска оставляют, находится, намеренно или нет, в непригодном состоянии: например, оставленные без ключей машины и грузовики» [Bershidsky 2021]. Этот последний аргумент Бершидского, что якобы американцы, чтобы военная техника не досталась Талибану, в отличие от уходивших из Афганистана советских военных оставляли боевые машины без ключей, трудно было воспринимать как действительно серьезный. Показательно в этом плане, что многие на пресс-конференциях в Пентагоне и Белом доме настойчиво задавали вопрос – что с оружием? Но представители американского руководства: как военные, так и гражданские, снова и снова отказывались отвечать на него. В частности, в Пентагоне на брифинге 16 августа занимавший в ОКНШ должность заместителя директора по региональным операциям и управлению силами генерал-майор Уильям Д. («Хэнк») Тэйлор (ранее служивший старшим советником при Министерстве обороны Афганистана) не ответил на прямой вопрос журналиста, делается ли что-либо, чтобы оружие не попало к Талибану. А 18 августа уже его начальник Марк Милли на пресс-конференции, которую он проводил совместно с министром обороны Ллойдом Остином, также не стал давать комментариев на этот счет. После того, как улетел последний американский эвакуационный самолет, показывали кадры из перешедшего под контроль талибов аэропорта Кабула – где рядами стояли американские боевые самолеты. Командующий американского Центрального командования генерал Кеннет Маккензи в своем «последнем слове» по поводу вывода американских войск сказал, что «они уже не взлетят» [Pickrell 2021]: мол, с ними что-то сделали, чтобы вывести их навсегда из строя. А в «Wall Street Journal» писали, что перед тем, как покинуть Кабул, американские войска уничтожили или вывели из строя почти 100 боевых машин и десятки самолетов. Однако в СМИ прошла информация, что в Афганистане осталось военного оборудования на 90 млрд долл. [США оставили 2021] (другие источники называли суммы в 83 или 85 млрд). Это комментировали таким образом, что больше военный бюджет только у США и Китая. Что превращало армию Талибана в одну из самых технически высокооснащенных в мире.

Надо не забывать и то, что значительную часть сил талибов составляют обученные военными США и стран НАТО перебежчики из бывшей правительственной армии Афганистана. А внутри движения имеются радикально настроенные ячейки, исповедующие экстремистские методы борьбы и искоренение неверных и необязательно контролируемые верховным руководством талибов. Какое-то количество оружия несомненно могло попасть и в руки представителей других фундаменталистских исламистских группировок или поступило на черный рынок.

Американские войска ушли, опасности остались

Даже если допустить, что Талибан будет соблюдать данные в Дохе обещания, реальную опасность может представлять дальнейшее распространение влияния исламистского фундаментализма и связанная с этим возможная дестабилизация в регионе. Как указывали американские аналитики, «одно из условий соглашения с Трампом, которое Талибан так и не выполнил, касалось отказа от поддержки Аль-Каиды» [Wright 2021]. Об этом написала, в частности, почетный научный сотрудник Международного центра исследователей Вудро Вильсона Робин Райт, ранее также работавшая в Брукингском институте и в Фонде Карнеги. Она обращала внимание на высказываемые со стороны сотрудников Пентагона предупреждения, что при правлении Талибана Аль-Каида может восстановиться всего за полгода-год и затем снова угрожать безопасности самих США.

О сохраняющейся террористической опасности свидетельствовал масштабный теракт, совершенный боевиками Аль-Каиды в принадлежащей шиитской общине мечети в Кундузе 8 октября 2021 г., в результате которого погибли 20 человек. Предполагали, что он мог стать ответом на серию операций, предпринятых Талибаном против ее ячеек. При этом целостного плана по предотвращению подобных терактов и противодействию Аль-Каиде у талибов сформировано не было.

Дэвид Петреус, который в 2010–2011 гг. командовал силами США и НАТО в Афганистане, а затем возглавлял ЦРУ, утверждал, что уход из Афганистана не увеличит опасность повторения террористического акта против самих США, каким явилась атака на Башни-Близнецы, поскольку с тех пор удалось выстроить надежную систему защиты от подобных нападений. Однако старший научный сотрудник Брукингского института и директор его Проекта по разведке Брюс Ридел, 30 лет проработавший в ЦРУ и служивший старшим советником по Южной Азии и Ближнему Востоку в аппарате Совета национальной безопасности при четырех американских президентах, напротив, отмечал, что «потенциал американской разведки пострадает без военного присутствия в стране; это риск, на который решился пойти Байден. Если Аль-Каида возродится и начнет замышлять нападение на США, разведывательное сообщество будет иметь меньше возможности раскрыть заговор и не допустить его. Это высокий риск» [Riedel 2021].

Помимо Аль-Каиды, в Афганистане с приходом к власти Талибана активизировались и другие радикальные исламистские группировки. Выше уже упоминалась афганская группировка ИГ-Хорасан. Сообщалось, что в период наступления, незадолго до взятия ими Кабула, талибами были выпущены из тюрьмы 5 тыс. содержащихся там боевиков ИГ-Хорасан. А ранее джихадистов выпускали и по соглашению, заключенному США с талибами в Дохе.

Писали также о целенаправленной инфильтрации Талибана боевиками ИГ-Хорасан, якобы происходящей как с целью совершения актов насилия, так и в стремлении добиться дискредитации Талибана.

О неизбежности продолжения войны с терроризмом говорили многие представители западного истеблишмента. Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что страны Альянса обязаны гарантировать, чтобы террористические группировки не получили вновь возможность свободно действовать с территории Афганистана. А бывший директор ЦРУ, а затем министр обороны в администрации Обамы, Леон Панетта сказал: «Наша работа в Афганистане не завершена. Мы будем вынуждены вернуться и уничтожить Исламское государство» [Panetta 2021]. Переброску американских сил из Афганистана в соседние страны потом критиковал министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, подчеркивая, что это подогревает ситуацию в регионе. Некоторые эксперты опасаются, что определенные угрозы возникают и в связи с несомненной близостью Талибана с Пакистаном, учитывая, что последний обладает ядерным оружием и очевидно выиграл от прихода талибов к власти. С предупреждением о такого рода опасности выступил, в частности, бывший советник по национальной безопасности в администрации Трампа Джон Болтон.

В прессе также много пишут и о возможности возрастания потока наркотиков с афганского направления. Один из маршрутов наркотрафика из Афганистана ориентирован на север в направлении России и среднеазиатских стран. Официально Талибаном наркотики признаются недопустимым злом и при предыдущем его правлении в Афганистане были объявлены вне закона. Однако одновременно джихадисты были склонны оправдывать производство опия как форму «борьбы с неверными», своего рода «героиновый джихад» (что не мешало распространению наркотиков среди самого афганского населения и возникновению сопутствующих проблем). Снова придя к власти, Талибан объявил, что не позволит производить наркотики. Но производство опия составляет половину ВВП страны и в условиях экономических трудностей, вызванных в том числе и международными санкциями, может стать еще более весомым экономическим и даже политическим инструментом.

На Женевской встрече между Путиным и Байденом 16 июня обсуждалась в том числе и проблема Афганистана [Бубнова 2021a]. Именно в ходе того саммита, по сведениям СМИ, российская сторона предложила помощь в осуществлении авиационной разведки на территории Афганистана. Данное предложение могло оказаться как нельзя кстати, но в Вашингтоне его, похоже, не восприняли всерьез. Напротив, в американской прессе в недели, когда осуществлялся вывод войск, появлялись обвинения в адрес России, что якобы с ее стороны не было дано согласия на использование баз в среднеазиатских странах для эвакуации беженцев из Афганистана, что якобы затруднило ее реализацию.

По появлявшейся в СМИ информации, с российской стороны были против американского военного присутствия в Средней Азии (что потом подтвердил заместитель российского министра иностранных дел Сергей Рябков после встречи с заместителем государственного секретаря Викторией Нуланд), но готовы были предоставить собственные базы в этих странах. Писали, что председатель ОКНШ Марк Милли по поручению аппарата американского Совета национальной безопасности обсуждал данный вопрос 22 сентября 2021 г. на встрече в Хельсинки с начальником российского Генерального штаба генералом Валерием Герасимовым [Gordon 2021]. Американским оборонным бюджетом на 2017 г. был в свое время введен, а затем неоднократно подтверждался другими законодательными актами, запрет на такого рода сотрудничество между вооруженными силами США и России, как было сказано в тексте документа, до тех пор, пока российские войска не будут выведены с территории Украины. Но данный запрет может быть приостановлен решением американского министра обороны. Однако несколько видных членов Конгресса направили Байдену письмо с предостережением, что Россия может быть больше заинтересована в получении разведывательной информации относительно Соединенных Штатов и их союзников, чем в обмене информацией о террористических угрозах. В этом письме президента просили провести брифинг, чтобы изложить его план действий по борьбе с терроризмом, «включая попытки получить согласие третьих стран относительно соглашений с соседями Афганистана по поводу базирования, разведки, наблюдения и изучения ситуации и возможностей для нанесения ударов» [Gordon 2021]. Но совершенно очевидно, что вопрос о возможности приостановления запрета на такого рода сотрудничества потерял актуальность после начала российской специальной военной операции на Украине.

Вместе с тем для России, в связи с выводом американских войск из Афганистана и приходом к власти Талибана, возникают новые опасности, в том числе, и потому, что обострение ситуации в той стране и распространение там влияния исламистского фундаментализма создают риски для среднеазиатских государств. Со стороны Москвы была активизирована помощь в обеспечении безопасности соседних с Россией среднеазиатских стран. Были направлены подкрепление и новые вооружения на российскую военную базу в Таджикистане, включая 100 единиц бронетанкового вооружения, в том числе 30 новейших танков Т-72 БЗ. В связи с развитием ситуации в Афганистане, в Душанбе 16 сентября 2021 г. состоялось заседание Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а 17 сентября – совещание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а затем в тот же день совместная встреча лидеров ШОС и ОДКБ.

Проблема беженцев

В связи с выводом американских войск из Афганистана, в Европе опасались повторения проблемы середины прошлого десятилетия, когда на континент из объятых конфликтами зоны Ближнего Востока и Северной Африки хлынули захлестнувшие его потоки беженцев. Их прибытие в Европу общим числом до 1,5 млн человек вызвало тогда масштабный гуманитарно-социальный и политический кризис, последствия которого стоили будущего многим политическим партиям и политикам Старого Света и не изжиты до настоящего времени. После начала российской военной операции на Украине снова произошел наплыв беженцев в Европу. Но тогда, в августе 2021 г. при выводе американских войск из Афганистана, руководители европейских стран пытались предотвратить массовую иммиграцию в Европу, добиваясь от американской стороны гарантированных обязательств по принятию беженцев. Это собственно было одной из целей уже упоминавшегося выше августовского онлайн-саммита Большой семерки. Но в Вашингтоне и по данному вопросу тоже не захотели пойти навстречу европейским коллегам, ограничившись констатацией, что примут столько беженцев, сколько сочтут необходимым и возможным для себя, по собственному усмотрению, и не предоставляя никаких гарантий на сей счет.

Три четверти американцев выступали за то, чтобы принимать беженцев из Афганистана. Следует учитывать, однако, что общее количество мигрантов, которых страна могла впустить в 2022 финансовом году, было законодательно ограничено лимитом в 125 тыс. Это вдвое больше чем в предыдущем финансовом году, когда Байден, придя к власти, увеличил разрешенное число до 62 500 – подняв его по сравнению с установленным предыдущей администрацией потолком в 15 тыс. [Statement by President 2021] (реально в последний год правления республиканской администрации было принято 11 с небольшим тыс. беженцев). При этом на Байдена продолжали оказывать давление со стороны леволиберальных сил, чтобы еще увеличить этот потолок до 250 тыс.).

В США писали о 18 тыс. афганцев (вместе с членами семей их было всего 53 тыс. человек), которые сотрудничали с американцами: переводчиков, подрядчиков, технических специалистов, работников, финансируемых США гуманитарных и экономических программ, сотрудников имевших местный штат американских периодических изданий. Однако, по данным авторитетной неправительственной организации Международного комитета спасения, за четыре десятилетия гражданского конфликта не менее 4 млн афганцев лишились жилищ или оказались в статусе перемещенных лиц, из них за один только предыдущий год 550 тыс. [Help Afghanistan 2021]. В СМИ сообщали, что из афганцев, сотрудничавших с американцами, только половина сумели

вовремя получить иммиграционные американские визы. (В начале августа администрация Байдена облегчила для них и их ближайших родственников условия получения виз, отменив требования, касающиеся стажа и квалификации. Но это не было сделано заблаговременно и произошло слишком поздно, а наступление Талибана оказалось быстрее.)

Помимо потоков людей, хлынувших в Кабульский аэропорт, у афганских границ также начиная с августа собирались тысячи людей, которых новые власти не хотели выпускать из страны. При этом Иран закрыл свою границу с Афганистаном, а Турция незадолго до того завершила заблаговременно предпринятое ею строительство укрепленной стены на границе с Ираном. Проблема иммиграции из Афганистана коснулась также и России, поскольку со среднеазиатскими странами, непосредственно соседствующими с Афганистаном, у нее полупрозрачные границы. Как писал ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Станислав Иванов, «может стать на повестке дня и вопрос о воссоединении разобщенных границами государств народов; тысячи беженцев-таджиков и узбеков из Афганистана уже нашли себе временное пристанище в Таджикистане и Узбекистане» [Иванов 2021].

В результате проведенной эвакуации в Соединенные Штаты прибыли несколько десятков тысяч афганских беженцев, тогда как большинство из остальных 123 тыс. эвакуированных потом месяцами ждали решения своей дальнейшей участи, проживая в плохо приспособленных помещениях в аэропортах чужих стран и пересыльных лагерях в Европе и на Ближнем Востоке. Часть афганских беженцев, ожидавших переправки в США, продолжали оставаться в Европе из-за начавшейся среди них эпидемии кори. Сообщали также и о вспышках других болезней.

Попутно выяснилось, что некоторые из эвакуированных в США афганцев ранее были выдворены из этой страны за различного рода правонарушения. Одновременно в прессе появились сообщения, что прибывшие в Америку афганцы начали в массовом порядке уходить из лагерей своего временного содержания. Также упоминалось о росте преступности с участием афганских беженцев на территории военных городков в США, таких как Форт-Блисс в Техасе и Форт-Маккой в Висконсине, где они содержались. А американский телеканал NBC сообщал, что в отношении около ста беженцев имелись сведения об их возможной связи с Талибаном. Подозрения в причастности к террористической деятельности некоторых из них были настолько весомыми, что их было решено сразу же переправить из США в Косово для дальнейшего расследования. А гораздо большему числу, до десяти тысяч, предстояло пройти дополнительную проверку (в некоторых случаях не связанную с подозрениями в причастности к террористическим организациям, а просто для уточнения неправильно заполненных сведений и биографической информации).

* * *

Лидер демократов в Конгрессе Нэнси Пелоси [Ferretchio 2021] и государственный секретарь Тони Блинкен говорили о «правильном решении» президента и «достигнутых целях» – последний даже назвал эвакуацию из Афганистана логистическим подвигом [Secretary of State 2021], но налицо было фактическое бегство, с шокирующими образами и сценами, служившими графической иллюстрацией понятия «поражение». Ранее на протяжении двух десятилетий в Вашингтоне исходили из того, что в Афганистане был достигнут прогресс – так докладывали представители высшего американского военного командования, однако они оказались неправы. Вопреки тому, что было записано в Декларации Лиссабонского саммита НАТО 2010 г., провозгласившей, что «Афганистан больше никогда не будет надежным убежищем для террористов и терроризма» [Lisbon 2010], к власти там пришла организация, признаваемая во многих государствах террористической, а ситуация внутри самой страны остается нестабильной и чреватой многими рисками. Первая миссия НАТО за пределами изначально обозначенной сферы его операций (но и санкционированная при этом резолюцией ООН) закончилась фактически неудачей. За это время погибли 7 тыс. американских военных, от 60 до 70 тыс. афганских солдат и, по утверждению представителей Афганистана, – более 200 тыс. гражданского населения.

Но помимо самого факта, связанного с этими трагическими жертвами, было совершенно непонятно, каким образом в Соединенных Штатах, являющихся фактически мировым лидером по подаче информации, продвижению своего имиджа, наконец родиной Голливуда, Мекки создателей кинематографических образов, могли таким образом провалить важнейшую внешнеполитическую задачу, связанную с поддержанием собственной репутации. То, что в Соединенных Штатах намеревались представить знаковым завершением самой долгой в своей истории войны, приурочив его к годовщине событий 11 сентября, обернулось обратным символизмом, направленным против них.

В своем первом выступлении по поводу вывода американских войск из Афганистана Байден – совсем вне связи и вне контекста, – говорил, что в центре американской политики – защита прав человека. Однако, что касается позиции Соединенных Штатов в защиту прав человека, то свое лидерство на этом направлении они в значительной мере – и можно сказать, что снова, – растеряли после того, каким образом развивались события в Кабуле после взятия его талибами. Более того, известный американский писатель и сценарист Джон Коэн, например, сказал, что американские расистские группы теперь могут решить, что надо взять Талибан себе в пример и призвать своих сограждан именно так расправляться с собственным правительством.

Дезорганизованный вывод войск из Афганистана, как ничто другое, подорвал перспективы Демократической партии на предстоявших в ноябре 2022 г. промежуточных выборах в Конгресс, но также и позиции самого президента. Поддержка Байдена сократилась на десять (а по другим данным на 20) пунктов и продолжала падать. А что касается следующих президентских выборов, то даже если у Байдена и имелся шанс на второй президентский срок, после операции по выводу войск из Афганистана он его фактически утратил.

Байден в своем выступлении после вывода американских войск из Афганистана сказал, что эпоха, когда США вторгались в другие страны, чтобы изменить их, закончилась. Он также говорил, что в будущем США, осуществляя политику в отношении других стран, должны ставить конкретные, четкие цели. И в случае военных операций за рубежом руководствоваться только задачами обеспечения американской безопасности. А на пресс-конференции после Женевской встречи с Путиным летом 2021 г. критиковал практику насилия и убийств за рубежом. Может ли теперь так оказаться, что неудача в Афганистане побудит американское руководство к большей рефлексии, как это произошло в своё время после поражения США во Вьетнамской войне, которое на какое-то время сделало их более способными признавать свои ошибки и учитывать интересы прочих участников международного процесса? Но сразу после терактов в Кабуле, произошедших в дни эвакуации, Байден отдал приказ американским военным выследить и уничтожить виновных «любыми средствами», «чего бы это ни стоило» [Biden 2021], что вполне соответствует американским практикам, но не международному праву. На противоречие между установкой Байдена на борьбу с террором и его же приоритизацией прав человека указывал президент Брукингского института Джон Р. Аллан, вследствие этого ставивший под сомнение, что последнее окажется эффективным.

Тем не менее стабилизация ситуации в Афганистане – в интересах как США, так и России. И взаимодействие на данном направлении возможно и необходимо. Однако в связи с выводом американских войск из Афганистана и в свете российской специальной военной операции на Украине, предстоит реструктуризация этого сотрудничества.

Библиография

Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века. М.: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2021. 647 с.

Бубнова Н.И. Российско-американский саммит в июне 2021 г.: структурирование конфронтации или задел на будущее? // Россия и современный мир. 2021а. № 4. С. 58–84.

В Германии назвали итоги операции в Афганистане «горьким поражением Запада» // ТАСС. 2021. 19 авг. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12169735> (дата обращения: 20.09.2021).

Иванов С. Кабульский ветер перемен // Военно-промышленный курьер. 2021. 13 сент. URL: <https://vpk-news.ru/articles/63830> (дата обращения: 13.09.2021).

США оставили талибам военную технику на 90\$ млрд // The Epoch Times. 2021. 5 сент. URL: <https://www.epochtimes.ru/mir/blizniy-vostok/ssha-ostavili-talibam-voennuyu-tehniku-na-90-mlrd-dollarov-119908/> (дата обращения: 20.01.2022).

Bershidsky L. Why Both Russians and Americans Got Nowhere in Afghanistan // Bloomberg. 2021. 8 Jul. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-07-08/why-both-russians-and-americans-got-nowhere-in-afghanistan> (дата обращения: 01.09.2021).

Biden: «We Will Hunt You Down And Make You Pay» // NBC News, YouTube. 2021. 27 Aug. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2pwt_DdPnFM (дата обращения: 05.09.2021).

Chalian: Biden doesn't often miss moments to express empathy // CNN. 2021. 19 Aug. CNN. 2021. 19 Aug. URL: <https://edition.cnn.com/world/live-news/afghanistan-taliban-us-news-08-19-21/index.html> (дата обращения: 21.08.2021).

Declaration on an Enduring Partnership // Media Backgrounder. North Atlantic Treaty Organization official website. 2010. 20 Nov. URL: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_04/20110414_110414-AfghanPartnership.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

Garamone J. Austin Gives Senate Hard Truths of Lessons From Afghanistan // DOD News. U.S. Department of Defense. 2021. 28 Sept. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2791808/austin-gives-senate-hard-truths-of-lessons-from-afghanistan/> (дата обращения: 20.10.2021).

Gordon M.R., Lubold G. U.S. Asked Russia About Offer of Bases to Monitor Afghan Threats // Wall Street Journal. 2011. 27 Sept. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-asked-russia-about-offer-of-bases-to-monitor-afghan-terror-threat-11632767164> (дата обращения: 17.10.2021).

House grills Blinken on chaotic Afghanistan withdrawal // CNN. 2021. 14 Sept. URL: <https://edition.cnn.com/videos/politics/2021/09/13/antony-blinken-house-testimony-afghanistan-withdrawal-atwood-dnt-tsr-vpx.cnn> (дата обращения: 15.09.2021).

Help Afghanistan: What do Afghans need now? // Rescue.org. 2021. 17 Aug. URL: <https://www.rescue.org/article/help-afghanistan-what-do-afghans-need-now> (дата обращения: 18.08.2021).

Hadid D. U.S. Unconditional Withdrawal Rattles Afghanistan's Shaky Peace Talks // NPR. 2021. 28 Apr. URL: <https://www.npr.org/2021/04/28/990160846/u-s-unconditional-withdrawal-rattles-afghanistans-shaky-peace-talks> (дата обращения: 11.10.2021).

Lisbon Summit Declaration. North Atlantic Treaty Organization. 20 Nov. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm (дата обращения: 23.01.2022).

Panetta: «Work In Afghanistan Is Not Finished» // MSNBC. 2021. 27 Aug. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rVZHDzc86uk> (дата обращения: 13.10.2021).

Pickrell R. The US military says it permanently disabled over 150 vehicles and aircraft before leaving Kabul so they could «never be used again» // Yahoo!News. 2021. 31 Aug. URL: <https://news.yahoo.com/us-permanently-disabled-more-150-222334223.html> (дата обращения: 01.09.2021).

Read the Full Transcript of President Biden's Remarks on Afghanistan // New York Times. 2021. 16 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/16/us/politics/biden-taliban-afghanistan-speech.html> (дата обращения: 17.08.2021).

Riedel B. Biden's Afghan gamble // Brookings Institution. 2021. 27 Apr. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/04/27/bidens-afghan-gamble/> (дата обращения: 01.05.2021).

Rizzo S. Four dubious claims from Biden's ABC interview on Afghanistan // Washington Post. 2021. 19 Aug. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/08/19/four-dubious-claims-bidens-abc-interview-afghanistan/> (дата обращения: 01.09.2021).

Secretary of State Tony Blinken on U.S. withdrawal from Afghanistan // 2021. 31 Aug. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8xfQv8Sp1uw> (дата обращения: 01.09.2021).

Statement by President Joe Biden on Refugee Admissions // The White House, official website. 2021. 3 May. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/03/statement-by-president-joe-biden-on-refugee-admissions/> (дата обращения: 04.05.2021).

The Military Balance 2021. IISS. Routledge. Taylor & Francis Group. London. 2021. 524 p.

Transcript of Biden's Speech on the U.S. Withdrawal From Afghanistan // New York Times. 2021. 31 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/31/us/politics/transcript-biden-speech-afghanistan.html> (дата обращения: 01.09.2021).

What We Need To Learn: Lessons From Twenty Years Of Afghanistan Reconstruction / Special Inspector General For Afghanistan Reconstruction. Arlington, VA. 2021. Aug. 122 p. URL: <https://www.sigar.mil/interactive-reports/what-we-need-to-learn/index.html> (дата обращения: 10.11.2021).

Wright R. Afghanistan and the Haunting Questions of Blame // The New Yorker. 2021. 30 Sept. URL: <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/afghanistan-and-the-haunting-questions-of-blame> (дата обращения: 18.10.2021).

References

Bershidsky L. Why Both Russians and Americans Got Nowhere in Afghanistan. Bloomberg. 2021. 8 Jul. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-07-08/why-both-russians-and-americans-got-nowhere-in-afghanistan> (date of access: 01.09.2021).

Biden: «We Will Hunt You Down And Make You Pay» NBC News, YouTube. 2021. 27 Aug. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2pwt_DdPnFM (date of access: 05.09.2021).

Bubnova N.I. Rossijsko-amerikanskij sammit v ijune 2021 g.: strukturirovaniye konfrontatsii ili zadel na budushcheye? [The June 2021 Russia-U.S. summit: structuring of confrontation or setting groundwork for the future?]. Rossiya i Sovremennyyi Mir. 2021. N 4. P. 58–84. (In Russ.)

Bubnova N.I. Voenno-politicheskiy kurs SeSheA vo vtorom deziatiletii XXI veka [U.S. Military and Political Course in the Second Decade of the XXI Century. Moscow]. IMEMO RAN, Politicheskaya Entsiklopediya. 2021. 647 p. (In Russ.)

CNN. 2021. 14 Sept. URL: <https://edition.cnn.com/videos/politics/2021/09/13/antony-blinken-house-testimony-afghanistan-withdrawal-atwood-dnt-tsr-vpx.cnn> (date of access: 15.09.2021).

CNN. 2021. 19 Aug. URL: <https://edition.cnn.com/world/live-news/afghanistan-taliban-us-news-08-19-21/index.html> (date of access: 21.08.2021).

Declaration on an Enduring Partnership. Media Backgrounder. North Atlantic Treaty Organization official website. 2010. 20 Nov. URL: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_04/20110414_110414-AfghanPartnership.pdf (date of access: 01.10.2021).

Garamone J. Austin Gives Senate Hard Truths of Lessons From Afghanistan. DOD News. U.S. Department of Defense. 2021. 28 Sept. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2791808/austin-gives-senate-hard-truths-of-lessons-from-afghanistan/> (date of access: 20.10.2021).

Gordon M.R., Lubold G. U.S. Asked Russia About Offer of Bases to Monitor Afghan Threats. Wall Street Journal. 2021. 27 Sept. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-asked-russia-about-offer-of-bases-to-monitor-afghan-terror-threat-11632767164> (date of access: 17.10.2021).

Hadid D. U.S. Unconditional Withdrawal Rattles Afghanistan's Shaky Peace Talks. NPR. 2021. 28 Apr. URL: <https://www.npr.org/2021/04/28/990160846/u-s-unconditional-withdrawal-rattles-afghanistans-shaky-peace-talks> (date of access: 11.10.2021).

Help Afghanistan: What do Afghans need now? Rescue.org. 2021. 17 Aug. URL: <https://www.rescue.org/article/help-afghanistan-what-do-afghans-need-now> (date of access: 18.08.2021).

Ivanov S. Kabulskiy veter peremen [The Kabul wind of changes]. Military-Industrial Courier. 2021. 13 Sept. URL: <https://vpk-news.ru/articles/63830> (date of access: 13.09.2021). (In Russ.)

Lisbon Summit Declaration. North Atlantic Treaty Organization. 20 Nov. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm (date of access: 23.01.2022).

Panetta: «Work In Afghanistan Is Not Finished» MSNBC. 2021. 27 Aug. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rVZHDzc86uk> (date of access: 13.10.2021).

Pickrell R. The US military says it permanently disabled over 150 vehicles and aircraft before leaving Kabul so they could «never be used again» // Yahoo!News. 2021. 31 Aug. URL: <https://news.yahoo.com/us-permanently-disabled-more-150-222334223.html> (date of access: 01.09.2021).

Read the Full Transcript of President Biden's Remarks on Afghanistan. New York Times. 2021. 16 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/16/us/politics/biden-taliban-afghanistan-speech.html> (date of access: 17.08.2021).

Riedel B. Biden's Afghan gamble. Brookings Institution. 2021. 27 Apr. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/04/27/bidens-afghan-gamble/> (date of access: 01.05.2021).

Rizzo S. Four dubious claims from Biden's ABC interview on Afghanistan. Washington Post. 2021. 19 Aug. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/08/19/four-dubious-claims-bidens-abc-interview-afghanistan/> (date of access: 01.09.2021).

Secretary of State Tony Blinken on U.S. withdrawal from Afghanistan. 2021. 31 Aug. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8xfQv8Spluw> (date of access: 01.09.2021).

SSheA ostavili talibam voyennuyu tekhniku na \$90 mlrd [The U.S. has left military equipment to talibs worth 90 bln] // The Epoch Times. 2021. 5 Sept. URL: <https://www.epochtimes.ru/mir/blizniy-vostok/ssha-ostavili-talibam-voennuyu-tehniku-na-90-mlrd-dollarov-119908/> (date of access: 20.01.2022).

Statement by President Joe Biden on Refugee Admissions. The White House: official website. 2021. 3 May. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/03/statement-by-president-joe-biden-on-refugee-admissions/> (date of access: 04.05.2021).

The Military Balance 2021. IISS. Routledge. Taylor & Francis Group. London. 2021. 524 p.

Transcript of Biden's Speech on the U.S. Withdrawal From Afghanistan. New York Times. 2021. 31 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/31/us/politics/transcript-biden-speech-afghanistan.html> (date of access: 01.09.2021).

Tucker Carlson, Fox News. 2021. 5 Sept. URL: <https://www.epochtimes.ru/mir/blizniy-vostok/ssha-ostavili-talibam-voennuyu-tehniku-na-90-mlrd-dollarov-119908/> (date of access: 20.01.2022).

V Germanii nazvali itogi operatsii v Afganistane «gorkim porazheniyem Zapada» [In Germany they have called the results of the operation in Afghanistan «bitter defeat of the West.»] TASS. 2021. 19 Aug. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12169735> (date of access: 20.09.2021). (In Russ.)

What We Need To Learn: Lessons From Twenty Years Of Afghanistan Reconstruction / Special Inspector General For Afghanistan Reconstruction, Arlington, VA. 2021. Aug. 122 p. URL: <https://www.sigar.mil/interactive-reports/what-we-need-to-learn/index.html> (date of access: 10.11.2021).

Wright R. Afghanistan and the Haunting Questions of Blame. The New Yorker. 2021. 30 Sept. URL: <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/afghanistan-and-the-haunting-questions-of-blame> (date of access: 18.10.2021).

Н.С. Степанов

**ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

***Аннотация.** Актуальность темы настоящего исследования обусловлена повышением значимости транспортной инфраструктуры в условиях глобализации сложных промышленных производственных процессов и важностью морских маршрутов в глобальной цепочке поставок. В статье анализируется изменение траектории развития Северного морского пути в истории освоения Арктики. На основе изучения этапов эволюции институционального статуса управления деятельностью Северного морского пути в XX–XXI вв. выявляются возможности использования исследуемого маршрута не только как канала перевозки внутренних ресурсов, но и как транзитной артерии, наращивающей объем грузопотоков. Определены положения и функции администрирующих органов. Анализ статистических данных о транзитных перевозках по Северному морскому пути показывает наличие спадов и периодов активности грузоперевозок, связанных как с макроэкономическими тенденциями, так и с уровнем государственной поддержки. Рассматриваются возможности и ограничения достижения двух первоочередных целей Федерального проекта «Северный морской путь»: развитие данного маршрута и увеличение грузопотока до целевых объемов за счет интенсификации процессов освоения арктических ресурсов, в первую очередь нефти и газа. Затрагиваются вопросы климатических условий, специфики ледовой и лоцманской проводки, особенности государственной поддержки. Освещается специфика международного сотрудничества в рамках проекта INSROP с точки зрения комплексного подхода к изучению транспортной системы в указанном регионе, исследование и освоение которого входит в круг первостепенных государственных интересов Российской Федерации, включая военно-стратегическое значение, связанное с обороноспособностью государства. Приводятся прогнозы авторитетных ведомств Российской Федерации по увеличению грузооборота Северного морского пути в отдельные периоды времени вплоть до 2035 г. и превращению этой водной артерии в глобальную конкурентную транспортную систему.*

***Ключевые слова:** Арктика; Северный морской путь (СМП); грузооборот; транзит; атомный ледокольный флот; ледовая и лоцманская проводка; акватория; сжиженный природный газ (СПГ).*

Степанов Никита Сергеевич – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра институтов
социально-экономического развития, Института экономики РАН.
Россия, Москва.
E-mail: stepanov720@inecon.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-8010-2020

**Stepanov N.S. Trajectory of the Northern Sea Route development:
problems and prospects**

Abstract. *The article analyzes the change in the institutional status of the management of the Northern Sea Route (NSR) in the historical aspect of the development of the Arctic. The possibilities of using the route under study not only as a channel for transporting internal resources but also as a transit artery that increases the volume of cargo flows are revealed. The issues of climatic conditions, the specifics of ice and pilotage, and the specifics of state support are discussed. The article highlights the specifics of international cooperation within the INSROP project from the perspective of an integrated approach to the study of the transport system in the specified region, the study and development of which is part of the primary state interests of the Russian Federation, including the military-strategic importance associated with the defense capability of the state. The forecasts of the authoritative departments of the Russian Federation on the increase in the cargo turnover of the NSR in certain periods up to 2035 and the transformation of this waterway into a globally competitive transport system are given.*

Keywords: *Arctic; Northern Sea Route (NSR); cargo turnover; transit; nuclear ice-breaker fleet; ice and pilotage; water area; liquefied natural gas (LNG).*

Stepanov Nikita Sergeevich – Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher of Center of Institutions of Social
and Economic Development; Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: stepanov720@inecon.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-8010-2020

Транспорт – один из важнейших факторов, влияющих на экономическое развитие страны, а хорошо развитая транспортная инфраструктура укрепляет социальную, экономическую и пространственную сплоченность страны. С XVI в. Россия активизировала поиск надежного выхода в Мировой океан. Самым протяженным морским рубежом страны был северный, исследование которого позволило сформулировать следующие цели эксплуатации данного маршрута: 1) обеспечение обороноспособности страны; 2) налаживание транспортировки грузов для внутренних потребностей; 3) превращение данного водного пути в транзитную магистраль для перевозки товаров в Европу

и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР); 4) использование богатых природных ресурсов этой акватории и прилегающих территорий, включая разработку ископаемых на шельфе.

Россия возлагает большие надежды на развитие Северного морского пути (далее – СМП), который является частью Северо-Восточного прохода и ведет от острова Новая Земля до Берингова пролива, причем СМП может сократить судоходное расстояние между Северной Европой и Восточной Азией на 30–40% по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал. Для этого в России создан специальный ледокольный флот. Планируется, что Северный морской путь можно будет использовать круглогодично в течение следующих нескольких лет. Вследствие потепления климата в Арктике расширяются возможности использования Северного морского пути и разработки подземных ресурсов. Поэтому актуализируются исследования устойчивости современной траектории развития СМП, чтобы определить будущие перспективы экономической деятельности в арктических регионах и выявить ограничения данных процессов.

Первоначально СМП носил название «Северо-восточный проход». В начале XX в. стало использоваться понятие «Северный морской путь», которое претерпело некоторые изменения в пространственном плане в ходе освоения арктической магистрали. Так, во времена существования Советского Союза и далее до 2013 г. под эту дефиницию подпадали акватории морей от Баренцева до Берингова и впадающих в Северный Ледовитый океан (СЛО) судоходных рек нашей страны. Цифру грузооборота также увеличивали перевозки из порта Архангельск и по Берингову морю, которые после распада СССР были вычеркнуты из графика, а восточный сектор СМП был на какое-то время просто заброшен. В современном понимании в СМП входит акватория от Карского моря до Чукотского.

Смена институциональных рычагов управления СМП в ходе исторического развития

Автор полагает, что определенный интерес представляют собой изменения управленческих единиц, отвечающих за функционирование северной транспортной артерии в XX–XXI вв., рассмотренные в хронологическом порядке.

Первой институциональной структурой управления деятельностью морской трассы стал комитет СМП (КСМП), созданный 23 апреля 1919 г. по распоряжению Совета Министров за подписью Верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака. Главой этой организации, созданной с целью налаживания связей Сибири с портами западной Европы через моря СЛО посредством внешней торговли, стал золотопромышленник и полярный исследователь Степан Васильевич Востротин. После свержения

белогвардейского правительства и победы большевиков прежний КСМП был преобразован в советский «Комсеверпуть» в 1920 г. постановлением Сибирского революционного комитета. Далее, 15 июня 1928 г., этот орган был реформирован в Северо-Сибирское государственное акционерное общество «Комсеверпуть» и перешел в подчинение Наркомата внешней и внутренней торговли СССР, а с марта 1932 г. превратился во Всесоюзное экспортно-импортное транспортно-промышленное объединение.

Более подробно этапы развития СМП в XX–XXI вв. представлены в таблице 1, которая завершается 2018–2019 гг.

Таблица 1

**Этапы развития институционального статуса управления
деятельностью СМП в XX–XXI вв.**

Год	Основополагающее событие
1914–1915	Первое сквозное плавание российской экспедиции Бориса Андреевича Вилькицкого (с зимовкой) на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» с востока на запад (Владивосток – Архангельск).
1919 (23.04)	Распоряжение Верховного правителя России адмирала Колчака о создании Комитета Северного морского пути (КСМП).
1920	Постановление Сибирского Революционного Комитета о преобразовании КСМП в советский «Комсеверпуть».
1928 (15.06)	Преобразование предыдущего органа в Северо-Сибирское государственное акционерное общество «Комсеверпуть» и его передача Наркомату внешней и внутренней торговли СССР.
1932 (март)	Преобразование и переименование предыдущего органа во Всесоюзное экспортно-импортное транспортно-промышленное объединение.
1932 (лето-осень)	Прохождение СМП впервые за одну навигацию на ледокольном пароходе «Александр Сибирияков» с запада на восток.
1932 (17.12)	Образование Главного Управления Северного морского пути при Совете Народных Комиссаров СССР (ГУ СМП) под руководством Отто Юльевича Шмидта (Постановление №1873). Открыты территориальные управления в Мурманске, Архангельске, Владивостоке.
1935 (08.07–09.10)	Первое сквозное грузовое плавание лесовозов «Ванцетти» и «Искра» из Ленинграда во Владивосток.
1936 (13.01–18.01)	В Москве прошли хозяйственное и партийное совещания, в которых приняли участие начальники территориальных управлений Главсевморпути, начальники политотделов, научные работники, капитаны и помполиты судов, хозяйственные руководители и парторги факторий и культбаз, летчики и полярники.

Продолжение таблицы

Год	Основополагающее событие
1936 (22.06)	Постановление Совнаркома СССР №1100 «Об утверждении Положения о Главном Управлении СМП», в котором СМП определялся как морская трасса от Баренцева моря до Берингова пролива. Это Постановление было отменено 25.01.1941 Постановлением СНК СССР № 189.
1939	К началу Второй мировой войны был накоплен определенный опыт прохождения транспортных судов по СМП и положено начало развитию арктических портов, например Диксон, Дудинка, Тикси, Провидение. Уже работали 18 полярных гидрометеорологических станций, которые занимались сбором геофизических данных для судоходства и авиации, а также проведением научных исследований.
1939 (сентябрь) – 1941 (май)	После подписания Пакта Молотова-Риббентропа 23.09. 1939 г. и начала Второй мировой войны, в августе 1940 г. по СМП советскими ледоколами «Ленин», «И. Сталин» и «Л. Каганович» была осуществлена проводка на восток замаскированного под японское торговое судно германского рейдера «Комет». Появившийся в Тихом океане в ноябре 1941 г. вспомогательный крейсер потопил 16 британских транспортов и натворил много других бед, например уничтожил с помощью артиллерийского огня нефтехранилища и фосфатный завод и захватил голландское судно «Триона» с грузом натурального каучука. В том же году отмечена перевозка грузов для ведения советско-финской войны, заход немецкого крейсера в порт Полярный и подводных лодок Германии в Баренцево море, удар нацистских военных кораблей, базировавшихся в Мурманске, по портам Норвегии.
1941 (июнь) – 1945 (май)	Великая Отечественная война в корне перестроила работу в Арктике и, в частности, изменила деятельность СМП, где усилилась роль Главного Управления под руководством известного полярника Ивана Дмитриевича Папанина. 15 октября 1941 г. он был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны, перестал быть начальником Главсевморпути, и стал организатором по приемке и своевременной разгрузке конвоев союзников, прибывавших в порты Мурманска и Архангельска из Великобритании и США. В военное время наряду с проводкой конвоев не прекращались перевозки по всей трассе СМП. В начале 1942 г. ударными темпами был построен глубоководный порт Северодвинск, что позволило конвоям не заходить в сложное по гидрографическим параметрам устье Северной Двины. Всего за период 1941–1945 гг. Архангельский и Северодвинский порты приняли 342 судна. За это же время из стран-союзников по морю было доставлено 17,5 млн т военных и хозяйственных грузов. Структура их по направлениям и конвоям выглядит следующим образом: на север России – 22,7%, через Тихий океан – 47,1%, по СМП – 2,5%. Значительная часть поставок по ленд-лизу поступала из Соединенных Штатов через Тихий океан в порты Провидение, Петропавловск-Камчатский и на запад по СМП. Американские суда, чтобы избежать столкновений с японскими подводными лодками, старались двигаться максимально севернее, например по Чукотскому морю. Кроме того, в 1943–1945 гг. увеличилось число советских судов, следовавших вдоль берегов Камчатки и Чукотки. Немецкие подводные лодки и авиация пытались препятствовать транспортным операциям, уничтожая полярные станции, которые давали информацию для проводки о ледовой обстановке, погодных условиях и долгосрочные ледово-синоптические прогнозы для навигации.

**ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Продолжение таблицы

Год	Основополагающее событие
1946	Переименование в Главное управление при Совете Министров СССР. До 1946 г. – Главное Управление при Совнаркоме СССР.
1953	Переименование в Главное Управление при Министерстве морского транспорта СССР (до 1964 г.)
1960	Вхождение в состав флота атомного ледокола «Ленин».
1971 (16.09)	Постановление Советов Министров СССР №683 от 16.09.1971 о создании Администрации Северного морского пути (АСМП) при Министерстве морского флота Советского Союза.
1982	Получение акваторией СМП официального статуса международных вод. Согласно статье 234 Конвенции ООН по морскому праву, СМП рассматривается как исторически сложившаяся единая национальная транспортная коммуникация СССР.
1991	Россия ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву. Открытие СМП для международного судоходства.
2012 (04.07)	Принятие Федерального закона №132ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории СМП».
2013	Создание администрации СМП в форме федерального государственного казенного учреждения по Постановлению Правительства РФ №358 от 15.03.2013.
2015	Постановление Правительства РФ № 228 от 14.03.2015 «Об утверждении положения о госкомиссии по вопросам развития Арктики».
2018	В соответствии с приказом Минтранса РФ № 16 от 18.01.2018 изменен тип учреждения Администрации СМП – с федерального государственного казенного на федеральное государственное бюджетное. ФЗ № 525 от 28.12.2018 «О наделении госкорпорации «Росатом» рядом полномочий в области управления развитием и устойчивым функционированием СМП, а также инфраструктуры портов, расположенных на побережье его акватории».
2019 (21.12)	Распоряжение №3120Р от 21.12.2019 «Об утверждении «Плана развития инфраструктуры СМП до 2035 года»

Источник: [Белов 1975; Афанасьев 1985; Гумелёв, Елистратов, Рагозин 2018]

В начале 2018 г., 28 января, Администрация СМП изменила тип федерального государственного казенного учреждения на государственное бюджетное и превратилась в ФГБУ. В 28 декабря 2018 г. был принят ФЗ № 525 о наделении госкорпорации «Росатом» рядом полномочий в области управле-

ния развитием и функционированием СМП, а также инфраструктуры портов, расположенных на побережье его акватории. В конце декабря 2019 г. был утвержден план развития инфраструктуры СМП до 2035 г. Этот документ предусматривает развитие: 1) инфраструктуры морских портов и терминалов; 2) аварийно-спасательного и вспомогательного флота; 3) навигационно-гидрографического обеспечения судоходства в акватории СМП; отечественного судостроения для арктического мореплавания. Таким образом, управление деятельностью СМП имеет более чем вековую историю, в течение которой институциональный статус управления СМП менялся, подывая к современному состоянию.

В настоящее время ФГБУ «Администрация СМП» руководствуется следующими целевыми положениями:

- 1) организация прохода судов в акватории СМП;
- 2) обеспечение безопасности мореплавания и защита окружающей среды от загрязнения с плавсредств в акватории СМП;
- 3) навигационно-гидрографическое обеспечение.

В сферу деятельности учреждения входит выполнение таких функций, как:

- 1) выдача разрешений на судоходство в акватории СМП;
- 2) предоставление прав на ледовую лоцманскую проводку;
- 3) мониторинг гидрометеорологической, ледовой и навигационной обстановки;
- 4) организация проведения поисково-спасательных операций;
- 5) содействие в проведении мероприятий по ликвидации последствий загрязнения с судов опасными и вредными веществами, сточными водами и мусором.

Транзит по СМП

Изменение климата и новые технологические возможности приводят к сдвигу в логистике для проектов добычи полезных ископаемых в Арктике, которые ранее полагались на схему южного сухопутного экспорта автомобильным, железнодорожным или трубопроводным транспортом. В последнее время становится возможной экспортная схема Северного морского пути с использованием специализированных судов с сертификатом усиленного ледового класса с частичной поддержкой ледоколов или без таковой [Glomsrød, Duhaime, Aslaksen 2021]. Пока еще рано говорить об СМП как о стабильном устоявшемся транзитном международном маршруте и альтернативе Суэцкому каналу. Для сравнения приведем красноречивые данные: число транзитных судов, проходящих по СМП за год равно количеству кораблей, пользующихся услугами Суэцкого канала, за один день. Транзит грузов составляет 200 тыс. т и более 1 млрд т в год соответственно. До некоторых пор эта трасса является

нашим внутренним ресурсом и заделом на будущее. Однако транзит в небольших количествах существует и имеет свою историю.

Интерес к этой транспортной артерии со стороны международных грузо-перевозчиков тесно связан с уровнем доверия и политическими позициями отдельных стран и их альянсов. Например, в начале 60-х годов XX в. наблюдалось потепление в советско-американских отношениях и увеличение активности ледоколов США из береговой охраны за пределами 12-мильной зоны, которая тогда еще не была официально введена. США выражали несогласие с распространением на некоторые арктические морские проливы, через которые проходит СМП, статуса советских внутренних вод. Так в СССР сочли незаконными попытки американских военных судов «Northwind» и «Burton Island» совершить проход в 1963 и 1964 гг. через проливы Велькицкого, Шокальского, Дмитрия Лаптева и Санникова в море Лаптевых и Восточно-Сибирское без разрешения советских властей. Соединенные Штаты не считали их внутренними водами Советского Союза и в соответствии с нормами международного права.

К концу 60-х – началу 70-х годов СССР уже имел довольно обширный ледокольный флот и готовил лоцманов для транзита зарубежных кораблей, перепрофилируя заслуженных полярных капитанов, имеющих опыт работы в арктических условиях. Однако в связи с ближневосточным кризисом политики интернационализации эта работа забуксовала.

В 1967 г. Минморфлот открыл СМП для международного судоходства. Правда, это случилось в ходе арабо-израильской войны и при временном закрытии Суэцкого канала. Следует отметить, что ни один зарубежный корабль не принял предложения воспользоваться СМП как альтернативным маршрутом. На этом фоне в 1967 г. пять советских судов выполнили транзитные рейсы с коммерческими грузами иностранных фрахтователей, что широко не афишировалось. В мае-июне 1978 г. Минморфлот СССР организовал специальный высокоширотный коммерческий рейс по СМП. Его осуществляло ледокольно-транспортное судно «Капитан Мышевский» при проводке атомного ледокола «Сибирь». Решение о проведении этого эксперимента было принято коллегией министерства 30 августа 1977 г. Основной его целью было изучение возможностей и технико-экономических показателей прохождения транспортных судов по СМП при использовании атомных ледоколов для проводки. В упомянутом случае попутно предусматривалось доставить груз для дрейфующей станции «СП-24» в Восточно-Сибирском море.

С 1993 г. стали проводиться многосторонние исследования в рамках международного проекта «Северный морской путь» (INSROP – International North Sea Route Program) [Peresyarkin 1995]. На основе комплексного подхода изучаются транспортная система Арктики и ее возможности для осуществления транзитных грузовых перевозок. С российской стороны в этих изысканиях

активное участие принимал Центральный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт морского флота (АО ЦНИИМФ), с норвежской – Институт Фритьофа Нансена, с японской – Фонд морского судоходства. Присоединяются и другие заинтересованные государства.

В рамках INSROP в августе 1995 г. был осуществлен транзитный научно-коммерческий рейс российского транспортного судна «Кандалакша» по СМП по маршруту Йокогама (Япония) – Киркенес (Норвегия). Это плавание показало, что время доставки сокращается на 10–15 суток по сравнению с южным маршрутом через Суэцкий канал. Экономия – 250 долл. на один контейнер. Однако это не вызвало энтузиазма у зарубежных грузоотправителей, несмотря на достаточно высокую эффективность в летнюю арктическую навигацию.

Об открытии СМП для международного судоходства в октябре 1987 г. в Мурманске высказался Михаил Сергеевич Горбачев. Разрешительный порядок под контролем российских навигационных служб был введен с 1 июля 1991 г. Это повлекло за собой увеличение транзитных перевозок по СМП (табл. 2).

Таблица 2

Транзитные перевозки по СМП до начала 2000-х годов

Год	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	2000
Объем перевозок (тыс. т)	38	115	210	186	226	10	120	38	30	0
Количество рейсов	5	16	15	12	22	7	8	3	2	0

Источник: [Половинкин, Фомичев 2012; 100 главных 2021; Северный 2021]

Как мы видим, после распада СССР произошел резкий спад перевозок по СМП. Наблюдалась деградация во всех сферах его функционирования и обслуживания. За семь-восемь лет наполовину сократилось число метеостанций, прекратились систематические замеры глубин, практически не осуществлялась авиационная ледовая разведка. В 1996 г. был сорван «северный завоз»¹. С 1991 по 1997 г., т.е. за семь навигаций, была сделана проводка

1. Северный завоз – снабжение топливом и продовольствием районов, не имеющих транспортного сообщения с остальной территорией страны в течение всего года. До 2005 г. 50% средств предоставлял федеральный бюджет, 50% – сами регионы. Сейчас (с 2005 г.) вопросами северного завоза занимаются региональные власти, а в федеральных законах такое понятие отсутствует.

только одного иностранного судна-снабженца «Астролябия» из Франции в 1991 г. [Сигачев 2015].

Разрешительный порядок действовал до 2013 г., когда 17 января Минтранс РФ во исполнение закона №132ФЗ утвердил «Правила плавания в акватории СМП» взамен ранее принятых [Голдин 2018]. До 2013 г. проход по СМП без захода в реки был мизерным и рост грузооборота обеспечивался в определенной мере транзитом: 2009 г. – 20 тыс. т, 2010 – 111 тыс. т, 2011 – 845 тыс. т, 2012 – 1 млн 355 тыс. т, 2013 – 1 млн 176 тыс. т, 2014 – 274 тыс. т. [100 главных 2021; Северный 2021]. Как видно из последнего показателя, в 2014 г. произошло резкое снижение интернациональных перевозок. Из-за политических причин многие транспортные компании отказались от использования этого маршрута. Сократилась активность внешней торговли и уменьшилось число российских судов, идущих в западном направлении.

В 2015 г. международный транзит упал до нулевой отметки, а с 2016 начал расти, составив в 2017 г. 194 тыс. т. Количество разрешений на ледовую проводку возрастало: в 2013 г. – 635, в 2017 – 780 (из них 662 – под российским флагом и 118 – под иностранным) [Трушин 2018]. Что касается ледокольного флота, обеспечивающего прохождение по маршруту, то, по мнению экспертов, его деятельность будет не только самоокупаемой, но и рентабельной при грузообороте СМП, превышающем 3 млн т в год [Трушин 2018]. В противном случае ледокольный флот убыточен, и чтобы исправить сложившуюся ситуацию, в качестве подработки проводились экскурсии на Северный полюс летом в период навигации, совершалось не более трех проходов за сезон [100 главных 2021; Северный 2021].

Атомных ледоколов не хватает для обеспечения регулярного транзита в суровых природных условиях Арктики. В 2019 г. в акватории СМП работали восемь линейных ледоколов (четыре атомных и четыре дизель-электрических). Ставки на проводку были высокими [Моченов, Федулова. 2018]. Следует принимать во внимание, что роль ледокольного флота связана не только с коммерческими интересами, но в большей мере с безопасностью и геополитическими факторами. Например, с воспрепятствованием захождению в акваторию континентального шельфа и зоны национальной юрисдикции РФ с целью завладения энергетическими ресурсами Арктики.

Обеспокоенность продолжает вызывать позиция США в отношении СМП. Американский подход состоит в том, что этот маршрут должен быть открыт в качестве международного водного коридора для транзитного прохода любому желающему и иметь утвержденный график проведения военных учений и обеспечения свободы мореплавания. По мнению некоторых высокопоставленных лиц из США, во-первых, Соединенные Штаты не должны допустить, чтобы Россия и Китай господствовали в Арктике и контролировали СМП. Во-вторых, регион должен одинаково осваиваться государствами –

членами Арктического совета без претензий на право обладания этой территорией. В действительности нашей стране пытаются навязать сомнительные правила игры и использовать всевозможные рычаги и инструменты давления по спорным вопросам. В таких условиях военный аспект является краеугольным камнем дальнейшего функционирования СМП в этом стратегически важном районе наряду с выполнением гражданских экономических задач, об этом говорится в том числе в Отчете, подготовленном в рамках проекта ECONOR IV, осуществляемого Рабочей группой по устойчивому развитию (SDWG) Арктического совета [Glomsrød et.al. 2021].

Современные границы СМП проходят от Карских ворот на западе до мыса Дежнева на Чукотке на востоке. Они утверждены Кодексом торгового мореплавания РФ. Летом 2020 г. Правительство РФ приняло решение о сохранении границ и отказалось их менять из-за возможного возникновения противоречий с международным правом, отступив от идеи их расширения на новые акватории.

Будущее СМП видится в перевозках СПГ и нефти. Большинство западных экспертов и часть российских специалистов оценивают этот маршрут в плане транзита как бесперспективный, приводя данные, что даже в отдаленном 2035 г. на него будет приходиться не более 6% общего грузооборота [Вавина, Топорков 2020].

В 2019 г. пользоваться этой трассой отказалась крупнейшая транспортная компания Франции CMA CGM, норвежские профильные организации также высказывали сомнения в целесообразности прохода по СМП [Крупнейший 2019].

Динамика грузооборота СМП и перспективы его эксплуатации

В советский период пик грузоперевозок по СМП пришелся на 1986–1987 гг. и составил 6,4 и 6,6 млн т, соответственно [Севморпуть 2021]. Это связано с промышленной эксплуатацией нефтегазовых месторождений полуострова Ямал, в частности, Бованенковское, и успешным развитием атомного ледокольного флота.

В самом начале 90-х годов интерес к СМП охладел, как и ко всему российскому северу, который был заброшен в еще большей степени. Наблюдались отток рабочей силы, закрытие большинства полярных станций. Лишь в 2016 г. объем перевезенных грузов превысил уровень 80-х годов и составил 7,2–7,4 млн т [Северный 2018; Скорлыгина и др. 2017], а по некоторым данным даже 18 млн т [100 главных 2021; Северный 2021], хотя эта цифра и вызывает сомнения, однако подсчеты велись в советском понимании трассы СМП (см. табл. 3).

Таблица 3

Грузооборот по СМП в некоторые годы

Год	Объем грузоперевозок (млн т)
1933	0,130
1941–1945	4,000
1943	0,289
1953	0,506
1963	1,264
1971	3,032
1981	5,005
1986	6,455
1987	6,600
1996	1,800
2006	1,956
2014	3,982
2016	7,480
2018	20,200

Источник: [Половинкин, Фомичев 2012; 100 главных 2021; Северный 2021]

Согласно указу Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» от 07.05.2018 (далее «майский» указ), грузопоток по СМП должен вырасти до 80 млн т. Для достижения поставленной задачи был разработан «комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 года», утвержденный 30.09.2018 распоряжением № 2101-р. Его транспортная часть состоит из девяти федеральных проектов, включая СМП [Арктический 2019].

Федеральный проект «Северный морской путь» (раздел 4.3) акцентирует внимание на двух важных пунктах: развитие СМП и увеличение грузопотока до вышеупомянутого объема. Для выполнения первой цели построены объекты глобальной морской системы связи при бедствиях; создано навигационно-гидрографическое обеспечение; в Мурманске открыта база и причалы для аварийно-спасательных судов; спущены на воду гидрографические, лоцмейстерские и другие профильные суда ледового класса. Планируется переход на более быструю связь пятого поколения. Правда, это связано с частотами, значительная часть которых принадлежит военным структурам и спецслужбам. Для успешного применения 5G необходимо высвободить спектр частот в диапазоне 3,4–8 ГГц.

В настоящее время ощущается нехватка ледоколов – их приходится дожидаться в очереди. Это приводит к увеличению времени рейса и расходов по его обслуживанию. Так, в 2013 г. 36 судов из 71, следовавших по СМП, ожидали проводки, 18 из них – от одних до шести суток [Котляр 2015]. В техническом плане сопровождение не вызывает претензий, но в коммерческом смысле оно неэффективно из-за невысокой скорости и значительных ставок фрахта атомных ледоколов.

К 2027 г. планируется завершить строительство серии из пяти атомных ледоколов ЛК-60. Они, вероятно, смогут обеспечить достаточную коммерчески оптимальную скорость в восточной части СМП. В случае неудачи эту проблему должны решить ледоколы «Лидер» мощностью 120 МВт. Первое судно этого класса тоже должно сойти со стапелей в 2027 г. [Веденеева 2019].

Изначально бюджет проекта «Северный морской путь» составлял 587 млрд руб., но позже увеличился до 734,9 млрд из внебюджетных поступлений [Подобедова 2019].

За пять предыдущих лет объем грузоперевозок к 2018 г. возрос более чем в 5 раз. В том же году поставки СПГ увеличились в 37,7 раза, достигнув 8,4 млн т. Газоконденсата было транспортировано в 7,5 раз больше – 805,4 тыс. т, поставки нефти увеличились на 15,6% – до 7,81 млн т [Бюллетень 2019].

Одной из основных задач деятельности СМП является вывоз сырья, добываемого в рамках 15 действующих и запланированных инвестиционных проектов в Арктике, 11 из которых связаны с добычей нефти и газа, четыре – руд и угля. Особо следует отметить Варандейское месторождение нефти, «Ямал-СПГ» и Таймырский угольный бассейн [Северный 2018]. Ориентация на данные нужды в ледоколах, обеспечение безопасности и связи, в будущем должна создать образец для вероятной круглогодичной навигации и продвижения судов с коммерчески оправданной скоростью.

Минтранс разработал свой прогноз развития СМП, который предполагает рост грузооборота почти в 2 раза всего за один 2024 г., хотя ранее заявлялось о более равномерном увеличении. Большинство специалистов полагает, что эти намерения не находят подтверждения в планах конкретных участников перевозок по данному маршруту. Прогноз Минтранса опирается на следующие цифры: в 2018 г. объем составил 17 млн т и в течение следующих четырех лет будет увеличиваться такими темпами – в 2019 г. до 26 млн т, в 2022 – до 32 млн т, а в 2023 г. резко до 45 млн т, и в 2024 г. должен произойти стремительный скачок до 80 млн т [Подобедова 2019] (см. табл. 4).

Несколько другими показателями оперирует Минприроды: 2019 г. – 30 млн т, 2021 – 37 млн т, 2023 – 58 млн т, 2024 г. – 82 млн т. Еще один вариант предлагает Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики. Оно

ожидает достаточно плавный рост в 2019–2022 гг. до 46 млн т, потом его ускорение в 2023 г. до 66 млн т и до 95 млн т – в 2024 г. [Подобедова 2019].

По мнению автора, рост на 35 млн т за один год вряд ли можно считать оправданным, так как подобный прогноз не соответствует реальному положению дел в грузовой базе, а является попыткой приведения показателей в соответствие с «майским» указом. Загрузка СМП напрямую завязана с производством СПГ, добычей нефти и угля. По данным Минприроды, заводы НОВАТЭК должны обеспечить к 2024 г. около 47 млн т газового конденсата, нефти на Новопортовском месторождении до 7 млн т и на Пайяхском – примерно 5 млн т, угля «Восток-уголь» – 19 млн т и 4 млн т на «Северной Звезде» [Подобедова 2019].

Эти планы трудно выполнить без материальной поддержки со стороны государства. На создание приемлемых условий транспортировки по Северному широтному ходу² от Обской губы до Коротчаево предполагается потратить 152 млрд руб.

В порту Сабетта идет строительство СПГ-терминала «Утренний» для завода «Арктик СПГ-2» мощностью 19,8 млн т. На него планируется израсходовать 81,9 млрд руб. бюджетных средств и 30,35 млрд руб. от частных инвесторов. В итоге сумма составит 112,25 млрд руб. Первый завод «Ямал-СПГ» был сдан в эксплуатацию в конце 2018 г.

Что касается таймырского угля, нефти с Пайяхского месторождения и их вывоза, то обустройство бухты Север и терминала порта Диксон для «Восток-уголь» ведется на деньги внебюджетных вкладчиков и у компаний нет флота делового класса для транспортировки в зимний период.

Таблица 4

Наиболее распространенные прогнозы грузооборота СМП на 2020–2024 гг.

Год	2020	2021	2022	2023	2024
Грузооборот (млн т)	29–34	30–37	32–46	45–66	80–95*

* с учетом мощности «Арктик СПГ-2» – 19,8 млн т.

Источник: [Арктический 2019]

2. Северный широтный ход – строящаяся железнодорожная магистраль в Ямало-Ненецком АО. Ее длина составляет 770 км. Маршрут: Обская – Салехард – Надым – Новый Уренгой – Коротчаево. Предполагается перевозить в основном газовый конденсат и нефтеналивные грузы. Ее оборот должен составить 8 млн т. Окончание строительства планируется в 2023 г., предполагалась стоимость 236 млрд руб., но повысилась до 262 млрд руб.

Названный в «майском» указе объем грузопотока по СМП стал ключевым четко поставленным ориентиром, на который равняется формирование политики освоения Арктики в последнее время. В структуре перевозимых товаров 96% приходится на сырье [Арктический 2019]. Количественное увеличение за счет нефти и СПГ также непосредственно связано с налоговыми льготами и обеспечением гарантий инвесторам.

Резкий рост поставок СПГ можно объяснить низким уровнем исходных первоначальных данных и началом работы трех производственных линий предприятия «Ямал-СПГ». В планах намечается, что увеличение грузопотока будет обеспечиваться введением в эксплуатацию мощностей завода «Арктик СПГ-2» в 2022, 2023 и 2026 гг., а также использованием новых нефтегазовых месторождений. Это, вероятно, позволит считать маршрут равноправным обладателем конкурентоспособных качеств морской магистрали, связывающей две части света – Европу и Азию.

Чтобы учесть все имеющиеся проекты в области добычи полезных ископаемых в Арктике в 2019 г. в Минприроды был разработан комплексный материал «Реализация минерально-сырьевого и логистического потенциала Арктики», но, согласно этому исследованию, без дополнительных средств и стимулов можно ожидать грузооборот лишь в 60 млн т [Арктический 2019]. В срочном порядке нужно создать действенную модель управления и систему предпочтений, условия для привлечения инвестиций в этот регион.

Минприроды и Росатом открыто высказываются о реальной недогрузке СМП. Эти сомнения отчасти связаны с добычей компанией «Восток-уголь» сырья на полуострове Таймыр и разработкой Пайяхского месторождения³ «Нефтегазхолдингом», данные, о запасах которых оказались неточными и подлежат корректировке. Все проекты, реализующиеся в арктической зоне, объединяет повышенная степень риска и сложные условия работы. Не в последнюю очередь они сильно зависят от соблюдения сроков задуманного и имеют более продолжительный, чем изначально заложено, горизонт планирования, например до 2035 г. Долгосрочность привлекает как инвесторов, так и рабочую силу. Приоритет в развитии Арктики отдается логистике, которая включает в себя телекоммуникации, спутниковую и кабельную связь. Транзитный потенциал СМП, его использование – технологически сложная, но очень заманчивая задача. Попутно она сопровождается необходимостью

3. Пайяхское месторождение нефти располагается в 130 км к северо-западу от г. Дудинка Красноярского края. Первая геологоразведочная скважина была заложена в 1994 г. Потом ее законсервировали и возобновили работу в 2009 г. До 2016 г. добыча была освобождена от НДС – налога на добычу полезных ископаемых, работает с 2002 г. Запасы по категории $C_1 + C_2$ составляют 63 млн т нефти и 7,5 млрд м³ газа. Извлекаемые запасы – 33,58 млн т.

решения ряда вопросов, например стоимость ледовой проводки, безопасность и т.д. На этой основе нужно сформировать приемлемую цену прохода по СМП, оставляя инфраструктурные моменты под контролем РФ. Считая СМП своей национальной транспортной артерией, Россия открыта к международному сотрудничеству. В этом смысле в случае участия в концессионных проектах предусматривается гарантированный минимальный доход; получение иностранных кредитных средств обеспечивается государственными поручительствами; могут создаваться специальные режимы. Здоровая конкурентная среда должна существовать с адекватным ценообразованием. При значительных капиталовложениях серьезные затраты со стороны государства должны быть учтены в формировании цены на транспортировку. Существуют прогнозы, по которым инвестиции в СМП до 2024 г., включая частное финансирование, могут превысить 1 трлн руб. Государственные средства из разных уровней бюджета, включая регионы, должны составить 400 млрд руб. [Акимов 2019]. Внимание уделяется и транспортной составляющей за пределами акватории СМП. Это относится к расширению портов Мурманск, Сабетта и т.д., строительству перевалочных пунктов не только по СПГ, но и по контейнерам на Камчатке.

В российской арктической зоне имеется 39 аэропортов, 15 из которых включены непосредственно в комплексный план развития магистральной инфраструктуры. Работа ведется в двух направлениях: реконструкция и субсидирование полетов.

В последние годы активизировался интерес к возможному повышению грузопотока по СМП за счет транспортировки рыбы с Дальнего Востока. В качестве первой пробы доставки был задействован атомный лихтеровоз «Севморпуть»⁴.

Теоретически возможно, что в будущем перевозка рыбы водным маршрутом по морям СЛО сможет составить конкуренцию железнодорожному транспорту. Потенциал первого варианта велик, но чтобы его реализовать потребуются соблюдения следующие условия: 1) организация регулярных линий контейнерной доставки; 2) систематическая загруженность не только рыбой, т.е. диверсификация грузов; 3) использование ледовой и лоцманской проводки; 4) привлечение атомных ледоколов; 5) развитие портовой инфраструктуры; 6) создание холодильных мощностей, складов и т.д.

С прагматической точки зрения транспортировка рыбной продукции с Дальнего Востока в европейскую часть РФ по СМП может показаться наибо-

4. Атомный лихтеровоз «Севморпуть» работает с 1988 г. и способен преодолевать льды толщиной до 1 м. Его вместимость составляет 1328 двадцатифутовых контейнеров, включая 104 контейнера-рефрижератора, число которых планируется довести до 450. Может делать до четырех рейсов в год.

лее выгодным вариантом, исходя из позиции сохранения качества и формирования цены. Соблюдение регулярных поставок зависит от ряда факторов – это введение субсидий на ледовую проводку (сейчас они занимают третье место в структуре расходов по доставке по СМП), гарантия загрузки обратных рейсов, консолидация грузопотока, обустройство базовых портов-хабов по маршруту следования [Северный 2018]. Используя этот путь можно избежать перегрузки продукции, которая в других вариантах происходит от двух до трех раз и приводит к снижению ее качества. Не происходит нарушения температурного режима и соблюдается непрерывность охлаждения от мест промысла до потребителя без ущерба требованиям, которые нарушаются в случае перемещения товара из трюма корабля в железнодорожный вагон.

Потенциал обратной загрузки видится в контейнерной доставке с таких предприятий, как «Норникель» или завод по производству алюминия в Кандалакше. Из Архангельской области видится целесообразным отправлять продукцию лесопромышленного комплекса. В 2021 г. ожидается введение в строй второго по объему перевалочного терминала «Сероглазка» в Петропавловске-Камчатском. Он рассчитан на хранение и складирование замороженных или охлажденных товаров, контейнеров. Также будет производиться комплексное обслуживание промысловых судов, включая ремонт, бункеровку и т.д.

«Росатом» изучает возможности сделать СМП конкурентом ОАО РЖД по вывозу рыбы с Дальнего Востока и подсчитывает эффективность этого маршрута. Высказываются соображения, что при достижении регулярности морских рейсов было бы разумно привлекать более дорогостоящие грузы для снижения удельных затрат по перевозке рыбы.

Специалисты из Росрыболовства сделали сравнительные расчеты стоимости доставки рыбы из Владивостока до Москвы в высокий сезон. По железной дороге она составила 15,5 руб. за 1 кг, а по СМП – 11 руб. В 2018 г. отправка рыбы с Дальнего Востока сухопутным путем уменьшилась на 3% и оценивалась в 582 тыс. т. На транспортную составляющую приходилось 7% от розничной цены в западных регионах РФ. Чтобы преодолеть тенденцию к уменьшению объема перевозок, необходимо существенное снижение тарифов для использования контейнеров и устранение порожнего пробега. Следует отметить, что на некоторых направлениях уже установлена скидка в 20,4% без фиксации гарантированного количества продукта [Буранов, Арабей 2019].

В среднем ежегодно с Дальнего Востока в западном направлении идет примерно 700 тыс. т рыбной продукции, а на долю СМП приходится лишь 10–15 тыс. т. Для исправления ситуации, как один из вариантов, необходимо развитие сотрудничества с международными контейнерными перевозчиками [Буранов, Арабей 2019].

На сегодняшний день, несмотря на определенную коммерческую привлекательность СМП, монополистом по доставке рыбы с востока на запад РФ остается ОАО РЖД, хотя часть грузов, особенно скоропортящихся, видимо перейдет к морским перевозчикам. Одновременно СМП обладает серьезными недостатками. Это, во-первых, непредсказуемая ледовая обстановка и, во-вторых, недостаточно развитая на протяжении всего маршрута инфраструктура.

На железнодорожном транспорте преимущества будут зависеть от тарифов, однако вплоть до 2025 г. серьезных изменений, касающихся рыбной продукции, не ожидается.

Наиболее приемлемой с экономической точки зрения может быть доставка рыбы по СМП из Петропавловска-Камчатского до Мурманска, и, возможно, целесообразной, до Архангельска.

Несмотря на более короткий по километражу маршрут, мировой грузопоток не устремляется возить товары по СМП и его привлекательность для транзита зарубежных перевозчиков растет крайне медленно. Самый небольшой по протяженности путь вовсе не означает, что он наипростейший. Здесь можно столкнуться с препятствиями климатического, технического и юридического генезиса. Например, в 2013 г., когда в районе Африканского рога еще не бесчинствовали пираты, не активизировалась санкционная политика Запада, не было открыто второе русло Суэцкого канала, стоимость 1 барреля нефти была выше 100 долл., по СМП прошло 71 судно, что равно дневной норме Суэца [Военное обозрение 2018]. Там тоже есть свои трудности – долгое стояние в очереди и плата за проход. Пошлины являются одной из основных статей дохода Египта и ежегодно пополняют бюджет страны на 5 млрд долл. Стоимость прохождения через Суэцкий канал не является фиксированной. Она зависит от тоннажа, соблюдения расписания пропуска, своевременности подачи заявки и т.д. и составляет от 8 до 12 долл. за тонну. Для большегрузного судна она может колебаться от 160 тыс. до 1 млн долл.

Транзит по СМП иностранных судов тоже не является бесплатным: с них взимается лоцманский сбор. Правда, плата за ледокольное сопровождение не покрывает расходы на содержание этого специализированного флота. По некоторым расчетам зарубежных специалистов тариф на транзит наливных грузов по СМП составляет 20–30 долл. за тонну, а через Суэцкий канал – 5 долл. [Долганов 2018]. В недавнем прошлом целесообразность и экономическая эффективность северного маршрута оправдывалась и происходила за счет высоких цен на нефть. В связи с падением цен на углеводородное сырье сейчас это преимущество утрачено.

В акватории СМП берется плата за ледокольную и ледовую лоцманскую проводку судна, размер которой назначается в соответствии с законодательством РФ о естественных монополиях в зависимости от вместимости, ледо-

вого класса, расстояния и периода навигации. Оплата осуществляется исходя из объема фактически оказанных услуг⁵.

«Росатом» разработал план по развитию СМП, состоящий из трех частей, расположенных в хронологическом порядке.

Первый этап – 2019–2024 гг. – преследует цели по увеличению грузопотока до 80 млн т, а также созданию инфраструктурных условий и обустройству прибрежных территорий.

Второй этап – 2025–2030 гг. – выглядит несколько амбициозным, так как к концу этого периода предполагается превращение СМП в круглогодичную транспортную систему с грузооборотом в последний год в 120 млн т, обеспечивающую базовые потребности потребителей логистических услуг на всей его акватории [Долганов 2018; 100 главных 2021; Северный 2021]. Это представляется трудноосуществимым или совсем невозможным, по крайней мере значительно отдаленным во времени. Кроме того, планируется завершить формирование единого мультимодального оператора СМП с полным набором сервисных услуг, оказываемых точно в срок с соблюдением всех договоренностей.

Третий этап – 2030–2035 гг. – это фаза создания конкурентоспособного международного мультимодального транспортного коридора, по которому к концу периода должно перевозиться 30–35 млн т на запад и 70–80 млн т в восточном направлении [Веденеева 2019]. По другим данным, к 2035 г. поток товаров в обе стороны должен достичь 160 млн т.

Таким образом, СМП является основным фактором достижения экономического развития России во всех географических масштабах, особенно на региональном и местном уровнях, на которых обычно конфигурируются единицы пространственных экономических систем. Показано, что СМП и связанная с ним инфраструктура играют ключевую роль в экономическом росте и развитии Арктики в течение последнего столетия, и многие теоретические и эмпирические исследования признали его важным фактором поддержания и стимулирования экономического роста. При этом проведенное исследование показало, что СМП может быть предпосылкой экономического развития, однако одной транспортной инфраструктуры недостаточно для экономического роста, в данных процессах большую роль играет государственная политика и институциональный статус управления деятельностью СМП.

В статье представлены этапы трансформации институционального статуса управления деятельностью СМП, рассматриваются взаимосвязи между транспортом и экономическим развитием Арктики, аспекты вклада СМП

5. Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути», ст.3, п. 5.

в местное и региональное развитие, отмечается сложность и важность этих симбиотических отношений. В статье рассматриваются основные факторы, прямо или косвенно влияющие на данные взаимосвязи, а также детерминанты размера и направления воздействия, которое СМП вносит в экономическое развитие Арктики и России. Обосновано, что повышенное внимание к модернизации и активизации деятельности по увеличению грузооборота СМП связано с целью превращения его в глобальную конкурентную транспортную систему, играющую ведущую стратегическую роль в развитии экономики страны, в первую очередь российского Севера и Дальнего Востока. Учитывая, что СМП и связанная с ним инфраструктура представляют национальный и стратегический интересы для России, в статье представлены этапы реализации плана по развитию СМП. В целом подчеркивается важность транзитных перевозок по СМП как инструмента региональной и экономической политики.

Библиография

- Акимов Максим: Северный морской путь – дорогой проект, но окупится // РИА Новости. 2019. 10 апр. URL: <https://ria.ru/20190410/1552547337.html> (дата обращения: 02.06.2021).
- Арктический форум // Коммерсантъ. Приложение. 2019. 09 апр. № 62. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/apps/119571> (дата обращения: 23.06.2021).
- Афанасьев А.А. Деятельность Главсевморпути в послевоенный период // Летопись Севера. М., 1985. Т. 11. С. 23–33.
- Белов М.И. О деятельности Главного управления Северного морского пути // Летопись Севера. М., 1975. Т. 7. С. 4–14.
- Буранов И., Арабей М. Кто сказал, что Север платный. Правительство предлагает сделать проезд в Арктику только за деньги, если других дорог нет // Коммерсантъ. 2019. 06 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3874647> (дата обращения: 22.06.2021).
- Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики // Аналитический центр при Правительстве РФ. 2019. сент. Вып. 53. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/24196.pdf> (дата обращения: 02.06.2021).
- Вавина Е., Топорков А. СПГ станет основным грузом на Северном морском пути к 2035 году // Ведомости. 2020. 24 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/23/821376-spg-stanet> (дата обращения: 02.06.2021).
- Веденева А. Севморпуть длиной в год: «Росатом» готовится к непрерывной навигации // Коммерсантъ. 2019. № 131. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4041403> (дата обращения: 02.06.2021).
- Голдин В.И. Севморпуть: к новейшей истории вопроса // GOArctic. 2018. 15 авг. URL: <https://goarctic.ru/work/severnyy-morskoy-put/> (дата обращения: 02.06.2021).
- Гумелёв В.Ю., Елистратов В.В., Рагозин А.Н. Северный морской путь: характеристика, история освоения, перспективы развития и необходимость защиты // Концепт. 2018. № 8. С. 139–158.
- Долганов А. Северный морской путь – только для России // Военное обозрение. 2018. 27 февр. URL: <https://topwar.ru/136687-severnyy-morskoy-put-tolko-dlya-rossii.html> (дата обращения: 02.06.2021).

Котляр В. Использование ледоколов в акватории СМП для обеспечения безопасности мореплавания судов под иностранным флагом: правовые основы и сложившаяся практика // PRO-ARCTIC. 2015. 12 окт. URL: <https://pro-arctic.ru/23/10/2015/legislation/18692> (дата обращения: 02.06.2021).

Крупнейший грузоперевозчик Франции отказался использовать Севморпуть // Lenta.ru. 2019. 24 авг. URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/24/nebudu/> (дата обращения: 02.06.2021).

Моченов А., Федулова В. Ледоколы для Севморпути: прогнозы на фоне конфликтов // Инвест-Форсайт. 2018. 19 авг. URL: <https://www.if24.ru/ledokoly-dlya-sevmorputi/> (дата обращения: 02.06.2021).

Подобедова Л. Минтранс предусмотрел удвоение грузопотока Северного морского пути за год // РБК. 2019. 30 июнь. URL: <https://www.rbc.ru/business/30/07/2019/5d3f06829a7947abc5c4a123> (дата обращения: 02.06.2021).

Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Арктическая транспортная система РФ в XXI веке // PROATOM. 2012. 27 июнь. <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=3866> (дата обращения: 02.06.2021).

Проект Северного морского пути подорожал почти на 150 млрд руб. // РБК. 2019. 01 февр. URL: <https://www.rbc.ru/business/01/02/2019/5c52ffe49a79475910e538d3> (дата обращения: 02.06.2021).

Развитие Северного морского пути. Цель российских вложений в СМП // Военное обозрение. 2019. 09 июнь. URL: <https://topwar.ru/158838-vzgljad-iz-moskvy-na-razvitie-severnogo-morskogo-puti.html> (дата обращения: 02.06.2021).

Регулярным перевозкам рыбы по Севморпути помогут субсидии и загрузка обратных рейсов // ТАСС. 2020. 22 мая. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8542475> (дата обращения: 02.06.2021).

Северный морской путь // Атомфлот. Росатом. URL: <http://www.rosatomflot.ru/o-predpriyatii/severnyu-morskoj-put/> (дата обращения: 02.06.2021).

Северный морской путь. Досье // ТАСС. 2018. 01 март. URL: <https://tass.ru/info/4999806> (дата обращения: 02.06.2021).

Севморпуть и шельфовые проекты набирают обороты // Нефтегазовая вертикаль. 2021. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/sevmorput-i-shelfovye-proekty-nabirayut-oboroty/> (дата обращения: 02.06.2021).

Сигачев С. Северный морской путь как национальная и международная транспортная коммуникация // Инженерная защита. 2015. № 4 (9). С. 36–44.

Скорлыгина Н., Скоробогатько Д., Дзагуто В. Северный морской трест. Государство создает еще один институт развития // Коммерсантъ. 2017. 31 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3256860> (дата обращения: 12.06.2021).

Трушин А. Арктическая выгода. Севморпуть вступил в новый этап развития // Коммерсантъ. Журнал «Огонек» 2018. 03 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3713309> (дата обращения: 02.06.2021).

100 главных дел транспортной отрасли (2016–2021), Администрация СМП. 2021. Администрация Северного морского пути. URL: <http://www.nsra.ru/lenta/n42.html> / (дата обращения: 02.06.2021).

Glomsrød S., Duhaime G., Aslaksen I. The economy of the north. ECONOR 2020 // Истина. Интеллектуальная Система Тематического Исследования Наукометрических данных. 2021. URL: <https://istina.msu.ru/download/370874931/1ljfSd:RiLhfrqTtoVBX6yCURLYcgprKhA/> (дата обращения: 02.06.2021).

Peresyphkin V.I. Completion of the first phase of INSROP // The INSROP Newsletter. Lysaker, Norway: INSROP Secretariate. 1995. № 3 (2). Vol. 3. 23 p.

References

- Akimov Maxim: Severnii Morskoi Put' dorogoj proekt, no okupit'sja [The Northern Sea Route is an expensive project, but it will pay off] // RIA Novosti. 2019. 10 Apr. URL: <https://ria.ru/20190410/1552547337.html> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)
- Arkticheskij forum [Arctic Forum] // Kommersant, Prilozhenie. 2019. N 62. P. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/apps/119571> (date of access: 23.06.2021). (In Russ.)
- Afanasyev A.A. Dejatel'nost' Glavsevmorputi v poslevornnie godi [Activity of Glavsevmorput in the post-war period] // Chronicle of the North. M., 1985. Vol. 11. P. 23–33. (In Russ.)
- Belov M.I. O dejatel'nosti Glavnogo upravlenija severnogo Morskogo Puti [On the activities of the Main Directorate of the Northern Sea Route] // Chronicle of the North. M., 1975. T. 7. P. 4–14. (In Russ.)
- Buranov And, Arabey M. Kto skazal, chto Sever Platnii. Pravitel'stvo predlagaet sdelat' proezd v Arktiku tolko za dengi, esli drugih dorog net [Who said that the North is paid. The government offers to make travel to the Arctic only for money, if there are no other roads] // Kommersant. 2019. 02 Jun. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3874647> (date of access: 06.22.2021). (In Russ.)
- Bjulleten' o tekushhij tendencijah rossijskoj jekonomiki [Bulletin on current trends in the Russian economy] // Analytical Center under the Government of the Russian Federation. 2019. Sept. Issue 53. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/24196.pdf> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)
- Vavina E., Toporkov A. SPG stanet osnovnym gruzom na Severnom morskoy puti k 2035 godu. [LNG will become the main cargo on the Northern Sea Route by 2035] // Vedomosti. 2020. 24 Jan. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/23/821376-spg-stanet> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)
- Vedeneeva A. Sevmorput' dlinoj v god: «Rosatom» gotovitsja k nepreryvnoj navigacii [Sevmorput a year long: Rosatom is preparing for continuous navigation] // Kommersant. 2019. N 131. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4041403> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)
- Goldin V.I. Sevmorput: k novejshej istorii voprosa [to the latest history of the issue] // GOArctic. 2018. 15 Aug. URL: <https://goarctic.ru/work/severnny-morskoy-put/> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)
- Gumelev V.Yu., Elistratov V.V., Ragozin A.N. Severnii Morskoi Put': harakteristika, istorija osvoenija, perspektivi razvitiya i neobhodimost' zaschiti [The Northern Sea Route: characteristics, history of development, prospects for development and the need for protection] // Concept. 2018. N 8. P. 139–158.
- Dolganov A. Severnyj morskoy put' – tol'ko dlja Rossii The Northern Sea Route – only for Russia // Military review. 2018. 27 Feb. URL: <https://topwar.ru/136687-severnny-morskoy-put-tolkodlya-rossii.html> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)
- Kotlyar V. Ispol'zovanie ledokolov v akvatorii SMP dlja obespechenija bezopasnosti moreplavaniya sudov pod inostrannym flagom: pravovye osnovy i slozhivshajasja praktika [The use of icebreakers in the waters of the NSR to ensure the safety of navigation of vessels under a foreign flag: legal foundations and established practice] // PRO-ARCTIC. 2015. 12 Oct. URL: <https://pro-arctic.ru/23/10/2015/legislation/18692> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)
- Krupneishii gryzoperevozchik Francii otkazalsja ispolzovat' sevmorput' [The largest French cargo carrier refused to use the Northern Sea Route] // Lenta.ru. 2019. 24 Aug. URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/24/nebudu/> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)
- Mochenov A., Fedulova V. Ledokoli dlja Sevmorputi: prognozi na fone konfliktov [Icebreakers for the Northern Sea Route: forecasts against the background of conflicts] // Invest-Foresight. 2018. 19 Aug. URL: <https://www.if24.ru/ledokoly-dlya-sevmorputi/> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Podobedova L. Mintrans predusmotrel udvoenie gruzopotoka Severnogo morskogo puti za god [The Ministry of Transport has provided for doubling the cargo flow of the Northern Sea Route for the year] // RBC. 2019. 30 Jun. URL: <https://www.rbc.ru/business/30/07/2019/5d3f06829a7947abc5c4a123> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Polovinkin V.N., Fomichev A.B. Arkticheskaja transportnaja sistema RF v XXI veke [Arctic transport system of the Russian Federation in the XXI century] // PROATOM. 2012. 27 Jun. <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=3866> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Proekt Severnii morskoi put' podorozhal pochti na 150 mlrd rub [The Northern Sea Route project has risen in price by almost 150 billion rubles] // RBC. 2019. 01 Feb. URL: <https://www.rbc.ru/business/01/02/2019/5c52ffe49a79475910e538d3> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Razvitie Severnogo Morskogo puti. Cel' rosiiskih vlozhenii v SMP [Development of the Northern Sea Route. The purpose of Russian investments in the NSR] // Military review. 2019. 09 Jun. URL: <https://topwar.ru/158838-vzgljad-iz-moskvy-na-razvitie-severnogo-morskogo-puti.html> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Reguljarnym perevozkam ryby po Sevmorputi pomogut subsidii i zagruzka obratnyh rejsov [Subsidies and loading of return flights will help regular fish transportation along the Northern Sea Route] // TASS. 2020. 22 May. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8542475> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Severnii Morskoi Put' [The Northern Sea Route] // Atomflot. Rosatom. URL: <http://www.rosatomflot.ru/o-predpriyatii/severnny-morskoy-put/> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Severnii Morskoi Put' [The Northern Sea Route. Dossier] // TASS. 2018. 01 Mar. URL: <https://tass.ru/info/4999806> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Sevmorput' i shelfovie projekty nabiraut oboroti [The Northern Sea Route and offshore projects are gaining momentum] // Oil and Gas Vertical. 2021. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/sevmorput-i-shelfovye-proekty-nabirayut-oboroty/> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Sigachev S. Severnyj morskoi put' kak nacional'naja i mezhdunarodnaja transportnaja kommunikacija [The Northern Sea Route as a national and international transport communication] // Engineering protection. 2015. N 4 (9). P. 36–44.

Skorlygina N., Skorobogatko D., Dzaguto V. Severnyj morskoi trest. Gosudarstvo sozdaet eshhe odin institut razvitiya [Northern Marine Trust. The state is creating another development institution] // Kommersant. 2017. 31 Mar. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3256860> (date of access: 12.06.2021). (In Russ.)

Trushin A. Arkticheskaja Vigoda. Sevmorput' vstupil v novyj jetap razvitiya [Arctic benefit. Sevmorput has entered a new stage of development] // Kommersant // Ogonyok magazine. 2018. 03 Sept. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3713309> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

100 glavnyh del transportnoi otrasli (2016–2021) [100 main cases of the transport industry (2016–2021)], Administration of the NSR. 2021. Administration of the Northern Sea Route. URL: <http://www.nsra.ru/lenta/n42.html> / (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Glomsrød S., Duhaime G., Aslaksen I. The economy of the north. ECONOR 2020 // Truth. An Intelligent System For The Case Study Of Scientometric Data. 2021. URL: <https://istina.msu.ru/download/370874931/1ljfSd:RiLhfrqTtoVBX6yCURLYcgprKhA/> (date of access: 02.06.2021). (In Russ.)

Peresyarkin V.I. Completion of the first phase of INSROP // The INSROP Newsletter. Lysaker, Norway: INSROP Secretariate. 1995. N 3 (2). Vol. 3. 23 p.

О.Н. Пряжникова

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО

***Аннотация.** В статье исследуются факторы влияния пандемии COVID-19 на гендерное неравенство. Выделены особенности эффекта пандемии и режима изоляции на положение женщин, включая проблемы сокращения доходов, потери занятости, роста объемов выполняемого неоплачиваемого труда и насилия в отношении женщин.*

Анализ текущей ситуации свидетельствует о том, что гендерное неравенство усугубляется в условиях пандемии COVID-19. Кризис, вызванный коронавирусом, нивелировал прогресс в области достижения гендерного равенства, достигнутый в течение нескольких последних десятилетий. Влияние пандемии на увеличение гендерного разрыва в контексте экономических возможностей и получаемого дохода связано, прежде всего, с тем, что сектора экономики и виды работ, где занято больше женщин, в большей степени пострадали от мер изоляции и дистанцирования.

Заккрытие детских учебных учреждений в качестве меры противодействия распространению COVID-19 негативно повлияло на положение женщин в непропорционально большей степени, чем на мужчин. Они несут большую часть обязанностей по уходу за детьми и домашней работе. Как следствие, женщины чаще, чем мужчины, сталкиваются с ограничениями по выполнению своей оплачиваемой работы и потерей перспективы профессионального развития.

Существовавшие ранее проблемы гендерного насилия в сочетании с мерами изоляции и ограничения свободы передвижения в условиях пандемии привело к увеличению случаев домашнего насилия в отношении женщин.

Рассматриваются факторы, способные обеспечить формирование адекватной политики сокращения гендерного неравенства с целью повысить устойчивость социально-экономической среды в условиях как текущего, так и возможных будущих кризисов.

***Ключевые слова:** гендерное неравенство; гендерный разрыв; пандемия COVID-19; неоплачиваемая работа; удаленная работа; цифровая грамотность; насилие по отношению к женщинам.*

**Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
Россия, Москва.
E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru
Web of Science Researcher ID: AAS-6065-2020**

Pryazhnikova O.N. The impact of the COVID-19 pandemic on gender inequality

Abstract. *This article examines the COVID-19 pandemic's influence on gender inequality. Specific challenges facing women during the pandemic and isolation regime are highlighted, including the problems of reduced income, job losses, increase in unpaid work performed by them and violence against women.*

Analysis of the current situation suggests that gender inequality is exacerbated during the COVID-19 pandemic. The coronavirus crisis has offset the progress in achieving gender equality made over the past several decades. The impact of the pandemic on widening the gender gap in terms of economic opportunities and income is primarily due to the fact that the sectors of economy and types of jobs where dominated by women are affected by isolation and distancing measures to a greater extent.

The closure of childcare facilities to prevent the spread of COVID-19 has disproportionately affected women rather than men. Women carry out most of the childcare and housework responsibilities. Consequently, women are more likely than men to face pressure at their paid work and loss of professional development prospects.

The issue of gender-based violence existing before the pandemic, coupled with isolation and movement restrictions, has led to an increase in domestic violence against women.

The article highlights a number of factors that can ensure the formation of an adequate policy to reduce gender inequality in order to increase stability of the socio-economic environment in the context of current crisis as well as possible future crises.

Keywords: *gender inequality; gender gap; COVID-19 pandemic; unpaid work; distant work; digital fluency; violence against women.*

Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Research Fellow,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru
Web of Science Researcher ID: AAS-6065-2020

Введение

Кризис, вызванный COVID-19 выявил ряд аспектов уязвимости социальной политики и экономических систем стран мира. Пандемия COVID-19 оказала влияние на рынок труда и трудовые практики. Часть занятых перешла на удаленную работу, часть потеряла работу, кто-то продолжил трудиться на традиционных рабочих местах, рискуя заразиться. Семьи столкнулись с закрытием детских и образовательных учреждений и необходимостью заботиться о детях в течение всего дня, а также организовать их обучение на дому.

При этом пандемия оказала в большей степени негативное воздействие на положение женщин, чем мужчин, и способствовала росту гендерного неравенства. В частности, пандемия усугубила ранее существовавшие гендерные разрывы – социально-экономические показатели, фиксирующие неблагоприятное положение женщин по сравнению с мужчинами.

Увеличение гендерного неравенства в течение 2020 г. подтверждает, рассчитываемый Всемирным экономическим форумом начиная с 2006 г., Индекс гендерного разрыва (Global gender gap index) – интегральный показатель равноправия полов. И хотя по сравнению с 2020 г. совокупный индекс гендерного разрыва увеличился всего на 0,6 п.п. (с 68% в 2020 г. до 68,6% в 2021 г.), прогнозируемый срок достижения гендерного равенства в среднем по странам мира, с учетом изменений за 2020 г., вырос значительно – с 95,5 до 135,6 лет [Global gender gap report 2020, p. 6; Global gender gap report 2021, p. 5].

Тот факт, что последствия пандемии оказывают асимметричное влияние на положение мужчин и женщин, выражается в том, что, с одной стороны, мужчины демонстрируют более высокую летальность при заболевании COVID-19 [From insights 2020, p. 4]. С другой стороны, женщины сталкиваются с большим социальным и экономическим давлением. Так, согласно расчетам экспертов Программы развития ООН (United Nations development programme (UNDP)), к началу 2021 г. около 435 млн женщин и девочек жили на менее 1,90 долл. в день, при этом 47 млн из них оказались на этом уровне бедности в результате COVID-19 [From insights 2020, p. 3]. Международная организация труда (МОТ) в 2020 г. зафиксировала значительное падение трудового дохода у женщин как в развитых, так и развивающихся странах, в частности в Перу, Бразилии, Вьетнаме, Италии и США [ILO Monitor 2021, p. 17].

Среди факторов, отрицательно влияющих на гендерное равенство в условиях пандемии, можно выделить повышенные риски заражения для женщин, занятых в медицине и сфере ухода; риски потери занятости; ухудшение положения матерей на рынке труда; ограниченные возможности перехода на дистанционный режим работы и проблему разрыва в цифровой грамотности между мужчинами и женщинами; увеличение времени, затрачиваемого женщинами на заботу о детях и выполнение домашних обязанностей; рост насилия в отношении женщин.

Риски заражения, связанные с занятостью в сфере здравоохранения

В условиях пандемии риски здоровью медицинских работников резко выросли. Специалисты МОТ указывают такие негативные факторы, отрицательно влияющие на качество занятости в сфере здравоохранения, как увеличение рабочих часов в отделениях реанимации; нехватка средств индивиду-

альной защиты; нехватка персонала, эмоциональный стресс, связанный с высокой смертностью пациентов в отделениях интенсивной терапии; рост риска заражения; изоляция от членов семьи с целью исключить их заражение. Последний фактор усугубляет стресс, особенно для матерей-одиночек [The COVID-19 response 2020, p. 3].

В среднем по странам мира женщины составляют 70% работников в секторе здравоохранения, долгосрочного ухода и социального обеспечения. Среди сотрудников, имеющих непосредственный регулярный контакт с пациентами (медицинские сестры, санитарки и акушерки), женщины насчитывают 85% занятых [Boniol at all 2019, p. 1]. В странах ОЭСР они составляют более 90% работников, оказывающих услуги по длительному уходу [Empowering women 2020, p. 2]. Статистические данные из Германии, Италии, Испании и США показывают, что подтвержденные случаи заражения COVID-19 среди медицинских работников женского пола в 2–3 раза выше, чем у их коллег-мужчин [From insights 2020, p. 4]. В результате, при пандемии женщины подвергаются значительным рискам заражения, получая при этом меньшую заработную плату. Гендерный разрыв в оплате труда в здравоохранении составляет 28%, что объясняется, в частности, тем, что большинство женщин заняты на менее квалифицированных, по сравнению с мужчинами, рабочих местах [Boniol at all 2019, p. 1].

Риски потери занятости

Опыт прошлых экономических кризисов свидетельствует о том, что экономический спад сказывается на занятости мужчин и женщин по-разному, а именно больше мужчин теряют рабочие места. Так, в результате финансового кризиса 2008 г. потеря рабочих мест была намного больше в секторах, где преобладали работники-мужчины (строительство и промышленное производство) [Women's work 2020, p. 7]. Однако в условиях текущего кризиса на долю женщин приходится 54% общих потерь рабочих мест, притом что, в целом, женщины составляют всего лишь 39% рабочей силы по всему миру. По оценкам Глобального института McKinsey (McKinsey Global institute), показатель среднемировой потери работы среди женщин из-за COVID-19 примерно в 1,8 раза выше, чем соответствующий показатель для мужчин [COVID-19 2020].

Эти эффекты объясняются тем, что текущий кризис связан, прежде всего, с мерами социального дистанцирования и изоляции, от которых страдает сектор услуг, а в первую очередь услуги, предполагающие личное взаимодействие между потребителями и провайдерами услуг, такие как розничная торговля, отельный бизнес (отрасль гостеприимства) и общественное питание, а также туризм.

Международная организация труда (МОТ) отнесла к отраслям экономики, которые наиболее страдают от локдауна и где происходит сокращение рабочих мест, отрасль гостеприимства, сектор недвижимости, административную деятельность, производство и торговлю. На начало 2020 г. по всему миру в этих секторах были заняты 527 млн женщин, что соответствует 41% от совокупной занятости женщин и выше аналогичного показателя для мужчин (35%) [The COVID-19 response 2020, p. 1]. Эксперты Глобального института McKinsey полагают, что риски потери рабочего места для женщин на 19% выше, чем для мужчин, потому что женщины как рабочая сила непропорционально больше представлены в секторах, на которые негативно повлиял кризис COVID-19. Женщины в среднем по странам мира занимают 54% рабочих мест в сфере гостеприимства и общественного питания, 43% рабочих мест в розничной и оптовой торговле и 46% – в услугах администрирования и сфере государственного управления [COVID-19 and 2020]. При этом некоторые отрасли производства, в которых мужчины составляют большинство занятых, также серьезно пострадали из-за сбоев в глобальных цепочках поставок, вызванных локдауном, а другие сектора, такие как образование и здравоохранение, где женщины составляют большинство, почти не коснулось сокращение рабочих мест.

Следует отметить, что для развивающихся стран / стран с низкими доходами характерен более высокий уровень гендерного неравенства. Здесь женщины в большинстве заняты на низкоквалифицированных рабочих местах, которые все чаще исчезают вследствие роботизации [Волкова 2020]. При этом вероятно ускорение темпов автоматизации низкоквалифицированного труда ввиду пандемии COVID-19 и необходимости соблюдения мер социального дистанцирования. В результате, в странах с низкими доходами будет сокращаться женская занятость и увеличиваться гендерный разрыв в доходах.

Ухудшение положения работающих женщин в развивающихся странах связано также с тем, что в бедных странах доля женщин, занятых в неформальном секторе, выше доли мужчин. Неформальную занятость имеют 92% работающих женщин в странах Африки южнее Сахары, 91 – в Южной Азии и 54% в странах Латинской Америки, против аналогичных показателей для мужчин в 86%, 87 и 52% в соответствующих регионах мира [Explainer 2020]. В условиях резкого падения экономической активности неформально занятые особенно уязвимы с точки зрения увольнений и потери / сокращения средств к существованию, так как их трудовые права никак не защищены. Уже в течение первого месяца пандемии работники неформального сектора во всем мире потеряли в среднем 60% своего дохода. При этом доходы неформально занятых в регионах, где большинство из них составляют женщины, сократились: на 81% в странах Африки к югу от Сахары и Латинской Америки и на 22% в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [From insights 2020, p. 4].

В России влияние пандемии COVID-19 с точки зрения потери трудовых доходов, по предварительным оценкам, коснулось в большей степени мужчин, чем женщин [Гимпельсон, Капелюшников 2020]. По данным опросов о проблемах с трудоустройством, проведенных в мае 2020 г., о значительном ухудшении материального положения сообщили 59% опрошенных мужчин и лишь 50% женщин [Гимпельсон, Капелюшников 2020]. На момент начала пандемии на рабочих местах, дающих возможность удаленной работы (финансовые услуги, научная деятельность, администрирование, услуги онлайн-образования и т.д.) и рабочих местах в бюджетных учреждениях, где занятость сохранилась на прежнем уровне, работали около 49% всех занятых на российском рынке труда женщин и 40% мужчин. Это предполагает более высокий риск потери работы и сокращения доходов для российских мужчин по сравнению с женщинами.

Что касается динамики занятости женщин, то, по итогам 2020 г., в России доля женщин среди безработных выросла с 47,5% в январе 2019 г. до 49,9% в январе 2021 г., сократившись к марту 2021 г. до 48,9%. Согласно данным Росстата, уровень безработицы среди женщин трудоспособного возраста колебался в течение 2020 г. Так, в мае по сравнению с апрелем 2020 г. он вырос с 5,4% до 6,1% в апреле, а среди мужчин уровень безработицы за тот же период немного снизился – с 6,1% до 6%. В октябре 2020 г. уровень безработицы женщин составил 6,4% и превышал аналогичный показатель для мужчин (6,1%) на 0,3%. Таким образом, уровень безработицы среди женщин на протяжении значительной части 2021 г. превышал уровень безработицы среди мужчин, что в большой степени связано с сокращением занятости в условиях пандемии в секторе услуг [Занятость и безработица 2021].

В начале 2021 г. по мере восстановления допандемийного уровня экономической активности уровни безработицы мужчин и женщин в России начали сравниваться. Если в феврале 2021 г. соответствующий показатель для женщин (5,8%) превышал уровень безработицы среди мужчин (5,5%), то в марте 2021 г. они сравнялись, составив 5,4% безработных среди трудоспособного населения обоих полов [Занятость и безработица 2021].

Нужно отметить неоднозначность эффектов пандемии COVID-19 на состояние занятости женщин. С одной стороны, женщины-работницы преобладают в секторах экономики, испытывающих спад активности из-за мер дистанцирования и / или изоляции, что способствует сокращению их занятости в периоды роста числа заражений и ужесточения локдауна. С другой стороны, женщины чаще, чем мужчины, трудятся в сфере, где занятость сохраняется (здравоохранение и образование) и / или их работа может осуществляться в дистанционном режиме. Возможность работать удаленно способствует сохранению уровня занятости женщин и сглаживает гендерное неравенство на рынке труда. Однако доступность для женщин формата

удаленной работы в большей степени характерна лишь для стран, где уровень развития человеческого капитала и, соответственно, уровень образования женщин относительно высок, а разрыв в цифровой грамотности между полами минимален.

Дистанционная работа и проблема разрыва в цифровой грамотности

Ключевым фактором, который дает шанс сохранить занятость в условиях вынужденной изоляции, является возможность работать из дома, т.е. в большинстве случаев работать онлайн. Способность адаптации к удаленной работе определяется наличием у работника навыков владения цифровыми средствами коммуникации и другими соответствующими инструментами. По некоторым оценкам в развитых странах ОЭСР, трудовая деятельность женщин с большей вероятностью, по сравнению с мужчинами, носит характер, позволяющий осуществлять ее дистанционно. Так, например, в Великобритании возможность осуществлять свою работу дистанционно варьируется в зависимости от пола работника: 48% женщин могут осуществлять свою трудовую деятельность, работая дома, а среди мужчин доля таких работников составляет только 39% [Nupkau, Petrongolo 2020, p. 13]. По данным LinkedIn, женщины на 26% чаще, чем мужчины, ищут удаленную работу, так как рассматривают ее как возможность улучшить баланс между работой и личной жизнью, в том числе заботой о детях [Kimborough 2021].

В России, по данным опросов, на конец 2020 г. дистанционно работали 12% и частично дистанционно – 11,6% всех занятых. На постоянной основе удаленно трудились больше мужчин (14,7%) по сравнению с женщинами (9,1%). При этом частичная удаленная занятость больше распространена среди женщин (13,7%), чем среди мужчин (9,4%) [Ляшок 2021, с. 24]. На дистанционный режим работы перешли женщины, занятые, прежде всего, в таких сферах, как образование, культура и спорт, консалтинг (финансы, аудит, юриспруденция). Женщины, имеющие семью (мужа / партнера и ребенка), в 2,5 раза чаще начинали работать удаленно, чем женщины в семьях без детей. При этом чем моложе женщина, тем легче ей было начать работать в дистанционном режиме [Калабихина, Ребрей 2020, с. 73]. Последний факт может быть объяснен наличием разрыва в цифровой грамотности между представителями разных поколений.

В среднем по миру в 2019 г. Интернетом пользовались только 48% женщин по сравнению с 58% мужчин [Empowering women 2020, p. 7]. Этот факт демонстрирует наличие гендерного разрыва в цифровой грамотности. Базовыми причинами наличия такого разрыва является отсутствие у значительного числа женщин доступа к цифровым технологиям и цифровым средствам

коммуникации, а также недостаточный уровень цифровой грамотности и гарантий безопасности при использовании Интернетом [Empowering women 2020, p. 7]. Освоению женщинами онлайн-инструментов цифровой коммуникации, а также получению качественного образования, препятствуют такие факторы, как нехватка времени из-за выполнения неоплачиваемой работы по дому и уходу за членами семьи, предубеждения и социокультурные нормы, распространенные в ряде стран мира.

Вместе с тем цифровая грамотность признана значимым фактором, сокращающим гендерный разрыв на рынке труда. По прогнозам, при текущих темпах повышения цифровой грамотности у женщин, развитые страны, смогут достичь гендерного равенства в данной сфере к 2065 г., а развивающиеся страны только к 2100 г. [Getting to equal 2016]. Таким образом, существующий на глобальном уровне гендерный цифровой разрыв обуславливает возросшую в условиях пандемии Covid-19 угрозу потери работы женщинами, главным образом в развивающихся странах, из-за невозможности работать дистанционно, используя цифровые технологии.

Рост объема неоплачиваемого труда

Один из ключевых факторов, негативно влияющих на гендерное равенство, заключается в том, что меры сдерживания пандемии COVID-19 значительно увеличивают бремя неоплачиваемого труда, связанного с работой по дому и уходом за членами семьи, которое в непропорционально большей степени ложится на женщин. Закрытие школ и изоляция членов домохозяйств по всему миру привели к тому, что работа по уходу за детьми переместилась из области оплачиваемого труда (школы, детские сады, няни) в область неоплачиваемого труда, выполняемого внутри семей.

По данным ЮНЕСКО, в 2020 г. 1,37 млрд, или 72,4% учащихся в 177 странах столкнулись с закрытием учебных заведений [1.37 billion students 2020]. При этом сократилась и традиционная неформальная помощь по уходу за детьми со стороны бабушек и дедушек, которые, по причине повышенного риска заражения и осложнений из-за COVID-19, были вынуждены ограничить свои контакты, в том числе с другими членами семьи.

Анализ времени, затрачиваемого на уход за детьми, показывает, что в среднем матери тратят на него на 25% больше времени, чем отцы [The gendered division 2020, p. 123]. По данным МОТ, до кризиса женщины в странах ОЭСР в среднем тратили на два часа в день больше времени на неоплачиваемую работу по уходу за членами семьи, чем мужчины. В целом неоплачиваемая работа по уходу за членами семьи, выполняемая женщинами, составляет эквивалент 9% мирового ВВП [The COVID-19 response 2020, p. 2].

В европейских странах пандемия способствует дальнейшему увеличению нагрузки на женщин, связанной с домашними обязанностями [Women's work 2020]. Женщины стали уделять больше времени работе по дому и уходу за детьми. Анализ изменений затрат времени на работу внутри домохозяйств в Италии и Испании показал, что в обеих странах женщины берут на себя большую часть заботы о детях [Women's work 2020; How the COVID-19 2020].

Исследования, проведенные в России [Калабихина, Ребрей 2020], свидетельствуют о том, что гендерный разрыв в количестве времени, затрачиваемого на работу по дому, в условиях пандемии также вырос. Среди участников опросов примерно 50% женщин и только 10% мужчин указали на увеличение времени на приготовление еды; 38% женщин и 11% мужчин – на уборку жилища; 32% женщин и 17% мужчин – на уход за детьми. Переход на режим удаленной работы также повлиял на распределение времени на решение бытовых проблем внутри российских семей. Работая из дома, женщины начали тратить на работу по дому больше времени. При этом, перейдя на дистанционный трудовой режим мужчины сокращали свое время на выполнение домашних дел [Калабихина, Ребрей 2020, с. 70–71].

Рост объема неоплачиваемой работы, выполняемой женщинами в условиях пандемии, ограничивает возможности женщин сохранить занятость на оплачиваемых рабочих местах и усложняет выполнение ими удаленной работы (при ее наличии). Исследование изменения положения женщин на рабочем месте в условиях пандемии, проведенное в 2020 г. консалтинговой компанией Deloitte в Австралии, Бразилии, Канаде, Китае, Франции, Индии, Японии, Великобритании и США, выявило, что 40% работающих женщин заявляют о возникших трудностях в достижении баланса между работой и выполнением повседневных (семейных) обязанностей, а также об ухудшении их физического и психического состояния [Understanding 2020, p. 5].

В целом, почти 1/3 работающих в ЕС женщин (против 1/6 мужчин) испытывали в период изоляции трудности в совмещении оплачиваемой работы и возросших объемов работы по дому [Women and labour 2020, p. 17]. По данным LinkedIn, в Великобритании в качестве основных причин ухода с рынка труда в условиях локдауна женщины называют рост стресса (57%), невозможность эффективного сочетания выполнения домашних обязанностей и работы (33%) и необходимость посвящать больше времени заботе о детях (14%) [Kimborough 2021].

Таким образом, в условиях пандемии стала очевидна необходимость выработки и оформления, как в сфере трудового права, так и на уровне организационных стратегий компаний, новых подходов к организации рабочего времени в случаях непредвиденных обстоятельств. Очевидно, что одним из факторов поддержания на рынке труда гендерного равенства, должно стать расширение возможностей женщин использовать гибкий рабочий график, в

том числе в сочетании с режимом удаленной работы, так как именно гибкая организация рабочего времени позволяет женщинам улучшить баланс оплачиваемой и неоплачиваемой работы [Women and labour 2020].

Положение матерей в условиях пандемии

Важным фактором, углубляющим гендерное неравенство на рынке труда, также является уязвимое положение матерей в полных семьях и матерей-одиночек в системе трудовых отношений. Часто они работают неполный рабочий день. Как следствие их труд оплачивается ниже [Empowering women 2020].

Еще до кризиса, вызванного пандемией COVID-19, в странах ОЭСР уровень бедности семей с одним родителем (большинство из которых составляют женщины) был в среднем в 3 раза выше, чем семей с двумя и более взрослыми [Empowering women 2020, p. 3]. Матери-одиночки, занятые на рабочих местах в неформальном секторе экономики, сталкиваются с ограничением доступа к социальным пособиям и отсутствием гарантий сохранения занятости, а также имеют меньше возможностей для профессионального обучения и повторного трудоустройства. Все эти факторы, а также невозможность осуществлять трудовую деятельность из-за закрытия школ и учреждений по уходу за детьми в условиях пандемии, подвергают матерей-одиночек большому риску потерять работу.

Так, в России в первые месяцы пандемии количество обращений в службы социальной поддержки семей, состоящих из женщин с детьми, которые остались без жилья из-за потери работы по причине введения мер изоляции, увеличилось на 40%. Обращения касались, прежде всего, невозможности оплачивать аренду жилья [Сироткин, Демурина 2020].

Исследование, проведенное в Великобритании [Andrew et al 2020], показало, что среди работающих родителей, вероятность для матерей потерять оплачиваемое рабочее место на 9 п.п. больше, чем для отцов. Так, с началом пандемии в Великобритании 16% матерей перестали выполнять оплачиваемую работу из-за того, что были уволены или были вынуждены уволиться сами в связи с необходимостью присмотра за детьми в условиях закрытия детских образовательных учреждений. Этот показатель выше для матерей по сравнению с 11% оказавшихся в такой же ситуации отцов [Andrew et al 2020, p. 118].

Таким образом, в результате процессов адаптации рынка труда к новым условиям и возникновения необходимости у матерей тратить больше времени на заботу о детях риск потери работы по причине сокращения штатов или увольнения из-за невозможности поддерживать на прежнем уровне производительность труда вырос для работающих матерей и превышает аналогичные риски для работающих отцов.

Рост насилия в отношении женщин

Опыт разных стран свидетельствует о том, что введение мер социального дистанцирования и режима изоляции способствовало росту насилия в отношении женщин. В конце апреля 2020 г. Фонд ООН в области народонаселения (UN Population fund (UNFPA)) предсказал прирост жестокого обращения с женщинами на 15 млн случаев за три месяца изоляции [Empowering women 2020, p. 4]. Так, в условиях карантина в Австралии, уровень домашнего насилия увеличился на 5%. В Китае число случаев домашнего насилия выросло в 3 раза. В США сообщалось о росте домашнего насилия в диапазоне 21–35% в зависимости от штата [Mittal, Singh 2020, p. 3]. Великобритания также столкнулась с проблемами роста насилия в семье: на фоне локдауна с 23 марта по 12 апреля 2020 г. в стране от рук «домашних преступников» погибли 16 женщин, что почти втрое больше, чем соответствующий средний показатель за тот же период в предыдущие десять лет [Grierson 2020]. В Германии во время строгой изоляции в апреле и мае 2020 г. около 3% женщин подверглись избиениям или другим формам физического насилия со стороны партнера [Steinert, Ebert 2020]. По данным ООН, в первые недели локдауна число экстренных обращений за помощью женщин, подвергшихся домашнему насилию, возросло в Аргентине на 25%, во Франции и на Кипре – на 30, в Сингапуре на 33% [Explainer 2020].

В России в марте 2020 г. по сравнению с предыдущим месяцем также был зафиксирован рост на 24% числа обращений на всероссийский телефон доверия для женщин, в московский кризисный центр «Китеж» – на 15, в аналогичные службы Красноярского края – на 19%, в вологодском кризисном центре количество сообщений о насилии увеличилось в 3 раза [Сироткин, Демурина 2020].

В условиях изоляции злоумышленники и насильники получают большую свободу контролировать действия своих жертв, ограничивая их доступ к телефону, Интернету и другим средствам коммуникации. В результате пострадавшие не могут получить помощь из-за боязни быть обнаруженными обидчиками, и случаи насилия внутри домохозяйств растут. Согласно данным индийской неправительственной организации Jagori (Дели), несмотря на регистрируемый в Индии рост случаев насилия над женщинами, в условиях строгой изоляции наблюдалось снижение количества звонков на телефон доверия на 50% [Mittal, Singh 2020, p. 4].

В ряде стран мира данная проблема усугубляется тем, что женщины имеют в среднем более низкий уровень доходов по сравнению с мужчинами. Это сокращает их возможности уйти из семьи и жить самостоятельно в ситуации, когда они становятся жертвами агрессивного поведения внутри домохозяйства, так как они лишаются средств к существованию. В такой ситуа-

ции особое внимание следует уделить укреплению социальной инфраструктуры поддержки жертв насилия и предотвращению жестокого обращения, а именно обеспечению разделения членов семей и предоставления убежища пострадавшим.

Заключение

В условиях, когда мировое сообщество и мировая экономика адаптируется к текущей ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, рост значимости исследований влияния новых факторов на гендерное неравенство и анализ возможных последствий динамики гендерного разрыва может способствовать формированию более эффективной социально-экономической политики в данной сфере. Меры по сокращению гендерного неравенства позитивно влияют как на экономическую, так и на социальную жизнь женщин, а также на экономический рост в более широком смысле.

В связи с этим требуется более глубокий анализ и совершенствование инструментов оценки воздействия тех или иных кризисных ситуаций на занятость, принимая во внимание то, как гендер «пересекается» с разнообразными факторами уязвимости на рынке труда (например, способностью оставаться в составе рабочей силы и заниматься неоплачиваемой работой по дому и / или уходу за членами семьи). Это необходимо для формирования на рынке труда условий, позволяющих поддерживать занятость уязвимых категорий рабочей силы в кризисных ситуациях. Углубленные исследования гендерной структуры рабочей силы разных секторов экономики, характеристик работников, обусловленных их гендерной принадлежностью, гендерной профессиональной и отраслевой сегрегации могут способствовать лучшему пониманию прямых и косвенных гендерных последствий кризиса COVID-19 для занятости, а также выработке мер политики по улучшению позиции женщин на рынке труда.

Во многих странах мира в связи с кризисом, вызванным пандемией, применялись разнообразные меры социальной защиты [Country policy], которые были главным образом направлены на поддержку уязвимых секторов экономики, предоставление компенсации при потере трудовых доходов, а также денежных выплат семьям с детьми. При этом при оказании социальной помощи зачастую как отдельный фактор не учитываются потребности и права женщин. В сложившейся социально-экономической ситуации назрела потребность в создании действующих на постоянной основе инструментов сбора и анализа данных, которые бы отражали реальную меняющуюся под воздействием разнообразных обстоятельств картину положения женщин и формировали основу для выработки целевых мер, сглаживающих гендерное неравенство.

В кризисной ситуации для определения и реализации в краткосрочном периоде первоочередных мер поддержки гендерного равенства в условиях снижения или потери доходов участниками рынка труда особую важность приобретает возможность получения аналитиками и регулирующими органами в реальном времени статистических данных с разбивкой по полу, связанных не только с потерей работниками рабочих мест, но и с изменением статуса при переходе на специальные схемы (режимы работы). Это делает актуальным включение большего диапазона гендерных показателей в соответствующие опросы и исследования, в том числе для выявления воздействия COVID-19 на положение женщин.

При этом в рамках долгосрочной политики сокращения гендерного неравенства приоритетными целями остаются создание условий для расширения возможностей женщин и девочек в получении образования и современных трудовых навыков, равенства на рабочем месте с учетом особых условий для работниц, имеющих детей, а также формирование и укрепление инфраструктуры поддержки женщин, не имеющих возможности воспользоваться формальной социальной помощью и жертв домашнего насилия.

Библиография

Волкова О. Почему женщины продолжают зарабатывать меньше мужчин // Эконс. Экономический разговор. 2020. 9 сент. URL: <https://econs.online/articles/nauchnaya-povestka/pochemu-zhenshchiny-prodolzhayut-zarabatyvat-mensh/> (дата обращения: 15.06.2021).

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Карантинная экономика и рынок труда // Эконс. Экономический разговор. 2020. 2 июнь. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-gynok-truda/> (дата обращения: 15.06.2021).

Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2021 года // Федеральная служба государственной статистики. 2021. URL: https://gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/77.htm (дата обращения: 15.06.2021).

Калабихина И.Е., Ребрей С.М. Домашний труд во время пандемии: Опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65–77.

Ляшок В.Ю. Российский рынок труда: Время адаптации // Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. Москва, 2021. № 1 (133). С. 23–26.

Сироткин К., Демурина Г. Депутаты предложили срочные меры борьбы с домашним насилием на изоляции // РБК. 2020. 22 апр. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5e9f0a669a79478af08dfa86> (дата обращения: 15.06.2021).

Andrew A., Cattani S., Costa Dias M., Farquharson C., Kraftman L., Krutikova S., Phimister A., Sevilla A. The gendered division of paid and domestic work under lockdown // Covid economics. 2020. N 39. P. 62–85. URL: <C:\Users\User\Downloads\SSRN-id3654937.pdf>

Bisello M., Maftai A., Mascherini M. Women and labour market equality: Has COVID-19 rolled back recent gains? / Eurofound. Luxembourg, 2020. 22 p. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef20068en.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

Boniol M., McIsaac M., Lihui Xu, Wuliji T., Diallo Kh., Campbell J. Gender equity in the health workforce: Analysis of 104 countries // WHO. Geneva, 2019. 5 p. (WHO; Health Workforce

working paper N 1). URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311314/WHO-HIS-HWF-Gender-WP1-2019.1-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 18.09.2021).

Country policy responses // ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang--en/index.htm#UN> (дата обращения: 15.06.2021).

Del Boca D., Oggero N., Profeta P., Rossi M.C. Women's work, housework and childcare, before and during COVID-19 // Covid economics. 2020. N 28. P. 70–90. URL: <https://docs.iza.org/dp13409.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

Empowering women as drivers of the Covid-19 recovery // OECD, Public governance directorate, Public governance committee. 2020. 10 p. URL: [https://www.oecd.org/mcm/GOV-PGC-GMG\(2020\)3-FINAL.en.pdf](https://www.oecd.org/mcm/GOV-PGC-GMG(2020)3-FINAL.en.pdf) (дата обращения: 15.06.2021).

Explainer: how COVID-19 impacts women and girls / UN Women. 2020. URL: https://interactive.unwomen.org/multimedia/explainer/covid19/en/index.html?gclid=EAIaIqobChMI2-ukmuq-7gIViN4YCh3b8AYrEAAAYAiAAEgIvMfd_BwE (дата обращения: 18.09.2021).

From insights to action: Gender equality in the wake of COVID-19 / UN Women. New York, 2020. 14 p. URL: <https://eca.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/09/gender-equality-in-the-wake-of-covid-19> (дата обращения: 18.09.2021).

Getting to equal: How digital is helping close the gender gap at work / Accenture. 2016. 13 p. URL: <https://www.empowerwomen.org/en/resources/documents/2016/12/getting-equal--how-digital-is-helping-close-the-gender-gap-at-work?lang=en> (дата обращения: 15.06.2021).

Global gender gap report 2020. Geneva: WEF, 2020. 370 p.

Global gender gap report 2021. Geneva: WEF, 2021. 404 p.

Grierson J. Domestic abuse killings 'more than double' amid Covid-19 lockdown // The Guardian. 2020. 15 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/society/2020/apr/15/domestic-abuse-killings-more-than-double-amid-covid-19-lockdown> (дата обращения: 15.06.2021).

ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Seventh edition // ILO. 2021. 25 Jan. 35 p. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_767028/lang--en/index.htm (дата обращения: 18.09.2021).

Farré L., Fawaz Y., González L., Graves J. How the COVID-19 lockdown affected gender inequality in paid and unpaid work in Spain // IZA Institute of labor economics. Bonn, 2020. 36RTF p. (IZA; Discussion paper series; Discussion paper N 13762). URL: <C:\Users\User\Downloads\SSRN-id3643198.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

Hupkau C., Petrongolo B. Work, care and gender during the COVID-19 crisis / IZA Institute of labor economics. Bonn, 2020. 30 p. (IZA; Discussion paper series; Discussion paper N 13434). URL: <https://docs.iza.org/dp13762.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

Kimbrough K. 3 ways to build gender equality in the workplace post-pandemic// WEF. 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/03/covid-19-has-hurt-women-s-careers-here-are-3-ways-to-reverse-the-damage/> (дата обращения: 15.03.2021).

Madgavkar A., White O., Krishnan M., Mahajan D., Azcue X. COVID-19 and gender equality: Countering the regressive effects // McKinsey global institute. 2020. 15 Jul. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/covid-19-and-gender-equality-countering-the-regressive-effects> (дата обращения: 15.06.2021).

Mittal Sh., Singh T. Gender-based violence during Covid-19 pandemic: A mini-review // Frontiers in global women's health. 2020. 7 p. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.3389/fghw.2020.00004> (дата обращения: 15.03.2021).

1.37 billion students now home as COVID-19 school closures expand, ministers scale up multimedia approaches to ensure learning continuity // UNESCO. 2020. 24 Mar. URL: <https://en.unesco.org/news/137-billion-students-now-home-covid-19-school-closures-expand-ministers-scale-multimedia> (дата обращения: 15.06.2021).

Steinert J., Ebert C. Gewalt an Frauen und Kindern in Deutschland während COVID-19-bedingten Ausgangsbeschränkungen: Zusammenfassung der Ergebnisse // Global health at the technical university of Munich (TUM). 2020. 5 p. URL: https://www.gesine-intervention.de/wp-content/uploads/Zusammenfassung-der-Studienergebnisse_6_2020.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

The COVID-19 response: Getting gender equality right for a better future for women at work. Policy brief / ILO. Geneva, 2020. 11 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_744685.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

Understanding the pandemic's impact on working women / Deloitte. 2020. 12 p. URL: <https://www2.deloitte.com/ch/en/pages/about-deloitte/articles/understanding-the-pandemics-impact-on-working-women.html> (дата обращения: 18.09.2021).

References

Andrew A., Cattán S., Costa Dias M., Farquharson C., Kraftman L., Krutikova S., Phimister A., Sevilla A. The gendered division of paid and domestic work under lockdown // Covid economics. 2020. N 39. P. 62–85. URL: <C:\Users\User\Downloads\SSRN-id3654937.pdf> (date of access: 15.03.2021).

Bisello M., Maftai A., Mascherini M. Women and labour market equality: Has COVID-19 rolled back recent gains? / Eurofound. Luxembourg, 2020. 22 p. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef20068en.pdf (date of access: 18.09.2021).

Boniol M., McIsaac M., Lihui Xu, Wuliji T., Diallo Kh., Campbell J. Gender equity in the health workforce: Analysis of 104 countries // WHO. Geneva, 2019. 5 p. (WHO; Health Workforce working paper N 1). URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311314/WHO-HIS-HWF-Gender-WP1-2019.1-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (date of access: 18.09.2021).

Del Boca D., Oggero N., Profeta P., Rossi M.C. Women's work, housework and childcare, before and during COVID-19 // Covid economics. 2020. N 28. P. 70–90. URL: <https://docs.iza.org/dp13409.pdf> (date of access: 18.09.2021).

Country policy responses // ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang--en/index.htm#UN> (date of access: 15.06.2021).

Empowering women as drivers of the Covid-19 recovery // OECD, Public governance directorate, Public governance committee. 2020. 10 p. URL: [https://www.oecd.org/mcm/GOV-PGC-GMG\(2020\)3-FINAL.en.pdf](https://www.oecd.org/mcm/GOV-PGC-GMG(2020)3-FINAL.en.pdf) (date of access: 15.06.2021).

Explainer: how COVID-19 impacts women and girls / UN Women. 2020. URL: https://interactive.unwomen.org/multimedia/explainer/covid19/en/index.html?gclid=EAIaIqobChMI2-ukmuq-7gIViN4YCh3b8AYrEAAAYAiAAEgIvMfD_BwE (date of access: 18.09.2021).

Farré L., Fawaz Y., González L., Graves J. How the COVID-19 lockdown affected gender inequality in paid and unpaid work in Spain // IZA Institute of labor economics. Bonn, 2020. 36RTF p. (IZA; Discussion paper series; Discussion paper N 13762). URL: <C:\Users\User\Downloads\SSRN-id3643198.pdf> (date of access: 18.09.2021).

From insights to action: Gender equality in the wake of COVID-19 / UN Women. New York, 2020. 14 p. URL: <https://eca.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/09/gender-equality-in-the-wake-of-covid-19> (date of access: 18.09.2021).

Getting to equal: How digital is helping close the gender gap at work / Accenture. 2016. 13 p. URL: <https://www.empowerwomen.org/en/resources/documents/2016/12/getting-equal--how-digital-is-helping-close-the-gender-gap-at-work?lang=en> (date of access: 15.06.2021).

Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. Karantinnyaya e'konomika i ry'nok truda [Quarantine economy and labor market] // E'kons. E'konomicheskij razgovor [Economics. Economic conversation].

2020. 2 Iyun'. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynok-truda/> (date of access: 15.06.2021).

Global gender gap report 2020. Geneva: WEF, 2020. 370 p.

Global gender gap report 2021. Geneva: WEF, 2021. 404 p.

Grierson J. Domestic abuse killings 'more than double' amid Covid-19 lockdown // The Guardian. 2020. 15 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/society/2020/apr/15/domestic-abuse-killings-more-than-double-amid-covid-19-lockdown> (date of access: 15.06.2021).

ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Seventh edition // ILO. 2021. 25 Jan. 35 p. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_767028/lang-en/index.htm (date of access: 18.09.2021).

Hupkau C., Petrongolo B. Work, care and gender during the COVID-19 crisis / IZA Institute of labor economics. Bonn, 2020. 30 p. (IZA; Discussion paper series; Discussion paper N 13434). URL: <https://docs.iza.org/dp13762.pdf> (date of access: 18.09.2021).

Kalabixina I.E., Rebrey S.M. Domashnij trud vo vremya pandemii: Opyt Rossii [Domestic work during a pandemic: Russian experience] // Zhenshhina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian society]. 2020. N 3. S. 65–77.

Kimbrough K. 3 ways to build gender equality in the workplace post-pandemic// WEF. 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/03/covid-19-has-hurt-women-s-careers-here-are-3-ways-to-reverse-the-damage/> (date of access: 15.03.2021).

Lyashok V.Yu. Rossijskij ry'nok truda: Vremya adaptacii [Russian labor market: Adaptation time] // Monitoring e'konomicheskoi situacii v Rossii: Tendencii i vy'zovy' social'no-e'konomicheskogo razvitiya [Monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of socio-economic development]. Moskva, 2021. N 1 (133). S. 23–26.

Madgavkar A., White O., Krishnan M., Mahajan D., Azcue X. COVID-19 and gender equality: Countering the regressive effects // McKinsey global institute. 2020. 15 Jul. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/covid-19-and-gender-equality-countering-the-regressive-effects> (date of access: 15.06.2021).

Mittal Sh., Singh T. Gender-based violence during Covid-19 pandemic: A mini-review // Frontiers in global women's health. 2020. 7 p. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.3389/fgwh.2020.00004> (date of access: 15.03.2021).

1.37 billion students now home as COVID-19 school closures expand, ministers scale up multimedia approaches to ensure learning continuity // UNESCO. 2020. 24 Mar. URL: <https://en.unesco.org/news/137-billion-students-now-home-covid-19-school-closures-expand-ministers-scale-multimedia> (date of access: 15.06.2021).

Sirotkin K., Demurina G. Deputaty' predlozhili srochny'e mery' bor'by' s domashnim nasiliem na izolyacii [Deputies proposed urgent measures to combat domestic violence in isolation] // RBK. 2020. 22 Apr. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5e9f0a669a79478af08dfa86> (date of access: 15.06.2021).

Steinert J., Ebert C. Gewalt an frauen und kindern in Deutschland während COVID-19-bedingten ausgangsbeschränkungen: Zusammenfassung der ergebnisse // Global health at the technical university of Munich (TUM). 2020. 5 p. URL: https://www.gesine-intervention.de/wp-content/uploads/Zusammenfassung-der-Studienergebnisse_6_2020.pdf (date of access: 15.03.2021).

The COVID-19 response: Getting gender equality right for a better future for women at work. Policy brief / ILO. Geneva, 2020. 11 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_744685.pdf (date of access: 15.03.2021).

Understanding the pandemic's impact on working women / Deloitte. 2020. 12 p. URL: <https://www2.deloitte.com/ch/en/pages/about-deloitte/articles/understanding-the-pandemics-impact-on-working-women.html> (date of access: 18.09.2021).

Volkova O. Pochemu zhenshhiny` prodolzhayut zarabaty`vat` men`she muzhchin [Why women continue to earn less than men] // E`kons. E`konomicheskij razgovor [Economics. Economic conversation]. 2020. 9 Sent. URL: <https://econs.online/articles/nauchnaya-povestka/pochemu-zhenshchiny-prodolzhayut-zarabatyvat-mensh/> (date of access: 15.06.2021).

Zanyatost` i bezrabotitsa v Rossijskoj Federacii v marte 2021 goda [Employment and unemployment in the Russian Federation in March 2021] // Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. 2021. URL: https://gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/77.htm (date of access: 15.06.2021).

М.Д. Давтян

ДОМА БЕЗОПАСНЕЕ? МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ПОСТРАДАВШИХ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

***Аннотация.** Пандемия, с огромной скоростью распространяющаяся по всей планете, заставила государства принимать беспрецедентные меры по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции, в том числе путем ограничения прав и свобод человека. Действия, принимаемые разными странами в целях борьбы с пандемией, привели к возникновению новых факторов риска для жертв насилия в семье.*

Государства были вынуждены пересмотреть доступность существующих способов защиты и поддержки пострадавших от домашнего насилия. Интернет-технологии стали одним из главных инструментов преодоления новых барьеров. Совмещение онлайн-услуг и новых офлайн-подходов предоставления помощи и информации позволило государствам более успешно справляться с обострением ситуации в области борьбы с домашним насилием.

Для проведения исследования были выбраны страны, принимавшие меры для борьбы с пандемией и зафиксировавшие рост случаев домашнего насилия. Это Китай, Испания, Италия, Великобритания, Германия и ряд других стран. Анализируется также сложившаяся в России ситуация.

Обзор международного опыта по созданию новых способов поддержки пострадавших от домашнего насилия в период пандемии показывает, что государства, в которых изначально была создана система профилактики домашнего насилия, активно принимали дополнительные меры поддержки пострадавших в период пандемии.

Россия оказалась одной из самых неподготовленных для защиты пострадавших от домашнего насилия стран. Несмотря на то, что Правительство России публично отреагировало на рост домашнего насилия в период COVID-19 и поставило перед министерствами и ведомствами задачу принять меры по исправлению ситуации, отсутствие эффективных механизмов профилактики домашнего насилия до периода пандемии не позволило в экстренном порядке отреагировать на обострение ситуации в период кризиса.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция; домашнее насилие.

Давтян Мари Давитовна – адвокат, руководитель Центра защиты
пострадавших от домашнего насилия при Консорциуме женских НПО,
аспирант НИУ ВШЭ. Россия, Москва.
E-mail: davtyanmary@mail.ru.
Web of Science ResearcherID S-1971-2016

Davtyan M.D. Is it safer at home? International experience and Russian practice of protecting victims of domestic violence during the coronavirus pandemic

Abstract. *The pandemic spreading at a tremendous speed across the planet has forced states to take unprecedented measures to contain coronavirus infection, including by restricting human rights and freedoms. Actions taken by various countries to address the pandemic have created new risk factors for victims of domestic violence.*

These circumstances forced States to reconsider the availability of existing protection measures and support for domestic violence victims. Internet technology has become one of the main tools for overcoming new barriers. The combination of online and new offline services to provide assistance and information has enabled States to better cope with the escalating domestic violence situation.

Countries that have responded to the pandemic and recorded increases in domestic violence, such as China, Spain, Italy, the United Kingdom, Germany, and many other countries, were selected for the research. The article also analyses the situation and the measures taken by State bodies in Russia.

A review of international experience in creating new ways to support victims of domestic violence during the pandemic shows that States that initially established a domestic violence prevention system actively pursued additional measures to support survivors during the pandemic.

Russia has proven to be one of the most unprepared countries to protect victims of domestic violence. Even though the Russian government had publicly responded to the increase in cases of domestic violence during the COVID-19 period and tasked ministries and departments to take measures to remedy the situation, in comparison with other countries, the lack of effective mechanisms for preventing domestic violence before the pandemic did not allow an urgent response to the exacerbation of the situation during the crisis.

Keywords: *coronavirus infection; domestic violence.*

Davtyan Mari Davitovna – lawyer, the Head of the Center
for the Protection of Domestic Violence Survivors
at the Consortium of Women's NGOs, postgraduate student
at the Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: davtyanmary@mail.ru.
Web of Science ResearcherID S-1971-2016

Введение

2020 год ознаменован борьбой всего мира с коронавирусной инфекцией. Пандемия заставила государства принимать беспрецедентные меры по сдерживанию COVID-19.

Последовав примеру Китайской Народной Республики, более 90 стран мира, в том числе и Россия, ввели на своей территории временные режимы, сдерживающие свободное передвижение населения (карантин, принудительная изоляция, самоизоляция), запретив или ограничив возможность людей покидать свои дома без крайней необходимости.

Чрезвычайная ситуация, социальная изоляция, экономическая нестабильность, ограничительные меры, принятые государствами, привели не только к потере заработков гражданами, но и к общей психологической напряженности [Алехин, Дубинина 2020, с. 312–316]. При этом люди из числа социально уязвимых групп стали подвергаться еще большему риску, чем раньше. Практически все страны, которые ввели режимы карантина или самоизоляции, столкнулись с ростом случаев домашнего насилия [Mlambo-Ngcuka 2020; Global and regional 2013]. Исторически женщины составляют большинство пострадавших от домашнего насилия [Global Study on Homicide 2019; Global and regional 2013], что вызвано системной гендерной дискриминацией по отношению к женщинам [Общая рекомендация КЛДЖ № 19 1992]. Высокий риск подвергнуться домашнему насилию в чрезвычайных условиях сделал период пандемии особенно опасным для женщин. В феврале 2020 г. в китайской провинции Ухань, где меры карантина были наиболее строгими, количество сообщений в полицию о случаях домашнего насилия выросло более чем в 3 раза по сравнению с февралем 2019 г. Во Франции только за первую неделю карантина в конце марта Национальная жандармерия зафиксировала рост обращений из-за домашнего насилия на 32% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Примерно с таким же ростом случаев домашнего насилия столкнулись Великобритания, Испания, Греция, Канада, США и многие другие страны [Mlambo-Ngcuka 2020].

В статье исследуются не только новые факторы риска, приводящие к росту домашнего насилия, их взаимосвязь с мерами, принимаемыми разными странами для сдерживания пандемии, но и анализируется реакция государств на обострение проблемы домашнего насилия в период COVID-19.

Новые факторы риска для пострадавших от домашнего насилия

В кризисных условиях женщины, пострадавшие от домашнего насилия, столкнулись с большим количеством новых факторов, ухудшающих их положение. Эти факторы в той или иной степени были выявлены во всех стра-

нах, которые вводили ограничительные меры в период пандемии [Impact of COVID-19 2020]. Особо возрос риск подвергнуться домашнему насилию в период изоляции и карантина. Вынужденное постоянное нахождение в одном жилом помещении вместе с агрессивным партнером или родственником в ситуации стресса и напряженности, вызванных внешними условиями, привели к обострению ситуации и ужесточению случаев насилия [Голубева, Иванов, Троицкий 2020, с. 32–37]. Режимы социального дистанцирования и невозможность свободно покинуть дом повлекли разрыв социальных связей и контактов с другими родственниками и знакомыми, которые могли бы оказать поддержку в ситуации домашнего насилия [Campbell 2020]. Так как пострадавшие были вынуждены постоянно находиться рядом с агрессором, возможности вызвать полицию или обратиться за медицинской помощью по телефону существенно ограничились.

Прекращение работы большинства учреждений и организаций ограничило доступность механизмов государственной защиты, а также получение медицинских, психологических, юридических и социальных услуг [Questions and answers 2020]. Приостановка работы судебной системы также создала барьеры для экстренного разрешения ситуации домашнего насилия (расторжение брака, решение вопросов опеки над детьми и т.п.) [Суды мира 2020].

Санкции, предусмотренные за нарушение режимов карантина, изоляции или социального дистанцирования, с одной стороны, сужают возможности пострадавших от домашнего насилия обратиться за помощью или покинуть свой дом, а с другой – создают для агрессоров дополнительные возможности [COVID-19 и насилие 2020]. Закрытие школ и детских садов привело к тому, что основная нагрузка по уходу за детьми и иной домашний труд также легли на плечи женщин [McLaren, Wong, Nguyen, Mahamadachchi 2020, p. 1–11]. В то же время в условиях пандемии сбор данных о случаях домашнего насилия существенно затруднен, что усложняет для государств разработку и принятие экстренных мер для защиты пострадавших.

Международный опыт поддержки пострадавших от домашнего насилия в период пандемии COVID-19

Рост домашнего насилия по всему миру в период борьбы с пандемией вызвал серьезную обеспокоенность межправительственных организаций. 27 марта специальный докладчик ООН по вопросам насилия в отношении женщин Дубравка Шимонович обратилась к государствам – членам ООН с просьбой принять срочные меры для обеспечения защиты пострадавших от домашнего насилия в период борьбы с коронавирусной инфекцией. Она подчеркнула, что в условиях социальной изоляции возможен рост случаев насилия и убийств в отношении женщин и детей. В качестве основных проблем,

ведущих к ухудшению ситуации, были названы: ограничение доступа к приютам и социальным службам, сокращение поддержки местных сообществ, возможности вмешательства полиции и ограничение доступа к правосудию, вследствие прекращения работы судов в период пандемии. Докладчица обратила особое внимание на то, что государства должны не только обеспечить доступность существующих мер по защите пострадавших от домашнего насилия (охранные ордера, убежища, горячие линии), но и создавать специальные меры в период кризиса, например возможность обратиться за помощью через онлайн-чаты [Simonović 2020]. Генеральный секретарь Совета Европы также отметила повышение риска насилия и рост числа обращений в кризисные службы [Rejćinović Burić 2020]. 5 апреля 2020 г. Генеральный Секретарь ООН выступил с заявлением о гендерном насилии в период распространения COVID-19, в котором призвал все правительства включить положения о предотвращении насилия в отношении женщин и возмещении ущерба причиненного женщинам, в свои национальные планы борьбы с COVID-19 в качестве одного из основных разделов [Генеральный секретарь призвал 2020]. Комитет ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин указал, что во время пандемии государства-участники обязаны проявлять должную осмотрительность в целях предупреждения и защиты женщин от гендерного насилия и привлечения виновных к ответственности. Страны – участницы Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщины обязаны обеспечить женщинам эффективный доступ к правосудию, в частности к мерам защиты от насилия, медицинской и психосоциальной помощи, приютам и программам реабилитации, в том числе в период пандемии [The Committee 2020].

Домашнее насилие признано одним из самых распространенных нарушений в области прав человека в мире [World report 2002]. После принятия Генеральной Ассамблеей ООН первой резолюции о домашнем насилии в 1985 г. домашнее насилие было признано проблемой, требующей от государств активных действий на международном уровне. С тех пор тема исполнения государствами своих обязательств в области защиты от домашнего насилия поднимается ООН регулярно [The United Nations work 2015].

Согласно данным исследования Всемирного банка «Women, Business and the Law», на 2020 г. более 140 стран мира приняли законы против домашнего насилия [The World Bank 2020]. Международное сообщество заявило, что у человека есть право не подвергаться домашнему насилию, а у государства есть обязательства создавать механизмы профилактики домашнего насилия и защиты пострадавших [Meyersfeld 2010]. Таким образом, к началу пандемии COVID-19 большинство стран мира, пускай и с разным уровнем эффективности, но уже реализовывали систему государственных мер по профилактике насилия в семье. Политика, проводимая государствами в этой области, была

направлена на создание системы мер профилактики, которые включают в себя развитие механизмов межведомственного взаимодействия, обеспечение доступа к психологическим, юридическим и иным социальным услугам, развитие «горячих линий», «телефонов доверия», сетей убежищ и кризисных центров, а также системы мер защиты пострадавших, таких как охранные ордера для жертв насилия, специальные процедуры заявления о насилии, расследования и судебного следствия [Benninger-Budel 2008, p. 300].

Новые условия жизни заставили государства пересмотреть доступность существующих мер защиты и поддержки пострадавших от домашнего насилия. В связи с этим многие страны, откликнувшись на призывы международного сообщества, приняли специальные меры поддержки пострадавших от домашнего насилия, которые были призваны минимизировать те факторы риска, которые принесла пандемия.

Онлайн и офлайн-обращение за помощью

В условиях вынужденной изоляции стало особенно важно обеспечить женщинам возможность безопасного обращения за помощью. Для этих целей правительства ряда государств создали специальные онлайн-сервисы для экстренного обращения в полицию, а также предусмотрели возможность обращения за экстренной помощью через аптеки, продуктовые магазины, такси и службы доставки.

В Испании в официальное мобильное приложение полиции «AlertCops», существовавшее еще до пандемии, была включена специальная SOS-кнопка для пострадавших от домашнего насилия. После ее нажатия данные о геолокации пользователя поступают в ближайший отдел полиции. Также у пользователя есть возможность направить в полицию экстренное аудиосообщение или написать в чат. Португалия приняла решение укрепить потенциал Национальной сети поддержки жертв домашнего насилия и предусмотрела специальный SMS-сервис и электронную почту для экстренных обращений жертв домашнего насилия. Правительством Марокко совместно с Национальным союзом марокканских женщин была создана национальная платформа для подачи жалоб через мобильное приложение. Платформа напрямую связана со службой Национальной безопасности, Королевской гвардией и прокуратурой, куда передаются экстренные сообщения пользователей и данные об их геолокации для обеспечения быстрого реагирования на заявления пострадавших.

В индийском штате Уттар-Прадеш полиция запустила новую горячую линию по вопросам домашнего насилия, каждым случаем обращения на которую занимается женщина-офицер. Полиция Ирландии начала специальную операцию «Фаусисмх», суть которой поддерживать активный контакт с каж-

дой жертвой, ранее обращавшейся по вопросу о насилии в семье. Для установления контакта с пострадавшими привлекались службы социальной защиты, а также специальные подразделения национальной полиции, работающие с потерпевшими.

Франция, Канарские острова, Аргентина и Боливия установили системы сообщения об угрозах для пострадавших в аптеках [Davies, Batha 2020]. Пострадавшие могли прийти или позвонить в аптеку, назвать специальное кодовое слово (во Франции – «Маска № 19», в Аргентине «Красная маска»), после чего работники аптеки передают сигнал в полицию. В Великобритании помимо онлайн-обращения в полицию для жертв домашнего насилия предусмотрели возможность обратиться за экстренной помощью через сотрудников почты и курьеров служб доставки, прошедших необходимую подготовку [Keay 2020].

В период пандемии стало ясно, что традиционные способы обращения за экстренной помощью в полицию, такие как звонок на специальный номер или личное обращение не отвечают потребностям пострадавших женщин и могут быть недоступны. Активное внедрение и развитие онлайн-технологий, а также опосредованных форм обращения за помощью через доступные услуги (магазины, аптеки и т.п.) позволило преодолеть те барьеры, которые возникли после введения ограничительных мер. При этом новые инструменты могут быть полезны и после периода пандемии.

Экстренные убежища, службы поддержки и консультирования

Эпидемия привела к тому, что многие социальные учреждения и кризисные центры для женщин были закрыты на карантин, большинство консультационных услуг переведены в онлайн-режим. В период пандемии было необходимо обеспечить безопасность сотрудников этих организаций, 70% которых составляют женщины. Одновременно резкое увеличение числа пострадавших от домашнего насилия выявило острую потребность в убежищах и приютах, в психологических и юридических консультациях, горячих линиях [Boniol et al. 2019].

Многие страны уже внесли существующие кризисные приюты и убежища в списки учреждений, предоставляющих жизненно необходимые услуги, а также увеличили объемы финансирования существующих организаций, что позволило им работать в период карантина и поддерживать необходимые меры безопасности.

Одной из новых распространенных мер поддержки стало создание временных кризисных жилых помещений для пострадавших. Нередко для размещения пострадавших использовались номера в отелях, которые пустовали

в период карантина. Совместно с организациями гражданского общества власти направили усилия на поддержку работы телефонов доверия, онлайн-консультаций психологов, юристов и социальных работников.

Так, правительство Дании профинансировало 55 кризисных квартир для временного проживания женщин, пострадавших от домашнего насилия. Некоторые консультационные службы для жертв домашнего насилия, включая сеансы групповой терапии, были временно закрыты из-за кризиса, но Национальная горячая линия по вопросам насилия в семье ввела регулярные телефонные консультации для пострадавших, а также открыла электронную почту, чтобы обеспечить доступ к этим услугам на период пандемии.

Для размещения пострадавших от домашнего насилия в период карантина Бельгия, Франция и Грузия арендовали номера в отелях, при этом существующие кризисные центры и убежища в этих странах продолжили свою работу.

Австрия увеличила бюджет на помощь женщинам в кризисной ситуации на 20%, так как столкнулась с тем, что Национальная горячая линия и онлайн-платформа для консультаций пострадавших от домашнего насилия работают на пределе возможностей, из-за резкого роста числа обращений [Promoting and protecting 2020].

В рамках Плана экономического реагирования на COVID-19 правительство Канады выделило 50 млн долл. приютам для пострадавших от домашнего насилия и центрам против сексуального насилия. Было создано 46 экстренных убежищ для поддержки женщин, относящихся к малым коренным народам.

Таким образом, государствам в период введения ограничительных мер приходилось решать сложные задачи. С одной стороны, эпидемиологическая ситуация требовала закрыть все учреждения, где проходит личный прием граждан, а с другой – рост числа пострадавших от домашнего насилия привел к тому, что именно на эти виды помощи резко увеличился спрос. Учитывая реальную опасность домашнего насилия для жизни и здоровья женщин, государствам приходилось подстраиваться под ситуацию и либо сохранять доступ к существующим кризисным центрам, давая им дополнительное финансирование для обеспечения работы, или создавать новые временные кризисные места для пострадавших, например в отелях и хостелах.

Доступ к правосудию

Меры, применяемые государствами для сдерживания коронавирусной инфекции, повлияли и на работу судебной системы. В период карантина судебные органы приостановили свою работу по большинству дел, а некоторые страны перешли на виртуальный режим работы судов [Management 2020]. Это негативно повлияло на обеспечение своевременного рассмотрения судебных

дел, увеличив продолжительность судебных разбирательств. Эти изменения сильно затронули и женщин, пострадавших от насилия [Ensuring Access 2020]. Многие страны, в том числе Болгария, Турция, Италия, Сербия, Испания, включили дела о домашнем насилии в число тех, слушания по которым должны проводиться в стандартном режиме с соблюдением предусмотренных законом процессуальных сроков, включая дела о выдаче охранных и защитных ордеров, а также дела об аресте нарушителей [Management 2020].

Аргентина и Уругвай решили продлить действие охранных ордеров для пострадавших от домашнего насилия до 60 дней. Правительство Колумбии издало указ, гарантирующий постоянный доступ к службам для пострадавших от домашнего насилия, в том числе юридическим консультациям, помощи полиции и судебных процедур, включая слушания дел.

В Австрии женщины, не имеющие возможности покинуть дом, могут запросить охранный ордер через онлайн-процедуры. В Ливане суды созывают виртуальные судебные заседания для выдачи защитных ордеров пострадавшим от домашнего насилия [COVID-19 and Ending 2020].

Для пострадавших от домашнего насилия доступ к правосудию является одним из важнейших аспектов для обеспечения безопасности [Общая рекомендация КЛДЖ № 33 2015]. От того, как быстро будут приняты защитные меры (охранные и защитные ордера) или введена ответственность, напрямую зависит благополучие пострадавших. Своевременная работа судебной системы позволяет минимизировать риск повторения насилия в отношении женщин со стороны партнеров или родственников. Ограничивая работу судов, государствам пришлось отдавать приоритет в рассмотрении дел наиболее срочным случаям. В связи с этим включение дел о домашнем насилии в число тех, которые продолжают рассматривать (очно или онлайн) суды, было возможно только там, где уже имелась соответствующая законодательная база и ранее были созданы судебные механизмы защиты пострадавших от домашнего насилия.

Разрешение нарушать карантин

Большинство стран мира ввели строгие санкции за нарушение карантина и правил изоляции [Как в разных странах 2020]. Угроза наказания за нарушение законов о карантине может стать серьезным препятствием для женщин, находящихся в ситуации насилия. Страх привлечения к ответственности вынуждает женщин оставаться в доме вместе со своими обидчиками даже в ситуации угрозы для жизни или здоровья.

В Испании, где были приняты чрезвычайно строгие санкции за нарушение карантина, правительство заявило, что женщины, которые покидают свой дом, чтобы сообщить о домашнем насилии, не будут оштрафованы. Полиция

Великобритании также сообщила о том, что жертвы домашнего насилия не будут наказаны за нарушение правил карантина.

Отказ от привлечения к ответственности за нарушение карантинных правил демонстрирует, что государства со всей серьезностью относятся к проблеме домашнего насилия и адекватно оценивают степень опасности этого явления. Нарушение карантина или иных ограничительных мер женщинами в связи с ситуацией домашнего насилия не представляет такой степени общественной опасности, как само насилие.

Информирование

Информирование пострадавших от домашнего насилия о том, где и какую помощь они могут получить в новых условиях, не менее важно, чем создание мер поддержки. Вовремя предоставленная информация помогает пострадавшим сориентироваться в своей личной ситуации и с большей уверенностью предпринять усилия для ее разрешения. Учитывая, что в период пандемии работа многих служб изменилась, особенно важно, чтобы люди получали достоверную и актуальную информацию. Одним из самых простых способов распространения информации стал Интернет, но и офлайн-ресурсы не потеряли своей актуальности.

Федеральное управление Швейцарии по вопросам гендерного равенства инициировало кампанию по повышению осведомленности о проблеме домашнего насилия в период вспышки коронавируса в социальных сетях, а женские неправительственные объединения разработали информационные плакаты о существующих службах и горячих линиях для пострадавших, которые разместили в подъездах и лифтах домов [Protection against 2020]. Австрийские службы распространили листовки с информацией для жертв домашнего насилия в супермаркетах. Испания опубликовала Руководство для женщин, которые подвергаются насилию в семье в период эпидемии COVID-19, а также запустило круглосуточную чрезвычайную горячую линию и электронную почту, где можно узнать обо всех доступных услугах и службах поддержки для жертв домашнего насилия [Estamos contigo 2020].

Таким образом, ограничительные меры, принятые в связи с распространением коронавируса, с одной стороны, привели к росту случаев домашнего насилия, а с другой – ограничили доступ пострадавших к существующим услугам и мерам поддержки. В связи с этим государствам приходилось изменять форму предоставления помощи или создавать новые инструменты. В первую очередь активно использовались возможности интернет-технологий: от обращения за экстренной помощью в полицию и иные службы до рассмотрения судебных дел по видеоконференцсвязи, перевод психологических, юридических и иных услуг в онлайн, распространение в Интер-

нете информации о новых формах оказания помощи. Прогрессивным выходом из ситуации также стало привлечение к помощи доступных в период пандемии служб и организаций, работа которых изначально не связана с проблемами домашнего насилия, таких как продуктовые магазины, аптеки, почты, отели и хостелы. В то же время международный опыт показывает, что все новые формы и методы оказания помощи были созданы на базе уже существующих механизмов поддержки пострадавших от домашнего насилия и накладывались на уже устоявшуюся систему работы государственных служб в этой области.

Защита пострадавших от домашнего насилия в период пандемии COVID-19 в России

В России проблема домашнего насилия стала одной из самых дискуссионных за последние несколько лет [Мезенцева 2019]. Согласно данным опроса ВЦИОМ, 78% россиян считают, что домашнее насилие является важной проблемой для нашей страны, при этом 90% опрошенных придерживаются мнения, что домашнее насилие недопустимо [Всероссийский опрос 2019]. Россия, как последняя страна Совета Европы, в которой до сих пор не принят закон против домашнего насилия, многократно подвергалась критике международного сообщества в связи с отсутствием эффективных мер по защите жертв насилия в семье. Комитет ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в своих Заключительных замечаниях [Заключительные замечания КЛДЖ 2010] и прецедентной практике [Мнения КЛДЖ № 100/2016] многократно призывал Россию принять специальный закон против домашнего насилия, создать механизм межведомственного взаимодействия всех необходимых специалистов и регулярно проводить их профессиональную подготовку, развивать службы помощи и систему кризисных центров, ввести меры защиты от преследования и повторения насилия для пострадавших, включая охранные ордера, а также собирать объективные статистические данные по всей стране. Европейский суд по правам человека в деле *Володина против России* [Постановление ЕСПЧ 2019] также признал, что Россия не исполняет своих обязательств по профилактике домашнего насилия, защите пострадавших, эффективному расследованию и наказанию преступлений в этой сфере.

В конце марта – начале апреля 2020 г. по всей России региональные власти ввели режим повышенной готовности из-за угрозы распространения коронавируса, предписывающий временное закрытие большинства предприятий, запрещающий свободно перемещаться по городу, обязывающий граждан соблюдать карантин или находиться на самоизоляции в своем доме, покидая его только при наличии определенных оснований (поход в ближайший магазин за

продуктами, вынос мусора, выгул домашних животных не более чем в 100 м от дома). Самые строгие меры были приняты в Москве и Московской области, где с 13 апреля 2020 г. большинству граждан, чтобы отойти от дома дальше, чем в ближайший продуктовый магазин, требовался цифровой пропуск, который нужно было получить заранее.

Как и во многих других странах, российские НКО, работающие с пострадавшими от домашнего насилия, уже фиксируют рост обращений за помощью. Количество звонков, поступивших на Всероссийский телефон доверия для женщин Центра «Анна» (8-800-7000-600), в марте 2020 г. выросло почти на 24%, а к маю рост числа обращений составил 74%. Количество обращений в женский кризисный центр «Китеж» выросло на 15%. Центр защиты пострадавших от домашнего насилия сообщил, что количество обращений к ним в мае 2020 г. увеличилось на 30%. Уполномоченный по правам человека в России Татьяна Москалькова заявила: «По данным НКО, в период с 10 апреля количество жертв насилия и случаев насилия в семье увеличилось в 2,5 раза. Так, по этим данным, если в марте таких сообщений было 6054, то в апреле таких сообщений поступило более 13 тыс.» [Москалькова сообщила 2020]. В то же время МВД России отрицает рост жалоб на домашнее насилие в период режима повышенной готовности [В МВД и Госдуме 2020].

Работа большинства государственных служб и учреждений была направлена в первую очередь на борьбу с пандемией. В ряде регионов в органах полиции был приостановлен личный прием, изоляторы временного содержания были закрыты на карантин, а сотрудникам полиции была дана установка не задерживать за мелкие правонарушения. Многие медицинские организации, включая травмпункты, были перепрофилированы на борьбу с коронавирусом. В России и раньше отмечали серьезный дефицит кризисных центров и убежищ для женщин, пострадавших от домашнего насилия [Я могу тебя убить 2018], а после объявления режима повышенной готовности во многих регионах, включая Москву [Как работают 2020], Московскую область, Санкт-Петербург, Карелию, кризисные центры были вынуждены приостановить работу и уйти на карантин. Неэффективная работа полиции, сложности получения медицинской помощи, отсутствие доступа к убежищам и кризисным центрам в ситуации, когда в стране изначально не создана система профилактики домашнего насилия, поставили пострадавших от домашнего насилия в особо уязвимое положение.

2 апреля 2020 г. девять российских общественных организаций, работающих с жертвами домашнего насилия, публично обратились к Правительству России и региональным органам власти с призывом принять срочные меры для защиты и помощи пострадавшим от домашнего насилия в условиях карантина и самоизоляции [Домашнее насилие 2020]. Эксперты предложили не привлекать пострадавших от домашнего насилия к ответственности за на-

рушение карантина и самоизоляции, создать координационный центр быстрого реагирования в каждом регионе с горячей линией, куда могли бы обратиться пострадавшие в том числе онлайн, обеспечить достаточное количество мест в убежищах, а там, где их нет, организовать временные центры в гостиницах, общежитиях или других пригодных зданиях. 21 апреля 2020 г. ряд депутатов Государственной думы России обратились к вице-премьеру Татьяне Голиковой с просьбой принять экстренные меры по защите пострадавших от домашнего насилия [Депутаты предложили 2020]. Несмотря на то, что эти обращения были направлены для рассмотрения в различные министерства и ведомства для принятия мер реагирования, на момент написания статьи каких-либо комплексных мер или программ поддержки пострадавших от домашнего насилия не принято. В то же время МВД России ответило на обращение правозащитников, указав, что лица, допустившие нарушения режима самоизоляции в состоянии крайней необходимости, в соответствии с действующим законодательством РФ не подлежат ответственности. На поручение вице-премьера Татьяны Голиковой также отреагировало Минкомсвязь РФ и разместило на справочно-информационном интернет-портале «Госуслуги» информацию, посвященную профилактике домашнего насилия.

В отличие от государственных служб общественные организации, работающие с пострадавшими от домашнего насилия, постарались перестроить свою работу, учитывая новые обстоятельства. Консультационные услуги, группы поддержки, тренинги были переведены в онлайн-режим, к телефонам «горячих линий» добавились консультации с помощью мессенджеров и электронной почты. Так, Сеть взаимопомощи женщин #ТыНеОдна запустила чат-бота в Viber для помощи пострадавшим от насилия. «ИНГО. Кризисный центр для женщин» (Санкт-Петербург), и Кризисный центр «Китеж» (Москва, Московская область) наладили взаимодействие с гостиницами, в которые селили пострадавших от домашнего насилия в период карантина. Всероссийский телефон доверия для женщин 8 800 7000 600, работа которого поддерживается специалистами Информационно-методического центра «Анна», перешел на круглосуточный режим работы. Центр «Насилию.нет» и косметический бренд «Mixit» запустили совместный проект – женщины, позвонившие в колл-центр «Mixit», будут переведены на специалистов «Насилию.нет» сразу после того, как назовут кодовое слово. Российские средства массовой информации также активно отреагировали на проблему домашнего насилия в период пандемии. С 1 апреля по 1 июня 2020 г., согласно данным новостного агрегатора «Яндекс», тема домашнего насилия в период коронавируса упоминалась в более чем 350 новостных сообщениях и освещалась новостными агентствами «Риа. Новости», «Интерфакс», «ТАСС», а также газетами «Коммерсантъ», «Новая газета», «Известия» и другими СМИ.

Ситуация с поддержкой пострадавших от домашнего насилия в период пандемии в России осложнялась отсутствием законодательной базы и отлаженных государственных механизмов в этой области. Более 30 лет в России регулярно предпринимаются попытки принять закон против домашнего насилия, но каждый раз они терпят фиаско. Отсутствие законодательно закрепленного понятийного аппарата, механизмов профилактики домашнего насилия и защиты пострадавших (например, охранных ордеров), системы сбора объективной статистики приводят к тому, что и в обычной жизни пострадавшим от домашнего насилия очень сложно добиться защиты государства. В России, как и в других странах, пандемия коронавируса, а точнее меры, принятые для ее сдерживания, сделали ситуацию пострадавших от насилия в семье еще более сложной. При изначальном отсутствии государственной системы поддержки пострадавших принятие государством каких-либо серьезных эффективных мер профилактики домашнего насилия во время пандемии в короткие сроки было невозможно. Некоммерческие организации, традиционно более мобильные и гибкие в своей работе, смогли быстрее отреагировать на острый кризис. В то же время НКО не имеют достаточных ресурсов для того, чтобы охватить всю территорию страны. При этом традиционно помощь НКО сосредоточена в сфере социального обслуживания (психологическое консультирование, убежища, юридическая поддержка) и не может заменить системный государственный подход, требующий принятия профильного законодательства и создания институциональных механизмов профилактики домашнего насилия и защиты пострадавших.

Заключение

Защита жизни и здоровья граждан является одной из основополагающих обязанностей государства перед своими гражданами. В период распространения коронавирусной инфекции большинство стран мира прикладывают большие усилия для ее сдерживания с тем, чтобы защитить свое население. Практически перед всеми государствами, пострадавшими от пандемии, стояла также задача защиты и поддержки особо уязвимых категорий населения. Поддержка жертв домашнего насилия, которые столкнулись с еще большими рисками и сложностями, потребовали от государств создания особых мер защиты и поддержки, учитывающих новые реалии. Обзор международного опыта по созданию мер поддержки пострадавших от домашнего насилия показывает, что государства, в которых была создана система профилактики домашнего насилия, активно принимали дополнительные меры поддержки пострадавших в период пандемии. Чаще всего эти меры были связаны с переводом большинства услуг для пострадавших в онлайн-режим, широкое информирование и создание специальных дополнительных мест в убежищах.

Россия оказалась одной из самых неподготовленных для защиты пострадавших от домашнего насилия стран. Учитывая широкомасштабную общественную дискуссию о проблеме домашнего насилия в России, государству все тяжелее игнорировать эту тему. Несмотря на то, что Правительство России публично отреагировало на обострение ситуации домашнего насилия в период COVID-19 и поставило перед министерствами и ведомствами задачу принять меры по исправлению ситуации, отсутствие каких-либо системных действий в этой области показывает, что государство на данный момент не готово прилагать каких-либо значимых усилий для поддержки и защиты пострадавших от домашнего насилия.

Библиография

Алехин А.Н., Дубинина Е.А. Пандемия: клинико-психологический аспект // Артериальная гипертензия. 2020. № 3. С. 312–316.

В МВД и Госдуме отрицают всплеск домашнего насилия. Данные о росте жалоб «порочат институт семьи» // The Village. 2020. 14 мая. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/380963-ne-veryat-v-nasilie> (дата обращения: 01.07.2020).

Всероссийский опрос «ВЦИОМ Спутник». 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10077> (дата обращения: 01.07.2020).

Генеральный секретарь призвал защитить женщин от эпидемии насилия, сопутствующей распространению COVID-19 // Новости ООН. 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1375602> (дата обращения: 01.07.2020).

Голубева Н.В., Иванов Д.В., Троицкий М.С. Панические расстройства во внутрисемейных отношениях, как последствия воздействия коронавирусной инфекции (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. 2020. № 2. С. 32–37.

Депутаты предложили срочные меры борьбы с домашним насилием на изоляции // РБК. 2020. 22 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5e9f0a669a79478af08dfa86> (дата обращения: 20.06.2020).

Домашнее насилие становится заразным // Коммерсантъ. 2020. 2 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4310901?query=домашнее%20насилие> (дата обращения: 20.06.2020).

Как в разных странах наказывают за нарушение карантина // Коммерсантъ. 2020. 24 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4300631> (дата обращения: 01.08.2020).

Как работают социальные учреждения в условиях карантина: информация на 19 марта // Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы: официальный сайт. 2020. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/3157> (дата обращения: 20.06.2020).

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Общая рекомендация № 19 «Насилие в отношении женщин» // United Nations Human Rights. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec19.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Заключительные замечания на объединенные шестой и седьмой периодические доклады Российской Федерации (CEDAW/C/USR/7) // United Nations Human Rights. 2010. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fUSR%2fCO%2f7&Lang=en (дата обращения: 20.06.2020).

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Мнения в отношении сообщения № 100 / 2016, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультета

тивного протокола (по сообщению № 100 / 2016 по делу X. и Y. против России) // United Nations Human Rights. 2019. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2f73%2fD%2f100%2f2016&Lang=en (дата обращения: 20.06.2020).

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Общая рекомендация № 33, касающаяся доступа женщин к правосудию // United Nations Human Rights. 2015. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fGC%2f33&Lang=ru (дата обращения: 01.07.2020).

Мезенцева Е. «Сама виновата!», или Домашнее насилие в эпоху равенства полов // ТАСС. 2019. 6 августа. URL: <https://tass.ru/opinions/6737525> (дата обращения: 01.07.2020).

Москалькова сообщила о росте количества жалоб на домашнее насилие в период пандемии // Коммерсантъ. 2020. 5 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4336480> (дата обращения: 20.06.2020).

Полиция повернулась к гражданам электронной почтой // Коммерсантъ. 2020. 26 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4302331?fbclid=IwAR0ZVQ3jBAgl78w8C1iBPBOxl58jksDUP1QrBNiQF5smUe7MuA-43QjUeQ> (дата обращения: 20.06.2020).

Постановление Европейского суда по правам человека № 41261/17 от 09.07.2019. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194321> (дата обращения: 20.06.2020).

Суды мира во время пандемии // Верховный суд Российской Федерации: официальный сайт. 2020. 9 апреля. URL: http://www.suprcourt.ru/press_center/news/28842/ (дата обращения: 31.05.2020).

Я могу тебя убить, и никто меня не остановит: Проблема домашнего насилия в России и реакция государства // Human Rights Watch. 2018. Октябрь. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/russia1018ru_web_free2.pdf (дата обращения: 20.06.2020).

COVID-19 и насилие в отношении женщин. Что может сделать сектор / система здравоохранения // Всемирная организация здравоохранения. 2020. 7 апреля. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331699/WHO-SRH-20.04-rus.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

Benninger-Budel C. Due diligence and its application to protect women from Violence. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2008. 300 p.

Boniol M., McIsaac M., Xu L., Wuliji T., Diallo K., Campbell J. Gender equity in the health workforce: analysis of 104 countries. Paper 1 / World Health Organization. March 2019. 8 p. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311314/WHO-HIS-HWF-Gender-WP1-2019.1-eng.pdf?ua=1> (дата обращения: 01.07.2020).

Campbell A. M. An increasing risk of family violence during the Covid-19 pandemic: Strengthening community collaborations to save lives // Forensic Science International: Reports. 2020. Vol. 2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2665910720300384> (дата обращения: 01.07.2020).

Davies S., Batha E. Europe braces for domestic abuse 'perfect storm' amid coronavirus lockdown SWI. 2020. 26 March // Thomson Reuters Foundation. URL: <https://news.trust.org/item/20200326160316-7l0uf/> (дата обращения: 01.07.2020).

Ensuring Access to Justice in the Context of COVID-19 / United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). URL: https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/democratic-governance/access_to_justiceandruleoflaw/ensuring-access-to-justice-in-the-context-of-covid-19-.html (дата обращения: 01.09.2020).

Global Study on Homicide / United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2019. 62 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Booklet_5.pdf (дата обращения: 23.12.2019).

Estamos contigo. Guía de actuación para mujeres que estén sufriendo violencia de género en situación de permanencia domiciliar derivada del estado de alarma por COVID 19. [2020]. 34 p. URL: <https://violenciagenero.igualdad.gob.es/informacionUtil/covid19/GuiaVictimasVGCovid19.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

Impact of COVID-19 on violence against women and girls and service provision: UN Women rapid assessment and findings. 2020. 10 p. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/impact-of-covid-19-on-violence-against-women-and-girls-and-service-provision-en.pdf?la=en&vs=0> (дата обращения: 31.05.2020).

Keay L. Police urge delivery drivers to report signs of domestic violence during visits to homes as forces warn of a rise in incidents during coronavirus lockdown // MailOnline. 2020. 25 March. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8152425/Police-ask-carers-supermarket-delivery-drivers-look-signs-domestic-abuse-coronavirus.html> (дата обращения: 01.07.2020).

Management of the judiciary – compilation of comments and comments by country // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/cepej/compilation-comments-Austria> (дата обращения: 01.07.2020).

McLaren H.J., Wong K.R., Nguyen K.N., Mahamadachchi K.N.D. Covid-19 and Women's Triple Burden: Vignettes from Sri Lanka, Malaysia, Vietnam and Australia // Social Sciences. 2020. Vol. 9. P. 1–11. URL: <file:///C:/Users/Gobsik/AppData/Local/Temp/socsci-09-00087-v2.pdf>

Meyersfeld B. Domestic violence and international law. London: Bloomsbury Publishing. 2010. XXXV, 332 p.

Mlambo-Ngcuka P. Violence against women and girls: the shadow pandemic // UN Women. 2020. 6 Apr. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/4/statement-ed-phumzile-violence-against-women-during-pandemic> (дата обращения: 01.07.2020).

Pejčinović Burić M. COVID-19 crisis: Secretary General concerned about increased risk of domestic violence // Council of Europe. 2020. 30 march. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/covid-19-crisis-secretary-general-concerned-about-increased-risk-of-domestic-violence> (дата обращения: 01.07.2020).

Promoting and protecting women's rights at national level // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/genderequality/promoting-and-protecting-women-s-rights> (дата обращения: 01.07.2020).

Protection against domestic violence guaranteed also during the coronavirus period // The Federal Office for Gender Equality. 2020. 23 march. URL: https://www.ebg.admin.ch/ebg/en/home/the-foge/nsb-news_list.msg-id-78545.html (дата обращения: 01.07.2020).

Questions and answers. Violence against women during COVID-19 // World Health Organization. 2020. 15 Apr. URL: https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/question-and-answers-hub/q-a-detail/violence-against-women-during-covid-19?gclid=Cj0KCQjww_f2BRC-ARIsAP3zarGyvcmYMDvePnUPPgN8ocyAMImczXk0ATOOLJyjacsLZZ0LvgJxHoaAkikEALw_wcB (дата обращения: 01.07.2020).

Simonovic D. States must combat domestic violence in the context of COVID-19 lockdowns – UN rights expert // United Nations Human Rights. [2020]. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25749&LangID=E> (дата обращения: 01.07.2020).

The Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW) // United Nations Human Rights. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/pages/cedawindex.aspx> (дата обращения: 01.07.2020).

The United Nations work on violence against women: Information Note of Division for the Advancement of Women. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/news/unwvaw.html> (дата обращения: 01.07.2020).

The World Bank. Nearly 50% of Economies Can Improve Legal Constraints Related to Marriage // Women, Business and the Law. [2020]. URL: https://wbl.worldbank.org/en/data/exploretopics/wbl_gm (дата обращения: 01.07.2020).

COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/issue-brief-covid-19-and-ending-violence-against-women-and-girls-en.pdf?la=en&vs=5006> (дата обращения: 01.07.2020).

Global and regional estimates of violence against women: prevalence and health effects of intimate partner violence and non-partner sexual violence / World Health Organization. 2013. 50 p. URL: file:///C:/Users/Gobsik/AppData/Local/Temp/9789241564625_eng.pdf (дата обращения: 31.05.2020).

World report on violence and health: summary. Geneva: World Health Organization, 2002. 44 p. URL: https://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/summary_en.pdf?ua (дата обращения: 01.07.2020).

References

Alekhin A.N., Dubinina Ye.A. Pandemiya: kliniko-psikhologicheskii aspekt [Pandemic: clinical and psychological aspect]. Arterial'naya gipertenziya [Arterial hypertension]. 2020. N 3. P. 312–316. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-kliniko-psihologicheskii-aspekt> (date of access: 01.07.2020). (In Russ.)

Benninger-Budel C. Due diligence and its application to protect women from Violence. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2008. 300 p.

Boniol M., McIsaac M., Xu L., Wuliji T., Diallo K., Campbell J. Gender equity in the health workforce: analysis of 104 countries. Paper 1. World Health Organization. March 2019. 8 p. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311314/WHO-HIS-HWF-Gender-WP1-2019.1-eng.pdf?ua=1> (date of access: 01.07.2020).

Campbell A.M. An increasing risk of family violence during the Covid-19 pandemic: Strengthening community collaborations to save lives. Forensic Science International: Reports. 2020. Vol. 2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2665910720300384> (date of access: 01.07.2020).

COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/issue-brief-covid-19-and-ending-violence-against-women-and-girls-en.pdf?la=en&vs=5006> (date of access: 01.07.2020).

COVID-19 i nasiliye v otnoshenii zhenshchin. Chto mozhet sdelat' sektor/sistema zdravookhraneniya [COVID-19 and violence against women. What the health sector/system can do]. Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya [World Health Organization]. 2020. 7 April. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331699/WHO-SRH-20.04-rus.pdf> (date of access: 01.07.2020). (In Russ.)

Davies S., Batha E. Europe braces for domestic abuse 'perfect storm' amid coronavirus lockdown SWI. 26 March 2020. Thomson Reuters Foundation. URL: <https://news.trust.org/item/20200326160316-7l0uf/> (date of access: 01.07.2020).

Deputaty predlozhili srochnyye меры bor'by s domashnim nasiliyem na izolyatsii [Deputies proposed urgent measures to combat domestic violence in isolation]. RBK [PBC]. 2020. Apr. 22. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5e9f0a669a79478af08dfa86> (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Domashneye nasiliye stanovitsya zaraznym [Domestic Violence Becomes Contagious]. Kommersant [Kommersant]. 2020. Apr. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4310901?query=domashneye%20nasiliye> (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Ensuring Access to Justice in the Context of COVID-19. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). URL: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/democratic>

governance/access_to_justiceandruleoflaw/ensuring-access-to-justice-in-the-context-of-covid-19-.html (date of access: 01.09.2020).

Estamos contigo. Guía de actuación para mujeres que estén sufriendo violencia de género en situación de permanencia domiciliaria derivada del estado de alarma por COVID 19. [2020]. 34 p. URL: <https://violenciagenero.igualdad.gob.es/informacionUtil/covid19/GuiaVictimasVGCovid19.pdf> (date of access: 01.07.2020).

General'nyy sekretar' prizval zashchitit' zhenshchin ot epidemii nasiliya, soputstvuyushchey rasprostraneniyu COVID-19 [Secretary General Calls for Protecting Women from the Epidemic of Violence Associated with the Spread of COVID-19]. Novosti OON [UN News]. 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1375602> (date of access: 01.07.2020). (In Russ.)

Global and regional estimates of violence against women: prevalence and health effects of intimate partner violence and non-partner sexual violence. World Health Organization. 2013. 50 p. URL: file:///C:/Users/Gobsik/AppData/Local/Temp/9789241564625_eng.pdf (date of access: 31.05.2020).

Global Study on Homicide. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2019. 62 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Booklet_5.pdf (date of access: 23.12.2019).

Golubeva N.V., Ivanov D.V., Troitskiy M.S. Panicheskiye rasstroystva vo vnutrisemeynykh otnosheniyakh, kak posledstviya vozdeystviya koronavirusnoy infektsii (obzor literatury) [Panic disorder in intrafamilial relationships as a consequence of exposure to coronavirus infection (literature review)]. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]. 2020. N 2. P. 32–37. (In Russ.)

Impact of COVID-19 on violence against women and girls and service provision: UN Women rapid assessment and findings. 2020. 10 p. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/impact-of-covid-19-on-violence-against-women-and-girls-and-service-provision-en.pdf?la=en&vs=0> (date of access: 31.05.2020).

Kak rabotayut sotsial'nyye uchrezhdeniya v usloviyakh karantina: informatsiya na 19 marta [How social institutions work in conditions of quarantine: information as of March 19]. Departament truda i sotsial'noy zashchity naseleniya goroda Moskvy [Department of Labor and Social Protection of the Population of the City of Moscow: official site]. 2020. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/3157> (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Kak v raznykh stranakh nakazyvayut za narusheniye karantina [How different countries are punished for violating quarantine]. Kommersant [Kommersant]. 2020. March 24. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4300631> (date of access: 01.08.2020). (In Russ.)

Keay L. Police urge delivery drivers to report signs of domestic violence during visits to homes as forces warn of a rise in incidents during coronavirus lockdown. MailOnline. 2020. 25 March. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8152425/Police-ask-carers-supermarket-delivery-drivers-look-signs-domestic-abuse-coronavirus.html> (date of access: 01.07.2020).

Komitet po likvidatsii diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin. Obschaya rekomendatsiya N 19 «Nasiliye v otnoshenii zhenshchin» [Committee on the Elimination of Discrimination against Women. General recommendation N 19 «Violence against women»]. United Nations Human Rights. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec19.pdf (date of access: 01.07.2020). (In Russ.)

Komitet po likvidatsii diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin. Mneniya v otnoshenii soobshcheniya N 100/2016, prinyatyye Komitetom v sootvetstviy so punktom 3 stat'i 7 Fakul'tativnogo protokola (po soobshcheniyu № 100/2016 po delu X. i Y. protiv Rossii) [Committee on the Elimination of Discrimination against Women. Views adopted by the Committee under article 7 (3) of the Optional Protocol, concerning communication N 100/2016 (on communication No. 100/2016 in the case of X. and Y. v. Russia)]. United Nations Human Rights. 2019. URL: <https://tbinternet.ohchr.org/>

_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2f73%2fD%2f100%2f2016&Lang=en (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Komitet po likvidatsii diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin. Obshchaya rekomendatsiya N 33, kasayushchayasya dostupa zhenshchin k pravosudiyu [Committee on the Elimination of Discrimination against Women. General Recommendation N 33 on Women's Access to Justice]. United Nations Human Rights. 2015. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fGC%2f33&Lang=ru (date of access: 01.07.2020). (In Russ.)

Komitet po likvidatsii diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin. Zaklyuchitel'nyye zamechaniya na ob'yedinennyye shestoy i sed'moy periodicheskiye doklady Rossiyskoy Federatsii (CEDAW/C/USR/7) [Committee on the Elimination of Discrimination against Women. Concluding observations on the combined sixth and seventh periodic reports of the Russian Federation (CEDAW/C/USR/7)]. United Nations Human Rights. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fUSR%2fCO%2f7&Lang=en (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Management of the judiciary – compilation of comments and comments by country. Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/cepej/compilation-comments-Austria> (date of access: 01.07.2020).

McLaren H.J., Wong K.R., Nguyen K.N., Mahamadachchi K.N.D. Covid-19 and Women's Triple Burden: Vignettes from Sri Lanka, Malaysia, Vietnam and Australia. Social Sciences. 2020. Vol. 9. P. 1–11. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0760/9/5/87>

Meyersfeld B. Domestic violence and international law. London: Bloomsbury Publishing. 2010. XXXV, 332 p.

Mezentseva E. «Sama vinovata!», ili Domashneye nasiliye v epokhu ravenstva polov [«It's her own fault!», Or domestic violence in the era of gender equality]. TASS [TASS]. 2019. 6 August. URL: <https://tass.ru/opinions/6737525> (date of access: 01.07.2020). (In Russ.)

Mlambo-Ngcuka P. Violence against women and girls: the shadow pandemic. UN Women. 2020. 6 Apr. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/4/statement-ed-phumzile-violence-against-women-during-pandemic> (date of access: 01.07.2020).

Moskal'kova soobshchila o roste kolichestva zhalob na domashneye nasiliye v period pandemii [Moskalkova reported an increase in the number of complaints about domestic violence during the pandemic]. Kommersant [Kommersant]. 2020. 5 May. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4336480> (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Pejčinović Burić M. COVID-19 crisis: Secretary General concerned about increased risk of domestic violence. Council of Europe. 2020. 30 march. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/covid-19-crisis-secretary-general-concerned-about-increased-risk-of-domestic-violence> (date of access: 01.07.2020).

Politsiya povernulas' k grazhdanam elektronnoy pochtoy [The police turned to citizens by e-mail] // Kommersant [Kommersant]. 2020. 26 March. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4302331?fbclid=IwAR0ZVQ3jBAgl78w8C1iBPBOx158jksDUP1QrBNiQF5smUe7MuA-43QjUeQ> (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Postanovleniye Evropeyskogo suda po pravam cheloveka N 41261/17 ot 09.07.2019 [Judgment of the European Court of Human Rights N 41261/17 dated 09.07.2019]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194321> (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Promoting and protecting women's rights at national level. Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/genderequality/promoting-and-protecting-women-s-rights> (date of access: 01.07.2020).

Protection against domestic violence guaranteed also during the coronavirus period. The Federal Office for Gender Equality. 2020. 23 March. URL: https://www.ebg.admin.ch/ebg/en/home/the-fogef/nsb-news_list.msg-id-78545.html (date of access: 01.07.2020).

Questions and answers. Violence against women during COVID-19 // World Health Organization. 2020. 15 Apr. URL: https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/question-and-answers-hub/q-a-detail/violence-against-women-during-covid-19?gclid=Cj0KCQjww_f2BRC-ARIsAP3zarGyvcmYMDvePnUPPgN8ocyAMImczXk0ATOOLJyjacsaLZZ0LvGJxHoaAkikEALw_wcB (date of access: 01.07.2020).

Simonovic D. States must combat domestic violence in the context of COVID-19 lockdowns – UN rights expert. United Nations Human Rights. [2020]. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25749&LangID=E> (date of access: 01.07.2020).

Sudy mira vo vremya pandemii [Courts of the world during a pandemic]. Verkhovnyy sud Rossiyskoy Federatsii: oficial'nyj sayt [Supreme Court of the Russian Federation: official site]. 2020. 9 April. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28842/ (date of access: 31.05.2020). (In Russ.)

The Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW). United Nations Human Rights. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/pages/cedawindex.aspx> (date of access: 01.07.2020).

The United Nations work on violence against women: Information Note of Division for the Advancement of Women. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/news/unwvaw.html> (date of access: 01.07.2020).

The World Bank. Nearly 50% of Economies Can Improve Legal Constraints Related to Marriage. Women, Business and the Law. [2020]. URL: https://wbl.worldbank.org/en/data/exploretopics/wbl_gm (date of access: 01.07.2020).

V MVD i Gosdume otritsayut vsplesk domashnego nasiliya. Dannyye o roste zhalob «porochat institut sem'i» [The Interior Ministry and the State Duma deny the surge in domestic violence. Data on the growth of complaints «defame the institution of the family»]. The Village. 2020. May 14. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/380963-ne-veryat-v-nasilie> (date of access: 01.07.2020). (In Russ.)

Vserossiyskiy opros «VTSIOM Sputnik» [All-Russian poll «VTSIOM Sputnik»]. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10077> (date of access: 01.07.2020). (In Russ.)

World report on violence and health: summary. Geneva: World Health Organization, 2002. 44 p. URL: https://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/summary_en.pdf?ua (date of access: 01.07.2020).

Ya mogu tebya ubit', i nikto menya ne ostanovit. Problema domashnego nasiliya v Rossii i reaktsiya gosudarstva [I can kill you and no one can stop me. The problem of domestic violence in Russia and the state's response]. Human Rights Watch. 2018. October. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/russia1018ru_web_free2.pdf (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Н.Л. Туров, М.В. Зотова

**ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ГОСУДАРСТВАХ ДЕ-ФАКТО:
РЕЖИМ ГРАНИЦ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ¹**

***Аннотация.** В статье проанализировано влияние пандемии COVID-19 на государства, их экономику и повседневные практики местных жителей. Проведено сравнение последствий пандемии COVID-19 в шести постсоветских де-факто государствах (ЛНР, ДНР, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье и Нагорном Карабахе), в том числе динамики режима границы и трансформации повседневных практик местных жителей. Особое внимание уделено ситуации в Приднестровье и Абхазии, где осенью 2020 г. были проведены качественные социологические исследования (фокус-группы) с целью выявления изменений в повседневной жизни местного населения в связи с пандемией, в том числе трансформация направлений и мотивов поездок за пределы республик и восприятие сложившейся ситуации.*

Установлено, что пандемии актуализируют внутренние вооруженные конфликты, в том числе из-за секьюритизации границ, ограничивает международные усилия по урегулированию конфликтов. Показано, что государства стали не только более изолированными и испытали на себе кризис системы здравоохранения, но и столкнулись с обострением конфликтов с материнским государством (война в Нагорном Карабахе, столкновения на границе ЛНР и ДНР, пограничные инциденты в Южной Осетии и т.д.). Выявлено, что эпидемия COVID-19 усилила изолированность постсоветских де-факто государств и обострила их зависимость от государств-патронов. Распространение инфекции COVID-19 привело к усилению барьерных функций границ с материнскими государствами, как правило, по инициативе властей де-факто государств, в то время как режим границ с государствами-патронами практически не изменился.

***Ключевые слова:** пандемия; COVID-19; вооруженные конфликты; государства де-факто; Абхазия; Приднестровье; граница; трансграничные практики.*

**Туров Никита Леонидович – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
Россия, Москва.**

¹ М.В. Зотова работала над статьей в рамках темы государственного задания Института географии РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

E-mail: turov@igras.ru
Scopus Author ID: 57199509056
Researcher ID: AAR-3554-2021

Зотова Мария Владимировна – кандидат географических наук,
старший научный сотрудник Института географии РАН (ИГ РАН).
Россия, Москва.
E-mail: zotova@igras.ru
Scopus Author ID: 22939777000
Researcher ID: F-9654-2016

Turov N.L., Zotova M.V. The COVID-19 pandemic in de facto States: Border regimes and everyday

Abstract. *The article analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on de facto states, their economy and the daily practices of residents. The first part of the study examines the impact of infectious diseases on armed conflicts in general. The second compares the effects of the COVID-19 pandemic in six post-Soviet de facto states (LPR, DPR, South Ossetia, Abkhazia, Transnistria and Nagorno-Karabakh), including the dynamics of border regimes and the transformation of everyday practices of residents. Particular attention is paid to the situation in Transnistria and Abkhazia, where qualitative sociological studies (focus groups) were conducted in autumn 2020 to identify changes in the daily life of the local population in connection with the pandemic, including the transformation of directions and motives of trips outside the republics and perception of the current situation.*

It has been established that pandemics actualize internal armed conflicts, including due to border securitization and limit international efforts in conflict settlement. The study shows that not only de facto states have become more isolated and experienced a health-care crisis, but they also faced an aggravation of conflicts with the parent state (war in Nagorno-Karabakh, clashes on the border of the LPR and DPR, border incidents in South Ossetia, etc.). It was identified that the COVID-19 epidemic has facilitated the isolation of post-Soviet de facto states and exacerbated their dependence on patron states. The spread of COVID-19 has led to an increase in the barrier function of borders with parent states, usually at the initiative of the de facto authorities of states, while the border regime with patron states has not changed much.

Keywords: *pandemic; COVID-19; conflicts; de facto States; Abkhazia; Transnistria; borders; transborder practices.*

Turov Nikita Leonidovich – Research Fellow of the Institute
of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: turov@igras.ru
Scopus Author ID: 57199509056
Researcher ID: AAR-3554-2021

Zotova Maria Vladimirovna – Ph.D. in Geography,
Senior Research Fellow of the Institute of Geography
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: zotova@igras.ru
Web of Science Researcher ID: F-9654-2016
Scopus Author ID: 22939777000

Введение: пандемия COVID-19 и вооруженные конфликты

Появившись в конце 2019 г., инфекция COVID-19 быстро превратилась в пандемию, стала не только угрозой общественному здоровью, но оказала влияние на все государства и все сферы человеческой деятельности и вызвала глубокий кризис многих общественных систем. По своей пандемии COVID-19 можно отнести к системным вызовам цивилизационного уровня, которые затрагивают все стороны жизни современного мирового сообщества и характеризуются изменением относительной цены активов, стремительным падением одних сфер (туризм, автомобильная промышленность, пассажирские авиаперевозки, контейнерные перевозки) и ростом других (цифровые индустрии, фармацевтика) [Вымятина 2020; Аузан 2021]. По оценкам МВФ и ЮНКТАД, мировой ВВП в 2020 г. сократился на рекордные 3,5% [World economic outlook 2021, p. 1]. Дефицит государственного бюджета снижает способность государственных институтов полноценно функционировать. Действия правительств, балансирующих между необходимостями соблюдать эпидемиологические требования и поддерживать экономическую активность, уязвимы перед критикой и вызывают протест среди населения [Россия и мир 2021].

Сравнивая данные по предыдущим 57 прецедентам эпидемий, распространявшихся на территории многих стран и континентов, Р. Цензоло и М. Морелли [Censolo, Morelli 2020], утверждают, что: а) правительственные методы борьбы с пандемией, как правило, вступают в противоречие с интересами людей, из-за чего общество начинает отторгать государственные институты; б) эпидемии способствуют усугублению неравенства, так как по-разному влияют на смертность и благосостояние разных слоев общества; в) эпидемии вызывают иррациональные фобии, что может привести к дискриминации отдельных сообществ.

В ходе эпидемий часто усиливается разделение на «своих» и «чужих», когда действия первых приобретают легитимность, а на вторых возлагают вину за кризис. Своеобразными «козлами отпущения», как правило, выступают наиболее бедные или маргинальные слои населения. Например, во вто-

рой холерной пандемии в Соединенных Штатах такую роль играли иммигранты и афроамериканцы [Censolo, Morelli 2020]. Нынешняя пандемия также порождает иррациональные страхи и дискриминацию определенных слоев населения. Однако в распространении коронавируса на начальных стадиях обвинялись не только мигранты, как потенциально опасные переносчики вируса, но и обеспеченные слои населения, активно перемещающиеся по миру. При обвинении целых стран в создании и распространении вируса, страхи проецируются и на их представителей как переносчиков болезни [Dodds et al. 2020]. Подобное наделение определенного сообщества свойствами «носителя вируса» усиливает потенциал возникновения конфликтов.

Анализ индексов готовности к эпидемиям и уязвимости к инфекционным заболеваниям показывает, что многие страны не были готовы к борьбе с крупномасштабной эпидемией. Среди наименее подготовленных к пандемии с высоким индексом уязвимости к инфекционным заболеваниям оказались страны, затронутые гражданскими войнами: Афганистан, Демократическая Республика Конго (ДРК), Гаити, Сьерра-Леоне, Сомали, Южный Судан и Йемен [Moore et al. 2016].

Пандемии в силу глобального масштаба усиливают внутренние конфликты и из-за обострения многих внутренних проблем (безработицы, бедности, низкого уровня здоровья населения). Во-первых, государства становятся более закрытыми, что ограничивает деятельность миротворческих сил и нарушает выработанные механизмы разрешения конфликтов. Во-вторых, пандемия отвлекает внимание международных акторов от регионов с высоким конфликтогенным потенциалом на свои внутренние проблемы [Mustasila 2020]. В-третьих, негативные экономические последствия и ослабление противников открывает возможности для активизации оппозиционных движений [As if the war 2021]. Исследование М. Доу [Daw 2021] в странах с затяжными гражданскими войнами – Ливии, Сирии и Йемене – выявило корреляцию между продолжающимися конфликтами и пандемией COVID-19. Уровень смертности в этих странах в пиковые моменты мог превышать среднемировой в 5 раз.

COVID-19 как новая насущная проблема стал использоваться как правительствами, так и негосударственными субъектами для продвижения своих интересов. Под лозунгом преодоления неблагоприятных последствий правительства пытались усилить контроль над мало(не)контролируемыми территориями, например за счет изменений в распределении благ с целью усиления неравенства с конфликтующим регионом. В Турции неравномерное распределение медицинского оборудования и информирование населения о пандемии COVID-19 исключительно на турецком языке дискриминировало курдское меньшинство [Gurses, Balta, Çelik 2021].

Негосударственные акторы, например повстанческие группы в Сомали [Blanc 2020] и Йемене [Nagi 2020], извлекали свою выгоду, масштабно вербуя уязвимые слои местного населения, обедневшие в результате роста безработицы и сокращения объемов денежных переводов. Однако в результате общего экономического кризиса и падения цен на природные ресурсы в 2020 г. доходы повстанцев, контролирующих и эксплуатирующих месторождения полезных ископаемых, значительно сократились.

Согласно данным информационной базы о конфликтах Университета Уппсалы, с начала пандемии COVID-19 произошло увеличение числа вооруженных конфликтов. Хотя на начальной стадии распространения инфекции некоторые специалисты считали, что число конфликтов должно сократиться из-за снижения боеготовности воюющих сторон [Posen 2020]. Снижение числа конфликтов на начальной стадии развития пандемии могло быть вызвано как призывом Генерального секретаря ООН Антониу Гуттериша в марте 2020 г. прекратить огонь и тем самым способствовать уменьшению распространения COVID-19, так и сокращением потока информации из очагов напряженности. Некоторые стороны, как официальные правительства, так неправительственные вооруженные группы, например Армия национального освобождения в Колумбии, Новая народная армия на Филиппинах, повстанческие группы Северного Альянса в Мьянме объявили о временном прекращении огня в качестве гуманитарного жеста. Однако уже к лету 2020 г. интенсивность вооруженных конфликтов в большинстве стран вернулась к прежнему уровню, а в некоторых случаях возросла [As if the war 2021].

Анализ информации за первые шесть месяцев пандемии показал рост активности вооруженных конфликтов в пяти странах (Индии, Ираке, Ливии, Пакистане и Филиппинах), в первую очередь из-за ослабления государственных институтов, а также снижения внимания к конфликтам международных акторов, что в совокупности привело к активизации повстанцев и позволило им проводить военные действия без реакции [Ide 2021]. В четырех странах (Афганистане, Колумбии, Таиланде и Йемене) интенсивность конфликтов снизилась, что может быть связано с решением вооруженных групп использовать вспышку эпидемии для получения легитимности и общественного одобрения.

В то же время, по данным исследований М. Мерла и П. Тернера [Mehrl, Thurner 2021], пандемия коронавируса не повлияла на число вооруженных конфликтов в мире, заметно изменив только основные очаги напряженности. Количество столкновений уменьшилось в Юго-Восточной Азии, Европе и на Кавказе, но увеличилось на Ближнем Востоке. По опыту предыдущих эпидемий число столкновений несколько снижается на время пандемии из-за концентрации сторон на внутренних проблемах, однако после эпидемии неразрешенные конфликты разгораются с новой силой [Censolo, Morelli 2020].

Пандемия в государствах де-факто

Пандемия служит определенным тестом на жизнеспособность государств, подчеркивая несостоятельность слабых («weak state»). Страны с развитыми государственными институтами обладают необходимым ресурсом для восстановления после серьезных потрясений. В случае дестабилизации работы институтов и предоставления гражданам базовых услуг в области образования, здравоохранения, в том числе вакцинации, и др., государство рискует потерять легитимность. Ослабление позиций государства открывает возможности увеличения легитимности негосударственных акторов, которые стараются заполнить пробелы в управлении и предоставлении различных услуг. Например, ИГИЛ² издавало инструкции о необходимости мытья рук; Хезболла мобилизовала медицинский персонал; вооруженные группировки в Колумбии, Мексике и Бразилии доставляли пакеты гуманитарной помощи и ввели комендантский час, чтобы ограничить распространение вируса; множество вооруженных группировок, выступающих против хуситов в Йемене, раздавали еду в своих общинах [см.: Jackson, Weigand 2020; Yayboke, Graff, Staguhn 2021]. Запуская кампании по профилактике COVID-19 и информированию населения, негосударственные акторы взяли на себя функции, которые обычно выполняют официальные власти.

В отличие от большинства неконтролируемых территорий, над которыми повстанцы нередко осуществляют только частичный контроль, правительства де-факто государств эффективно управляют своими территориями [Колосов, Себенцов, Туров 2021]. Такие политии в целом удовлетворяют основным критериям жизнеспособности полноценных государств, таким как высокая степень экономической самодостаточности, способность поддерживать внутреннюю целостность, выполнять управленческие и социальные функции, и по большому счету отличаются от них только отсутствием внешней легитимности в виде международного признания [см., например, Маркедонов 2021].

Классическими де-факто государствами большинство исследователей [см.: Попов 2015; Заяц 2020; Pegg 1998] считают Республику Косово (РК), Республику Абхазия (РА), Республику Южная Осетия (РЮО), Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР), Нагорно-Карабахскую Республику (НКР), Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК), Республику Сомалиленд (РС). В 2014 г. к этим политиям прибавились Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР). С некоторыми оговорками в этот список включают Китайскую Республику (Тайвань),

2. «Исламское государство» — экстремистская террористическая организация, запрещенная в РФ.

Сахарскую Арабскую Демократическую Республику (САДР), территории Шан и Ва в Мьянме, районы подконтрольные ФАРК в Колумбии.

В 2020 г. распространение эпидемии коронавируса и последующее повсеместное ужесточение режимов границ особенно остро сказались на повседневной жизни населения государств де-факто, обнажив многие внутренние проблемы и противоречия. Большинству де-факто государств, в некоторой степени за исключением Китайской Республики (Тайвань) и Северного Кипра, потребовалась значительная внешняя помощь для преодоления кризиса в области здравоохранения. Сложившаяся ситуация в большинстве случаев была использована в своих интересах как властями непризнанных, так и руководством материнских государств.

Более подробно ситуация была рассмотрена на примере двух постсоветских государств де-факто – Абхазии и Приднестровья, где осенью 2020 г. при участии авторов по единому сценарию с учетом территориальных особенностей и состава населения республик было проведено 13 фокус-групп³. В Абхазии исследования состоялись в Сухуме, в относительно благополучных туристических северо-западных (Гагра) и бедных юго-восточных районах (Очамчира и Гали). В Приднестровье фокус-группы проводились в столичном Тирасполе, Бендерах, расположенных на правом («молдавском») берегу Днестра и имеющих тесные связи с Кишиневом, Рыбнице и Дубоссарами. Среди прочих вопросы касались повседневной жизни населения, частоты, направлений и мотивов поездок за пределы республик, семейных и иных связей с зарубежными странами, влияния пандемии на повседневные практики.

Наравне с другими, весной 2020 г. государства де-факто закрыли свои границы, полностью или частично ограничив мобильность с целью сокращения распространения инфекции. Режим границ, как фактор, так и результат трансграничных взаимодействий, в государствах де-факто отражает их специфику – озабоченность проблемами безопасности, зависимость от государства-патрона, степень вынужденной изоляции и стремление к диверсификации внешних связей. Функции и режим границы зависят не только от двух- или многосторонних отношений между соседними странами, но и от «объективных» потребностей во взаимодействиях, таких как необходимость решения экологических или технологических проблем, возможного только при

3. Группы с представителями молодого и старшего поколения позволили учесть особенности социализации граждан (советский и постсоветский периоды), группы с представителями основных этносов в Абхазии (абхазов, мингрелов, армян и русских, в Приднестровье – русских, украинцев и молдаван) – влияние этнической самоидентификации, отдельные группы с мужчинами и женщинами в Абхазии – фактор гендерных различий.

совместных усилиях, родственных связей жителей приграничных районов [Kolosov, Zotova 2021; Golunov 2021].

Жесткость нового пропускного режима варьируется от максимальной закрытости, как на границах ЛНР и ДНР с Украиной, границах Абхазии и Южной Осетии с Грузией, которые с марта 2020 г. открывались на незначительное время буквально несколько раз, до относительной открытости границ Приднестровской Молдавской республикой (ПМР). В то же время режим работы пропускных пунктов на границах с государством-патроном, хотя и подвергся сильным ограничениям в начале распространения пандемии, потом был восстановлен, хотя и с некоторыми оговорками.

Условия пересечения границы с Россией и линии разграничения с Украиной в народных республиках Донбасса заметно различаются. Российская граница оставалась фактически открытой для всех жителей ЛНР/ДНР, зарегистрированных по месту жительства на неподконтрольной Украине территории, фактически с самого начала пандемии COVID-19. Продолжили работу и все местные пункты пропуска. Однако въезд на территорию ЛНР/ДНР граждан России был существенно ограничен, их пропускали только при наличии близких родственников в ЛНР/ДНР, на похороны близких родственников, для лечения, на работу и учебу при предъявлении соответствующих документов. Если до пандемии граждане третьих стран могли въехать на территорию республик со стороны России без оформления визовых документов при наличии двукратной российской визы, то с марта 2020 г. режим границы был существенно ужесточен, и подобные разрешения были отменены. Изменившиеся обстоятельства развернули трансграничные потоки на границе с Россией. После событий 2014 г. пересекать границу стали в основном жители ДНР и ЛНР, в том числе на ежедневной основе с целью работы и покупки товаров. Согласно опросам DNR LIVE Research, больше всего респондентов, выбирающих российское направление, едут работать в Московский регион (28%), Краснодарский край (15%), Ростовскую область (14%) и Республику Крым (12%) [Наши в РФ... 2016]. В то же время около трети выехавших с начала конфликта вернулись в республики. Основными причинами стали сложность получения патента, проблемы с арендой жилья, снижение доходов (особенно из-за коронакризиса) и семейные обстоятельства. Жители республик, проживающие вблизи границы, превратились в классических фронтальеров, ежедневно пересекающих российскую границу. Основной контингент маятниковых мигрантов составляют мужчины трудоспособного возраста и пенсионеры. Жители ЛНР и ДНР также ездят в Россию за бензином, продуктами, лекарствами и медицинскими услугами (в частности, с целью вакцинации от COVID-19), а также за получением российского гражданства.

В свою очередь линия разграничения ЛНР и ДНР с Украиной протяженностью 450 км приобрела ярко выраженные барьерную и фильтрующую

функции: время ее пересечения достигает 6–8 часов, введены ограничения для многих категорий граждан, регулярно сокращается перечень разрешенных к провозу товаров, ужесточаются проверки, распространена коррупция. Въезд на Украину был возможен только по украинским паспортам через пять пунктов пропуска (четыре в ДНР и один в ЛНР). Если до пандемии около 1 млн человек ежемесячно проходило через пункты пропуска, то после 2020 г. трансграничный поток сократился до 300–500 человек за сутки.

Существенные ограничения коснулись и правил пересечения самой линии разграничения. С марта 2020 г. въезд на Украину из ЛНР и ДНР разрешен только украинским гражданам в режиме «гуманитарного коридора». Для этого им необходим обширный пакет документов: пропуск, выданный СБУ; документ, подтверждающий постоянную регистрацию на неподконтрольной Киеву территории; справка из Миграционной службы Украины; специальное разрешение от Оперативного штаба ДНР или МИД ЛНР. Кроме того, с начала пандемии большинство пунктов пропуска либо закрыты, либо открываются лишь несколько раз в неделю. По мнению международных наблюдателей, местные элиты извлекают выгоду из сложившейся ситуации, зарабатывая на посреднических услугах в оформлении документов, услугах обналичивания социальных пособий и переводов (из-за отсутствия возможности у местного населения получить наличные деньги с российских и украинских счетов), а также взимая дань с перевозчиков, существенно ограничивая пересечение границы с Украиной. Главным следствием принятых на Украине мер стало не столько увеличение потока через российскую границу, сколько существенное усиление изоляции республик. Основные мотивы пересечения линии разграничения – продление регистрации на территории Украины, получение пенсий и пособий, переоформление документов, а также посещение родственников, лечение, малый бизнес, контрабандная деятельность.

Абхазия и Южная Осетия закрыли границу с Грузией сразу после выявления на ее территории первого случая заражения COVID-19 и отвергли помощь в сфере здравоохранения. Дальнейшее развитие эпидемии существенно пошатнуло экономическую состоятельность этих политий. Закрытие границы с Россией в апреле 2020 г. привело к дефициту товаров повседневного спроса и значительному росту цен в Южной Осетии. В условиях двукратного падения валовой добавленной стоимости в промышленном производстве и строительстве российская помощь была крайне важна для поддержания социальной стабильности. Спорадические перекрытия Транскавказской автомагистрали, единственной дороги, связывающей Южную Осетию с внешним миром, нарушали сложившийся порядок хозяйственной деятельности и повседневной жизни в республике. С конца февраля 2020 г. были закрыты и все пункты упрощенного пропуска на границе с Грузией. Она открывалась всего несколько раз по особому распоряжению правительства Южной Осетии, чтобы обеспе-

чить перемещение нескольких граждан в Грузию в связи с форс-мажорными обстоятельствами [Себенцов и др. 2022].

В аналогичном порядке единственный стабильно работающий местный пешеходный пункт пропуска «Ингур(и)» на границе Абхазии и Грузии с конца февраля 2020 г. перешел на режим работы по требованию. В условиях карантина гуманитарный коридор для возвращения временно находящихся в Грузии жителей Абхазии открывался всего четыре раза. Пограничные пункты пропуска на границе с РФ были закрыты с начала апреля по август 2020 г. и открывались только по требованию.

Несмотря на кажущуюся стабильность, пандемия коронавируса изменила ситуацию и в Приднестровье. С середины марта 2020 г. на обоих участках границ ПМР было сокращено число действующих пунктов пропуска: до шести – на границе с Молдовой и до четырех – на границе с Украиной. С приднестровской стороны граница с Молдовой была дополнительно усилена мобильными постами с целью исключения бесконтрольного перемещения граждан. Выезд за пределы Приднестровья без соблюдения последующего режима самоизоляции с марта 2020 г. стал возможен только на срок до 12 часов после предварительного согласования с Оперштабом ПМР по заранее отправленной заявке на выезд. Из 5 тыс. обращений граждан с целью получения разрешения на выезд с марта по август 2020 г. были одобрены только чуть больше 3 тыс. При этом власти Молдавии беспрепятственно пропускали жителей левого берега Днестра. Жесткие решения Тирасполя вызвали критику и официального Кишинева, и простых жителей Приднестровья, которые регулярно ездили на территорию Молдовы с повседневными целями.

Формально пандемия не привела к изменениям режима границ Нагорного Карабаха, так как граница с государством-патроном оставалась открытой, а с Азербайджаном – полностью закрытой. Тем не менее этот случай стал наиболее показательным примером обострения военных конфликтов в условиях пандемии в результате снижения активности международных акторов и ограничения деятельности миротворческих сил в регионе. Возобновившиеся в конце сентября 2020 г. военные действия привели к сокрушительному поражению Нагорно-Карабахской Республики (НКР), введению российских миротворцев, сокращению размера территории, фактически контролируемой властями республики, в 3,6 раза, потере контроля над большей частью сельскохозяйственных земель и системой энергоснабжения, утрате ключевых объектов историко-культурного наследия. После заключения трехстороннего соглашения о прекращении военных действий между главами Армении, Азербайджана и России 10 ноября 2020 г. новые границы Нагорного Карабаха (только с Азербайджаном) контролируются российскими миротворцами. Пересечение границы НКР иностранными гражданами возможно только после получения соответствующего разрешения в МИД НКР и сертификата на

въезд в постоянное представительство Республики Арцах в Ереване [МИД Карабаха... 2021]. Однако дальнейшая реализация внешних угроз и любые непредвиденные подвижки могут серьезно дестабилизировать обстановку.

**«Дальше Днестра – никуда»: Влияние COVID-19
на повседневные практики жителей Приднестровья**

Как правило, граница материнского государства и де-факто государства выполняет барьерные функции. В лучшем случае она представляет собой полосу отчуждения, в худшем – линию фронта. Контакты здесь либо полностью отсутствуют, либо сведены к минимуму. На этом фоне граница, отделяющая ПМР от остальной территории Молдовы, представляет исключительный пример открытости и двусторонней проницаемости. Например, в период значимых социально-экономических градиентов жители Молдовы регистрировались в Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) для получения местных пенсий и социальных пособий. Затем подобные практики трансформировались в досуговые. Например, кишиневцы ездили в Тирасполь болеть за приднестровский футбольный клуб «Шериф», выступающий в европейских турнирах под молдавским флагом. В свою очередь жители ПМР пользовались медицинскими центрами Кишинева. Граница не препятствовала ни маятниковым миграциям, ни сотрудничеству правоохранительных органов, ни проведению единых спортивных соревнований [Бражалович и др. 2017]. Более того, власти Молдовы оказывали определенную помощь местному населению, предлагая различную социальную поддержку, включая образовательные программы.

Борьба с коронавирусом могла стать еще одним фактором сближения правобережной Молдовы и Приднестровья. На начальном этапе распространения коронавируса было налажено сотрудничество между учреждениями здравоохранения двух берегов Днестра. Пробы на COVID-19 отправлялись из Приднестровья на диагностику в молдавскую столицу. Благодаря связям с Молдовой в Приднестровье, единственном из всех постсоветских государств, для борьбы с пандемией использовались пять различных вакцин (Спутник V, AstraZeneca, Pfizer, Sinovac, Sinopharm) [Заяц 2021].

Однако по инициативе властей ПМР, ограничивших пересечение границы республики в апреле 2020 г., выстроенные торгово-экономические и личные связи между сторонами были временно нарушены. Население, занятое на другом берегу и ежедневно пересекающее границу с трудовыми целями, потеряло работу. Стало невозможным ежедневное использование моста между Рыбницей (ПМР) и Резиной (Молдова). Единственным способом сохранить работу в Молдове для приднестровцев остался переход на вахтовый метод. Пандемия также сказалась на деятельности фермеров, которые продавали свою продукцию на молдавских рынках:

«На самом деле ужасно всё. Потому что многие потеряли работу, те кто были в Молдове, а значит и заработок. Проблема приехать и уехать кому-то на работу отсюда. Трудности малого бизнеса, опять-таки, в связи с тем, что невозможно вывезти или завезти товар» [Приднестровье, Рыбница, украинцы].

Ограничение поездок в Молдову также повлияло на уровень обеспеченности жителей Приднестровья медицинскими услугами, так как некоторые их виды (кардиохирургия, протезирование, МРТ и др.), официально переданные системой здравоохранения ПМР на аутсорсинг кишиневским больницам [Vlas 2021], приднестровцы могли получить только в Кишиневе:

«У нас отвратительная медицина и люди, которые болеют какими-нибудь страшными, смертельными болезнями, они не могут выехать и вылечиться. Туда невозможно выехать просто обследоваться. Закупить какие-то лекарства» [Приднестровье, Рыбница, украинцы].

Пандемия усложнила и процесс получения жителями Приднестровья российских пенсий и любых международных переводов, так как банковские карты систем Visa и Mastercard заблокированы на территории республики с 2020 г. Местные жители ежемесячно ездили за наличными в Молдову или Украину. После введения ограничений подобные практики стали недоступны, существенно усложнив повседневную жизнь:

«Ну я-то на фрилансе подрабатываю, мне деньги падают на молдавскую визу, то есть мне выехать на Варницу снять эти деньги – это целая история, это мне в оперштаб надо чуть ли не вгрызться до смерти» [Приднестровье, Бендеры, смешанная группа].

Таким образом, секьюритизация границ заметно изменила привычный образ жизни местного населения и определила наиболее значимые сферы трансграничных практик. Практически все участники проведенных в ПМР фокус-групп подчеркивали усиление изоляции:

«Очень плохо повлияла! Ну, невозможно ехать. Мы недовольны, мы изолированы, мы привыкли ездить [на другую сторону Днестра], обмениваться там, какими-то товарами, продуктами, а сейчас вот как-то совсем грустно, неинтересно» (Приднестровье, Дубоссары, молдаване).

«Надо элементарно съездить к больным родителям, и то нельзя, и это, уже не говоря про работу, про учебу, документы, лечение. Это всё очень трудно и сложно. Я понимаю, что пандемия и должны быть какие-то рамки, но то, что сейчас творится, это переходит через все рамки уже» (Приднестровье, Бендеры, смешанная группа).

Тем не менее даже в условиях пандемии сохранились некоторые возможности для трансграничных взаимодействий. Например, некоторые послабления в правилах пересечения границы были сделаны для фермеров из молдавских сел, имеющих земельные участки на приднестровской территории. Однако привилегированное положение одной группы (молдаване) уси-

ливало напряжение в приднестровском обществе. Как сказал один из участников фокус-групп:

«Они [молдаване] имеют свободное передвижение ... а мы не имеем. Это создает неравные возможности, развивает злобу... При этом, какая разница, молдаванин он, или не молдаванин, а получается, злоба растет к человеку, которому разрешили» (Приднестровье, Дубоссары, молдаване).

**«Это страна туристов, это мандарины – это всё...»:
влияние COVID-19 на жизнь Абхазии**

Из-за ужесточения режима границы с Россией в 2020 г. в Абхазии сильно пострадала туристическая сфера – ключевая для местной экономики (1/3 ВВП страны) [Голунов, Зотова 2021]. Введенные ограничения почти сорвали туристический сезон 2020 г. в республике и парализовали отрасль, так как она ориентирована исключительно на поток российских туристов. Сокращение продолжительности туристического сезона и почти двукратное снижение числа въехавших в республику туристов из-за пандемии сильно ударило по доходам местного населения. Особенно остро это почувствовали жители приграничных с Россией городов, специализирующихся на туризме:

«Перекрыли границу, сразу все почувствовали. За эти 4 месяца, сколько, 4 месяца была граница закрыта? Это хорошо еще питание пропускали, а если бы еще питание не пропускали, совсем было бы...» (Абхазия, Гагра, смешанная группа).

Российские субсидии, составляющие примерно половину государственного бюджета, заметно сократились с началом пандемии. По данным Международной кризисной группы, в 2020 г. Абхазия должна была получить в 2 раза меньшую по объему финансовую помощь (около 140 млн долл. вместо 300 млн долл. в 2012 г.) [The COVID-19 challenge in 2020]. И даже эти выплаты были серьезно задержаны. Сокращение российской поддержки и отсрочку перевода трансфертов в 2020 г. сразу почувствовало местное население – бюджетники несколько месяцев не получали зарплату:

«Экономически мы на низком уровне сейчас. Были такие два месяца, когда правительство не могло выплатить зарплату ни учителям, ни врачам. В связи с пандемией наихудшее было положение» (Абхазия, Гали, мингрелы).

Последствия пандемии привели к серьезному дефициту республиканского бюджета и, соответственно, неготовности властей увеличить расходы на здравоохранение в условиях быстрого распространения инфекции. Нагрузка на систему здравоохранения увеличивалась в том числе из-за отсутствия профилактических мер со стороны местных властей. В связи с тем, что начало пандемии совпало с президентскими выборами, на первых порах правительство было больше озабочено их проведением, важным с точки

зрения легитимизации де-факто государства, чем мерами по борьбе с пандемией и поддержкой населения:

«Послушайте, у нас элементарная пандемия. Где поддержка государства? Где это?» (Абхазия, Сухум, мужчины).

Решение местных властей открыть 1 августа 2020 г. границы с Россией – страной с высокой долей зараженных COVID-19 людей – в связи с экономическими проблемами республики, были позитивно восприняты местным населением:

«Абхазия – страна туризма, и чем больше будет российских туристов на пляжах, тем больше от этого поднимутся, естественно, экономические показатели жителей, которые должны свои семьи кормить...» (Абхазия, Гали, мингрелы).

В 2021 г. республика, наоборот, смогла извлечь выгоду благодаря открытым границам с Россией. Из-за временных отмен авиасообщения с Турцией и ограничений на курортах Краснодарского края (например, необходимости предъявления QR-кодов при заселении в гостиницы с 1 августа 2021 г.) Абхазия стала одним из немногих актуальных направлений пляжного туризма для россиян. По оценкам властей Республики, в 2021 г. туристический поток вырос по сравнению с 2019 г. и составил около 1,5 млн человек (в Абхазию летом 2021).

В свою очередь, полное закрытие границы (линии разграничения) с Грузией с марта 2020 г. отразилось на мингрельском населении Гальского района, тесно связанном с Грузией. Близкие родственные отношения, экономия на покупке более дешевых товаров в Грузии, более качественное медицинское обслуживание, а также получение грузинских социальных пособий побуждают мингрелов к переходу границы в обход официальных пропускных пунктов:

«Мы грузинская часть населения Абхазии, естественно, у нас родня вся находится на той стороне. Мы не можем не поехать туда. Я почему вам сегодня сказал, мы, если у нас родственник умирает в Зугдиди, мы пойдем через границу. Мы пересечем границу, зная, что нас могут арестовать, что нас оштрафуют, что нас побьют» (Абхазия, Гали, мингрелы).

Но даже в условиях пандемии граница не превращается в «линию фронта». Так, в 2020 г. пограничные пункты открывались для пропуска гуманитарной помощи ООН, которую завозили со стороны Грузии. Более того, с 11 февраля 2021 г. через линию разграничения стали пропускать некоторые категории жителей: пенсионеров, многодетные семьи, людей с ограниченными возможностями и нуждающихся в неотложной медицинской помощи. Однако сложность получения разрешения, отсутствие необходимого паспорта и необходимость соблюдать карантин в течение определенного времени после возвращения, часто вынуждает мингрельское население Абхазии нелегально пересекать границу.

Заключение

Динамика конфликтов под влиянием распространения инфекции COVID-19 определяется как текущим уровнем взаимодействия между сторонами, так и реакцией правительств на вирус. Конфликт может препятствовать усилиям по борьбе с пандемией и выступать в качестве катализатора ее распространения. Пандемия привела к дальнейшей эскалации напряженности в большинстве де-факто государств, обнажив уязвимые места сепаратистских территорий и пределы их зависимости от внешней поддержки.

Эпидемия COVID-19 существенно усилила барьерные функции границ с материнскими государствами, чаще всего по инициативе самих де-факто государств. Причины таких решений разные. В том числе они могут быть связаны с желанием властей де-факто государств ограничить расходы граждан в соседних странах в условиях экономического кризиса, а также с опасениями коллапса систем здравоохранения из-за «импорта» инфекции. Кроме того, блокируя передвижения через границы, местные элиты извлекают дополнительную прибыль за счет серых схем и ограничивают отток капитала. Однако подобные решения властей вызывают острое недовольство населения, так как значительные социальные группы лишаются ресурсов для выживания. В свою очередь прекращение связей между непризнанными республиками и их материнскими государствами на длительное время, по какой бы то ни было причине, сильно ограничивает трансграничные взаимодействия и не способствует восстановлению доверия к ним. В конечном счете этот фактор может существенно повлиять на устойчивость политических режимов и жизнеспособность государств де-факто.

Границы же с государствами-патронами в меньшей степени подверглись ужесточению режима. Например, границы Абхазии и Южной Осетии с Россией были открыты уже в конце лета 2020 г., а границы республик Донбасса для выезда в Россию никогда не закрывались. В то же время коронакризис показал критический уровень зависимости постсоветских де-факто государств от государств-патронов. Сокращение финансовой помощи со стороны России и нарушение коммуникаций вызвало огромные трудности у Южной Осетии и Абхазии, вплоть до дестабилизации бюджетной сферы на несколько месяцев. Это свидетельствует о том, что полный обрыв связей с государством-патроном может привести к фактическому краху де-факто государства.

Библиография

- Абхазию летом посетило рекордное число иностранных туристов – Бжания // REGNUM. 2021. 25 окт. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3406312.html> (дата обращения: 22.02.2022).
- Аузан А.А. Глобальные институциональные последствия коронакризиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 1. С. 204–208.

Бражалович Ф.Л., Ключников М.И., Колосов В.А., Павлюк С.Г., Попов Ф.А., Туров Н.Л. Жизнь поверх границ конфликта: Социально-экономические аспекты трансграничного взаимодействия внутри разделенных городов (на примере Бендер и Дубоссар) // Известия РАН. Сер. географическая. 2017. № 3. С. 45–57. URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/565/460> (дата обращения: 22.02.2022).

Вымятина Ю. Что будет с экономикой России после пандемии? Объясняет декан факультета экономики Европейского университета // Собака.ру 2020. 01 мая URL: <https://www.sobaka.ru/nvt/lifestyle/finance/107819> (дата обращения: 22.02.2022).

Голунов С.В., Зотова М.В. Въездной туризм в постсоветских де-факто государствах // Известия РАН. Сер. географическая. 2021. № 5. С. 699–713. URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1409> (дата обращения: 22.02.2022).

Заяц Д.В. Институализированные непризнанные государства на постсоветском пространстве // Социально-экономическая география: История, теория, методы, практика 2021: Сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции с международным участием, Смоленск, 15–17 октября 2021 года. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2021. С. 277–284.

Заяц Д.В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69.

Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. Неконтролируемые территории в современном мире: Теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: Политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 1. С. 23–51.

Маркедонов С.М. Постсоветские де-факто государства: Траектории борьбы за суверенитет // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 12. С. 79–89.

МИД Карабаха представил новые правила въезда для иностранцев // Armenian Report. 2021. 08 февр. URL: <https://armenianreport.com/ru/pubs/272441/> (дата обращения: 22.02.2022).

Наши в РФ: Кто, где и кем? Исследование трудовой эмиграции из ДНР в РФ // DNR Live. Деловой портал. 2016. 26 окт. URL: <https://dnr-live.ru/issledovanie-trudovoy-emigratsii-iz-dnr-v-rf/> (дата обращения: 22.02.2022).

Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: Основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 64–73.

Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. Москва: ИМЭМО РАН, 2021. 130 с.

Себенцов А.Б., Карпенко М.С., Гриценко А.А., Туров Н.Л. Экономическое развитие как вызов для государств де-факто: постконфликтная динамика и видение перспектив в Южной Осетии // Известия РАН. Сер. географическая. 2022. (В печати).

«As if the war was not enough» – Stories of hardship and resilience in times of COVID-19: A report on the pandemic's impact on the protection of people caught up in conflict // International Committee of the Red Cross (ICRC) report. 2021. 07 April. URL: <https://www.icrc.org/en/publication/4531-if-war-was-not-enough-stories-hardship-and-resilience-times-covid-19-report> (дата обращения: 22.02.2022).

Blanc T.B. Somalia and Coronavirus. Coronavirus in conflict zones: A sobering landscape / F. Brown, J. Blanc (eds.). Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2020. 14 April. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/04/14/somalia-and-coronavirus-pub-81532> (дата обращения: 22.02.2022).

Censolo R., Morelli M. COVID-19 and the potential consequences for social stability // Peace economics, peace science and public policy. 2020. Vol. 26, N 3. P. 1–5.

Daw M.A. The impact of armed conflict on the epidemiological situation of COVID-19 in Libya, Syria, and Yemen // *Frontiers in Public Health*. 2021. 11 June. URL: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.667364> (дата обращения: 22.02.2022).

Dodds K. et al. The COVID-19 pandemic: Territorial, political and governance dimensions of the crisis // *Territory, Politics, Governance*. 2020. Vol. 8, Iss. 3. P. 289–298.

Golunov S. Pandemic borders of post-Soviet de facto states // *J. of borderlands studies*. 2021. 20 Jun. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1943495> (дата обращения: 22.02.2022).

Gurses M., Balta E., Çelik A.B. War and peace in the age of corona: an analysis of support for repressive state policies in divided societies // *Turkish Studies*. 2021. 05 Jul. P. 1–23. URL: <https://doi.org/10.1080/14683849.2021.1948331> (дата обращения: 22.02.2022).

Ide T. COVID-19 and armed conflict // *World Development*. 2021. April. Vol. 140. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105355> (дата обращения: 22.02.2022).

Jackson A., Weigand F. New pandemic, same old problems. Centre for the Study of Armed groups report // Overseas Development Institute (ODI). URL: <https://odi.org/en/insights/new-pandemic-same-old-problems-introducing-the-centre-for-the-study-of-armed-groups/> (дата обращения: 22.02.2022).

Kolosov V., Zotova M. «De-facto borders» as a mirror of sovereignty. The case of the post-Soviet non-recognized states // *Historical social research*. 2021. Vol. 46, N 3. P. 178–207.

Mehrl M., Thurner P. The effect of the COVID-19 pandemic on global armed conflict: Early evidence // *Political studies rev*. 2021. Vol. 19, Iss. 2. P. 286–293.

Moore M., Gelfeld B., Okunogbe A., Paul Ch. Identifying future disease hot spots: Infectious disease vulnerability index. Santa Monica (CA): Rand corporation, 2016. 96 p.

Mustasilta K. From bad to worse? The impact(s) of Covid-19 on conflict dynamics // *European Union Institute for Security Studies Briefs*. 2020. 11 June. URL: <https://www.iss.europa.eu/content/bad-worse-impacts-covid-19-conflict-dynamics> (дата обращения: 22.02.2022).

Nagi A. Yemen and coronavirus // *Coronavirus in conflict zones: A sobering landscape* / F. Brown, J. Blanc (eds.). Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/04/14/yemen-and-coronavirus-pub-81534> (дата обращения: 22.02.2022).

Pegg S. De facto states in the international system. Vancouver: University of British Columbia, 1998. 26 p.

Posen B.R. Do pandemics promote peace? // *Foreign Affairs*. 2020. 23 April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-04-23/do-pandemics-promote-peace> (дата обращения: 22.02.2022).

The COVID-19 challenge in post-Soviet breakaway statelets // *International Crisis Group Brief*. 2020. N 89. 20 p. URL: [https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b089-covid-and-statelets%20\(1\).pdf](https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b089-covid-and-statelets%20(1).pdf) (дата обращения: 22.02.2022).

Vlas C. Transnistria's public health system and SARS-CoV-2: The challenges of an unrecognized state facing a global pandemic // *Society and economy*. 2021. Vol. 43, Iss. 3. P. 192–207.

World economic outlook update // *Internationally Monetary Fund (IMF) annual report*. 2021. 41 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update> (дата обращения: 22.02.2022).

Yayboke E., Graff C., Staguin J. Beyond emergency pandemic response // *Center for Strategic and International Studies (CSIS) Briefs*. 2021. 6 p. URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-emergency-pandemic-response-case-prioritizing-peacebuilding-and-conflict-prevention> (дата обращения: 22.02.2022).

References

- Abxaziyu letom posetilo rekordnoe chislo inostranny'x turistov – Bzhaniya [Record number of foreign tourists visited Abkhazia in summer – Bzhaniya] // REGNUM. 2021. 25 Oct. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3406312.html> (date of access: 22.02.2022).
- «As if the war was not enough» – Stories of hardship and resilience in times of COVID-19: A report on the pandemic's impact on the protection of people caught up in conflict // International Committee of the Red Cross (ICRC) report. 2021. 07 April. URL: <https://www.icrc.org/en/publication/4531-if-war-was-not-enough-stories-hardship-and-resilience-times-covid-19-report> (date of access: 22.02.2022).
- Auzan A.A. Global'ny'e institucional'ny'e posledstviya koronakrizisa [Global Institutional Consequences of the Corona Crisis] // Zhurnal Novoj e'konomicheskoy associacii [Journal of the New Economic Association]. 2021. N 1. P. 204–208.
- Blanc T.B. Somalia and Coronavirus. Coronavirus in conflict zones: A sobering landscape / F. Brown, J. Blanc (eds.). Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2020. 14 April. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/04/14/somalia-and-coronavirus-pub-81532> (date of access: 22.02.2022).
- Brazhalovich F.L., Klyuchnikov M.I., Kolosov V.A., Pavlyuk S.G., Popov F.A., Turov N.L. Zhizn' poverx granicz konflikta: Social'no-e'konomicheskie aspekty' transgranichnogo vzaimodejstviya vnutri razdelenny'x gorodov (na primere Bender i Dubossary) [Life beyond the borders of conflict: Socio-economic aspects of cross-border interaction within divided cities (on the example of Bendery and Dubossary)] // Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya. 2017. N 3. P. 45–57. URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/565/460> (date of access: 22.02.2022).
- Censolo R., Morelli M. COVID-19 and the potential consequences for social stability // Peace economics, peace science and public policy. 2020. Vol. 26, N 3. P. 1–5.
- Daw M.A. The impact of armed conflict on the epidemiological situation of COVID-19 in Libya, Syria, and Yemen // Frontiers in Public Health. 2021. 11 June. URL: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.667364> (date of access: 22.02.2022).
- Dodds K. et al. The COVID-19 pandemic: Territorial, political and governance dimensions of the crisis // Territory, Politics, Governance. 2020. Vol. 8, Iss. 3. P. 289–298.
- Golunov S. Pandemic borders of post-Soviet de facto states // J. of borderlands studies. 2021. 20 Jun. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1943495> (date of access: 22.02.2022).
- Golunov S.V., Zotova M.V. V`ezdnoj turizm v postsovetskix de-fakto gosudarstvax [Travel tourism in post-Soviet de facto states] // Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya. 2021. N 5. P. 699–713. URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1409> (date of access: 22.02.2022).
- Gurses M., Balta E., Çelik A.B. War and peace in the age of corona: an analysis of support for repressive state policies in divided societies // Turkish Studies. 2021. 05 Jul. P. 1–23. URL: <https://doi.org/10.1080/14683849.2021.1948331> (date of access: 22.02.2022).
- Ide T. COVID-19 and armed conflict // World Development. 2021. April. Vol. 140. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105355> (date of access: 22.02.2022).
- Jackson A., Weigand F. New pandemic, same old problems. Centre for the Study of Armed groups report // Overseas Development Institute (ODI). URL: <https://odi.org/en/insights/new-pandemic-same-old-problems-introducing-the-centre-for-the-study-of-armed-groups/> (date of access: 22.02.2022).
- Kolosov V.A., Sebenczov A.B., Turov N.L. Nekontroliruemyy'e territorii v sovremennom mire: Teoriya, genezis, tipy', dinamika [Uncontrolled territories in the modern world: Theory, genesis, types, dynamics] // Kontury' global'ny'x transformacij: Politika, e'konomika, pravo [Outlines of global transformations: Politics, economics, law]. 2021. T. 14, N 1. P. 23–51.

Kolosov V., Zotova M. «De-facto borders» as a mirror of sovereignty. The case of the post-Soviet non-recognized states // *Historical social research*. 2021. Vol. 46, N 3. P. 178–207.

Markedonov S.M. Postsovetskie de-fakto gosudarstva: Traektorii bor'by' za suverenitet [Post-Soviet De Facto States: Trajectories of the Struggle for Sovereignty] // *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2021. T. 65, N 12. P. 79–89.

Mehrl M., Thurner P. The effect of the COVID-19 pandemic on global armed conflict: Early evidence // *Political studies rev*. 2021. Vol. 19, Iss. 2. P. 286–293.

MID Karabaxa predstavil novy'e pravila v'`ezda dlya inostrancev [Karabakh MFA presents new entry rules for foreigners] // *Armanian Report*. 2021. 08 Fevr. URL: <https://armenianreport.com/ru/pubs/272441/> (date of access: 22.02.2022).

Moore M., Gelfeld B., Okunogbe A., Paul Ch. Identifying future disease hot spots: Infectious disease vulnerability index. Santa Monica (CA): Rand corporation, 2016. 96 p.

Mustasila K. From bad to worse? The impact(s) of Covid-19 on conflict dynamics // *European Union Institute for Security Studies Briefs*. 2020. 11 June. URL: <https://www.iss.europa.eu/content/bad-worse-impacts-covid-19-conflict-dynamics> (date of access: 22.02.2022).

Nashi v RF: Kto, gde i kem? Issledovanie trudovoj e'migracii iz DNR v RF [Ours in the Russian Federation: Who, where and by whom? Study of labor emigration from the DPR to the Russian Federation] // *DNR Live. Delovoj portal* [Business portal]. 2016. 26 Okt. URL: <https://dnr-live.ru/issledovanie-trudovoy-emigratsii-iz-dnr-v-rf/> (date of access: 22.02.2022).

Nagi A. Yemen and coronavirus // *Coronavirus in conflict zones: A sobering landscape* / F. Brown, J. Blanc (eds.). Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/04/14/yemen-and-coronavirus-pub-81534> (date of access: 22.02.2022).

Popov F.A. Droblenie politicheskogo prostranstva mira: Osnovny'e formy' i sovremennyy'e tendencii [Fragmentation of the Political Space of the World: Main Forms and Current Trends] // *Regional'ny'e issledovaniya* [Regional studies]. 2015. N 2. P. 64–73.

Pegg S. De facto states in the international system. Vancouver: University of British Columbia, 1998. 26 p.

Posen B.R. Do pandemics promote peace? // *Foreign Affairs*. 2020. 23 April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-04-23/do-pandemics-promote-peace> (date of access: 22.02.2022).

Rossiya i mir: 2022. E'konomika i vneshnyaya politika. Ezhegodny'j prognoz / Ruk. proekta A.A. Dy'nkin, V.G. Baranovskij. Moskva: IME'MO RAN, 2021. 130 p.

The COVID-19 challenge in post-Soviet breakaway statelets // *International Crisis Group Brief*. 2020. N 89. 20 p. URL: [https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b089-covid-and-statelets%20\(1\).pdf](https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b089-covid-and-statelets%20(1).pdf) (date of access: 22.02.2022).

Sebenzov A.B., Karpenko M.S., Gricenko A.A., Turov N.L. E'konomicheskoe razvitie kak vy'zov dlya gosudarstv de-fakto: postkonfliktnaya dinamika i videnie perspektiv v Yuzhnoj Osetii [Economic Development as a Challenge for De Facto States: Post-Conflict Dynamics and Perspectives in South Ossetia] // *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya*. 2022. (V pechati).

Vy'myatnina Yu. Chto budet s e'konomikoj Rossii posle pandemii? Ob'yasnyaet dekan fakul'teta e'konomiki Evropejskogo universiteta [What will happen to the Russian economy after the pandemic? Explains the Dean of the Faculty of Economics of the European University] // *Sobaka.ru*. 2020. 01 May URL: <https://www.sobaka.ru/nvr/lifestyle/finance/107819> (date of access: 22.02.2022).

Vlas C. Transnistria's public health system and SARS-CoV-2: The challenges of an unrecognized state facing a global pandemic // *Society and economy*. 2021. Vol. 43, Iss. 3. P. 192–207.

World economic outlook update // International Monetary Fund (IMF) annual report. 2021. 41 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update> (date of access: 22.02.2022).

Yayboke E., Graff C., Staguhn J. Beyond emergency pandemic response // Center for Strategic and International Studies (CSIS) Briefs. 2021. 6 p. URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-emergency-pandemic-response-case-prioritizing-peacebuilding-and-conflict-prevention> (date of access: 22.02.2022).

Zayacz D.V. Institucionalizirovanny'e nepriznanny'e gosudarstva na postsovetskom prostranstve [Institutionalized unrecognized states in the post-Soviet space] // Social'no-e'konomicheskaya geografiya: Istoriya, teoriya, metody', praktika 2021: Sbornik nauchny'x statej VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem [Socio-economic geography: History, theory, methods, practice 2021: Collection of scientific articles of the VII All-Russian scientific conference with international participation], Smolensk, 15–17 oktyabrya 2021 goda. Smolensk: Smolenskij gosudarstvenny'j universitet, 2021. P. 277–284.

Zayacz D.V. Fenomen nepriznanny'x gosudarstv v sovremennom mire [The phenomenon of unrecognized states in the modern world] // Geograficheskaya sreda i zhivy'e sistemy' [Geographical environment and living systems]. 2020. N 1. P. 53–69.

Н.М. Яковлева

ПАНДЕМИЯ КАК КАТАЛИЗАТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПОРТУГАЛИИ

***Аннотация.** После длительного периода социально-экономических невзгод, отягощенных последствиями мирового кризиса 2008–2009 гг., в Португалии наметилась позитивная тенденция развития. С 2015 г. после прихода к власти социалистов во главе с премьер-министром Антониу Коштой в стране установился период стабильности, улучшился международный имидж, что в свою очередь способствовало притоку туристов и росту доходов туристической отрасли. Пандемия COVID-19 внесла определенное своеобразие не только в быт португальцев, но и в политику. В статье анализируются политические процессы, происходившие в Португалии в период пандемии. Особое внимание уделено электоральным перипетиям, так как с конца 2019 г. прошли четыре избирательные кампании – выборы президента республики, в органы местного самоуправления и дважды – в парламент. Одни из парламентских выборов стали внеочередными. Рассматриваются причины, приведшие к непредвиденной ситуации. Отмечается, что все парламентские партии, кроме Социалистической, выступили против правительственного проекта бюджета на 2022 г., а экономический курс властей подвергся резкой критике как справа, так и слева. Внимание оппонентов было привлечено в том числе к недофинансированию национальной системы здравоохранения в условиях пандемии. В статье дается краткая характеристика состояния этой сферы, приводятся данные по санитарно-эпидемиологической ситуации в периоды избирательных кампаний, прослеживаются меры, предпринятые властями по обеспечению безопасности граждан. Показано, что несмотря на повышенную нагрузку на государственные институты и службы жизнеобеспечения власти Португалии смогли достаточно успешно преодолеть возникшие трудности и в целом справились со своими задачами, приняв своевременные и адекватные меры.*

***Ключевые слова:** Португалия; пандемия COVID-19; система здравоохранения; правительственные меры; особенности электорального процесса; результаты выборов.*

**Яковлева Наиля Магитовна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.
Россия, Москва.**

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

Scopus Autor ID – 0000-0003-1707-6901

Web of Science Researcher ID – S-4516-2017

Yakovleva N.M. Pandemic as a catalyst for political processes in Portugal

Abstract. *After a long period of socio-economic hardships, burdened by the consequences of the global crisis of 2008–2009, Portugal has entered a positive development trend. Since 2015, after the Socialists led by Prime Minister Antonio Costa came to power, a period of stability has been established in the country, and the international image has improved, which in turn contributed to the influx of tourists and income growth of the tourism industry. The COVID-19 pandemic has brought certain originality not only to the life of the Portuguese but also to politics. The article analyzes the political processes that took place in Portugal during the pandemic. Special attention is paid to electoral vicissitudes. Since the end of 2019, four election campaigns have been held – for the election of the president of the republic, for local self-government bodies and twice for parliament, some of which have become extraordinary. The reasons that led to an unforeseen situation are considered. It is noted that all parliamentary parties, except the Socialists, opposed the government's draft budget for 2022, and the economic course of the authorities was sharply criticized both from the right and left. The opponents' attention was drawn to the underfunding of the national health system. The article briefly describes the state of this area, provides data on the sanitary and epidemiological situation during election campaigns, and traces the measures taken by the authorities to ensure the safety of citizens. It is shown that despite the increased burden on state institutions and life support services, the Portuguese authorities successfully overcame the difficulties encountered and generally coped with their tasks by taking timely and adequate measures.*

Keywords: *Portugal; COVID-19 pandemic; healthcare system; government measures; electoral process specifics; election results.*

Yakovleva Nailya Magitovna – PhD in History, Leading Researcher of Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru
Scopus Autor ID – 0000-0003-1707-6901
Web of Science Researcher ID – S-4516-2017

Португалия переживала один из наиболее благоприятных моментов современной истории в период, предшествовавший пандемии COVID-19. Страна демонстрировала завидную политическую стабильность на фоне серьезных вызовов, с которыми сталкивались другие члены Евросоюза. Находясь на пороге дефолта всего несколько лет назад, страна смогла достичь наилучших результатов по многим социально-экономическим показателям [Yakovlev 2020]. «Португальский путь» выхода из тяжелейшего кризиса стал изучаться в других странах, модель управления правительства социалистов, пришедших к власти в 2015 г., называли «маленьким чудом в Атлантике» [Social democracy 2018]. Власти Евросоюза приводили Португалию в пример другим членам сообщества, что способствовало активизации деятельности ее

представителей в структурах ЕС. Улучшение международного имиджа способствовало укреплению взаимосвязей с внешнеполитическими партнерами и укреплению электоральных позиций правящей Социалистической партии. Парламентские выборы, состоявшиеся в октябре 2019 г., принесли ей закономерную победу. По итогам выборов, было сформировано XXII правительство во главе с премьер-министром и лидером СП Антониу Коштой¹.

Национальная система здравоохранения накануне пандемии

Вступив в должность, премьер-министр приступил к реализации первоочередных планов. Под давлением оппозиционных сил А. Кошта поставил во главу своего второго мандата задачи адаптации социальной сферы к современным реалиям. Речь шла о разработке реформы трудового законодательства с целью повышения минимальной заработной платы, исторически важного показателя повышения уровня благосостояния португальцев [Primeiro-ministro de Portugal 2019]. Особое внимание властей было приковано к реформе здравоохранения, так как именно национальная система здравоохранения (НСЗ) вызывала наибольшие нарекания общества в сравнении с системами образования и пенсионного обеспечения, несмотря на то, что за последние десятилетия произошел качественный скачок в медицинском обслуживании. Доступ к бесплатной медицине, гарантированный конституцией, получили все жители [Яковлева 2016].

Национальная система здравоохранения финансируется из поступлений в государственный бюджет. До пандемии расходы составляли 9% ВВП, и с таким показателем страна занимала 36-е место в мире [Current health 2022]. Недостаток средств восполняет долевое участие пациентов в покрытии расходов, также развито добровольное страхование, держатели полисов имеют право на налоговый вычет, что способствует росту этого сегмента. Медицинские услуги португальцы получают как в государственных, так и в частных больницах и клиниках. Независимо от формы собственности почти все объекты оборудованы новейшей аппаратурой, отличаются высокой эффективностью лечения и надлежащим качеством ухода.

По оценке Всемирной организации здравоохранения, португальские власти приложили немало усилий для улучшения функционирования НСЗ: вво-

1. Премьер-министр Антониу Кошта (родился в 1961 г. в Лиссабоне) с 2007 по 2015 г. исполнял обязанности мэра столицы, в 2014 г. был избран генеральным секретарем Социалистической партии Португалии, в деятельности которой принимал участие с молодых лет. С 2015 по 2019 г. возглавлял XXI Конституционное правительство.

дили новые формы государственно-частного партнерства, меняли структуру управления больницами, провели насущную фармацевтическую реформу, реорганизовали первичную медико-санитарную помощь, создали сеть долгосрочного ухода [Portugal]. Результатом вышеперечисленных действий стал сравнительно высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни португальцев (80,93 лет, по данным Национального института статистики) [Portugal: Esperança 2020]. В рейтинге Bloomberg Global Health Index, составленном агентством Bloomberg в допандемийном 2019 г. и оценивающим уровень здоровья населения, Португалия заняла 22-е место в мире [These are the World's 2019]. Передовыми направлениями национальной медицины являются онкология, офтальмология, ортопедия, эстетическая хирургия. Отличительная черта – высокий уровень подготовки персонала.

Тем не менее в сложившейся системе оставались нерешенные проблемы, которые активно обсуждались в правительстве, где отрасль курирует Министерство здравоохранения. В программе деятельности XXI кабинета министров (2015–2019) указывалось на приоритет дальнейшего развития этой сферы. В государственном бюджете на 2020 г. был предусмотрен ряд мер, направленных на устранение сохраняющихся в национальной системе здравоохранения недостатков. Среди первоочередных задач назывались увеличение численности клиник, расширение программ подготовки профессионалов, рост финансирования, реструктуризация расходов и т.д. [Orçamento do Estado 2020]. В 2020 г. была создана специальная Комиссия для разработки предложений по реформе НСЗ и планов по ее реализации [Criada].

Путем реформирования НСЗ власти стремились улучшить оказание первичной медико-санитарной помощи, найти оптимальный баланс между бесплатной (государственной) и платной (частной) медициной. Тема неоднократно дебатировалась и в парламенте, где разные политические силы, предлагали свои рецепты реформирования. В разгар этой деятельности на весь мир и Португалию обрушилась пандемия COVID-19.

Действия властей по борьбе с коронавирусом

Пандемия пришла в страну в начале марта 2020 г. Правительство быстро отреагировало на возникшую угрозу и уже 2 марта, когда в стране было чуть более 100 случаев заражения и ни одной летальной жертвы эпидемии, совет министров опубликовал программу противостояния распространению вируса SARS-CoV-2 [Modernização do estado 2020]. Принятие своевременных мер было поддержано другими политическими партиями и обществом. Санитарно-эпидемиологическая ситуация в тот момент еще не требовала введения строгих ограничений. Тем не менее решительность португальских властей

дала хорошие результаты, особенно в сравнении с другими европейскими странами, в частности с соседней Испанией [FAES contrapone 2020]. Все запланированные массовые мероприятия, в том числе культурные и спортивные, были сразу перенесены на другие, более поздние даты. Частично прекращалась работа ресторанов, запрещалось посещение домов престарелых. Многие офисы, учебные заведения перешли на удаленный режим. Решением Епископата было приостановлено проведение месс. Пассажирам круизных лайнеров, за исключением граждан Португалии, не разрешалось выходить на берег. В преддверии туристического сезона принимались дополнительные меры: всех прибывавших на Азорские острова местные власти отправляли на 14-дневный карантин, правительство острова Мадейра временно закрыло порты, пляжи, приостановил работу аэропорт.

Уже 28 апреля 2020 г. президент Марселу Ребелу де Соуза объявил, что Португалия не вернется к введению чрезвычайных мер, учитывая негативное влияние карантина на экономику, однако премьер-министр А. Кошта был более осторожен в прогнозах, признав, что в случае ухудшения санитарно-эпидемиологической ситуации «придется дать задний ход». Разногласия объяснялись тем, что глава кабинета министров несет конкретную ответственность за положение дел в стране, а президент, не вовлеченный в решение практических проблем, мог использовать свой моральный авторитет для генерирования позитивной повестки, в том числе в электоральных целях. Уже 2 мая Португалия приступила к поэтапной нормализации ситуации [Portugal com 1.043 2020]. Казалось, что пандемия отступает. По данным на 1 июля 2020 г. Португалия занимала лишь 36-е место в мире по числу зараженных коронавирусом, потери составляли 1,5 тыс. человек, значительно меньше, чем в других государствах-антилидерах [COVID-19 Dashboard]. Положительная динамика сохранялась и осенью – в начале октября 2020 г. Португалия опустилась на 49-е место в мире по числу инфицированных и удерживала относительно низкий процент летальных исходов [Country overview 2022]. Пик заражений пришелся на середину ноября 2020 г., смертность также стала возрастать (более 70 человек в день против 10 человек в октябре). На фоне ухудшения ситуации 17 декабря совет министров опубликовал коммюнике о введении карантина на период рождественских и новогодних праздников [Comunicado 2020].

В целом можно констатировать, что первый год пандемии португальскому обществу удалось пройти без чрезмерных человеческих потерь, а властям – принять адекватные меры по борьбе с распространением опасного вируса, мобилизовать необходимые службы жизнеобеспечения и приспособить существующую систему здравоохранения к работе в форс-мажорных условиях.

Электоральный процесс на фоне пандемии

Пандемия коронавируса стала проверкой на прочность позиций премьера и правительства, экзаменом на способность к управлению в чрезвычайных условиях. Учитывая, что число голосов, отданных за социалистов 6 октября 2019 г., не превысило и 37% от всех проголосовавших (48,57%) и лишь 17,65% от общего количества избирателей [Eleções legislativas 2019], можно предполагать, что большая часть электората не была удовлетворена итогами их деятельности в предыдущей легислатуре. Этим стремились воспользоваться оппозиционные партии, у которых появились новые поводы для критики власти и дополнительные стимулы для борьбы за избирателя. Особенно выделились союзники А. Кошты – Коммунистическая партия Португалии и партия Левый блок, при поддержке которых он получил мандат премьера в 2015 г., но де-факто отказался от подписания с ними аналогичных партнерских соглашений после победы в октябре 2019 г. Активизация этих радикальных образований и переход к словесной конфронтации с социалистами подтолкнули процессы, вызревавшие в партийном пространстве после фактического отстранения от власти социал-демократов и их союзников из Социал-демократического центра – Народной партии в 2015 г. [Коалиционные правительства 2020, с. 60–67]. Однако, как показали все последующие выборы, тактика леворадикалов оказалась ошибочной, а расчеты на то, что к ним перейдут голоса недовольных правлением социалистов, не оправдались.

В ходе пандемии португальцы оказались перед необходимостью трижды участвовать в выборах разного уровня. При этом изначально в электоральном календаре предусматривалось проведение только очередных выборов президента республики и выборов в местные органы власти. Однако пандемия внесла в календарь коррективы, и электорату неожиданно пришлось посетить избирательные участки в третий раз – осенью 2021 г. президентским указом был распущен национальный парламент и назначена дата проведения внеочередных выборов депутатов².

Президентские выборы (январь 2021 г.)

В соответствии с Конституцией 1976 г. президент республики избирается на пять лет с правом одного переизбрания. После революции 1974 г. состоялось девять президентских кампаний, в ходе которых были избраны пять пре-

2. Законодательную власть в Португалии представляет однопалатный парламент – Ассамблея Республики. Срок одной легислатуры – четыре сессии по году каждая. Парламентские партии участвуют в процедуре согласования с президентом кандидатуры премьер-министра. Другой важной функцией является одобрение программы премьера и принятие государственного бюджета.

зидентов, четверо из которых с успехом подтверждали свой мандат и переизбирались на второй срок. 30 января 2021 г. это же предстояло сделать М. Ребелу де Соузе. И хотя результаты президентских выборов в случае, если действующий глава государства баллотируется на второй срок, обычно бывают предрешены, пандемия вполне могла изменить привычный ход вещей. Электорат, недовольный затянувшими ограничениями, неизбежными во время чрезвычайных ситуаций, мог предъявить счет основному кандидату на пост. Однако сложившаяся традиция не была нарушена: Марселу, как и его предшественники, подтвердил свой успех 2016 г., когда впервые возглавил страну [Испания и Португалия 2017]. Более того, пандемия никак не отразилась на его высокой популярности, он сумел почти на 9% улучшить предыдущий результат (60,7% голосов против 52,0% голосов в 2016 г.), оставив далеко позади всех своих соперников (около 13% у второго кандидата). И это несмотря на то, что в январе 2021 г. практически все показатели по пандемии шли вверх: число зараженных и умерших оказалось максимальным с начала пандемии – более 700 тыс. и 12 тыс. человек соответственно. В данном случае португальцы оценили не столько деятельность Марселу на посту президента, сколько его личные качества, столь необходимые людям в трудные времена – доброжелательность, эмпатию, открытость и искреннее желание помочь людям.

Пандемия отразилась на явке. Исторически так сложилось, что ввиду очевидности результата при перевыборах президента португальские избиратели не спешат голосовать. Но, даже учитывая эту особенность, явка оказалась беспрецедентно низкой – на избирательные участки пришли лишь 39,24% от общего числа имевших права голоса португальцев (10,9 млн человек) [Eleições presidenciais 2021] – абсолютный антирекорд, объясняемый специфическими условиями пандемии.

Выборы в органы местного самоуправления (сентябрь 2021 г.)

Местные выборы, в отличие от президентских, проходили на фоне спада показателей по ежедневным смертности и числу заражений, хотя общие показатели продолжали расти. К принятым ранее мерам добавился эффект массовой вакцинации. Португалия быстро вышла на лидирующие позиции в мире, закрепившись в первой пятерке по числу привитых противовирусными вакцинами, одобренными в ЕС (около 90% населения). Успешно проведенную кампанию вакцинации отнесли к заслугам правительства и премьер-министра. Тем не менее в стране продолжали расти как цифры инфицированных, так и скончавшихся от коронавируса, смертность росла несмотря на все предпринимаемые меры. К середине сентября более 1 млн португальцев ока-

зались в числе зараженных, около 1 млн благополучно выздоровели, около 18 тыс. стали жертвами коронавируса [COVID-19 Dashboard].

Прошедшие 26 сентября 2021 г. выборы принесли ожидаемую победу Соцпартии (34% голосов), представители которой возглавили органы местного самоуправления (муниципалитеты, муниципальные собрания и общины) в более чем трети избирательных округов. Социалисты заметно опередили ближайших соперников из Социал-Демократической партии, получивших 13%, и своих бывших союзников по левой коалиции, едва набравших вместе 12% голосов избирателей [Eleições autárquicas 2021]. Общую благоприятную картину немного подпортили результаты в ряде многомандатных избирательных округов – Лиссабоне, вотчине социалистов с 2007 г., Порту, Браге и других, где кандидаты-социалисты проиграли оппозиции. Комментируя эти результаты, пресса указывала на угрозу доминирования Соцпартии в ближайшем будущем, а аналитики предсказывали возможность укрепления позиций находящейся в кризисе СДП, частично оттеснившей традиционных соперников с постов мэров городов и глав муниципалитетов [Mac Dougall, Marques 2022].

Однако эти волнения быстро улеглись из-за неожиданной развязки парламентских дебатов по проекту государственного бюджета на 2022 год. Осенью, 27–28 октября 2021 г. при обсуждении в Ассамблее республики представленного А. Коштой документа выявились неодолимые разногласия по проводимой правительством экономической политике. Все парламентские партии за исключением социалистов выступили с резкой критикой расходных статей проекта. Коммунисты и Левый блок выразили несогласие с выделенным объемом средств на социальные услуги, в частности на здравоохранение. Речь шла о необходимости реформирования этой сферы, особенно актуального в период пандемии [Orçamento do Estado 2021].

В итоге 117 депутатов проголосовали против проекта, 108 – за и пятеро воздержались, что означало отклонение парламентом правительственного проекта. По конституции (в Португалии полупрезидентская система) в подобной ситуации на политическую сцену выступает президент, который обладает правом роспуска Ассамблеи республики (АР), о чем он и предупредил депутатов, стремясь избежать несвоевременного обострения ситуации. В политической практике страны любая коллизия решается путем консультаций главы государства с «социальными партнерами» – представителями всех парламентских партий, других органов власти, включая премьер-министра. После проведения перечисленных процедур и в отсутствие принципиальных возражений 5 декабря М. Ребелу де Соуза издал декрет о роспуске АР и проведении досрочных выборов депутатов 30 января в строгом соответствии с законами страны [Marcelo decreta 2021]. Вследствие принятого главой государства решения кабинет министров и премьер-министр оставались на постах

до новых назначений. Учитывая исход сентябрьских выборов в органы местного самоуправления, согласие А. Кошты на сценарий досрочных выборов выглядело рискованным. Но, как показали дальнейшие события, в условиях пандемии этот риск «великого иллюзиониста», по определению испанского издания «El País» [Antonio Costa 1915], оказался обоснованным.

Внеочередные выборы законодательной власти (30 января 2022 г.)

В конце 2021 г. пандемическая ситуация в Португалии вновь обострилась в связи с появлением новой разновидности коронавируса SARS-CoV-2, получившего название Омикрон-штамм SARS-CoV-2 или Омикрон. С учетом высокой скорости распространения омикрона были анонсированы дополнительные меры предосторожности помимо таких уже апробированных на предыдущих выборах, как соблюдение социальной дистанции, ношение масок, дезинфекция оборудования и помещений. Например, предусматривалась организация существенно большего числа избирательных участков, в том числе для досрочного голосования за неделю до всеобщих выборов. В условиях пандемии встала необходимость внесения изменений в действующий избирательный закон, в частности о праве на голосование избирателей, находящихся на карантине, самоизоляции или лечении, с использованием мобильных урн. Кроме того, гражданам, пребывающим в самоизоляции, но желающим прибыть лично на избирательные участки, было рекомендовано голосовать в последний час их работы. Таким образом власть пыталась соблюсти баланс между необходимостью обеспечения достаточной явки и защитой избирателей от заражения новым (и старым) штаммами коронавируса. В результате проведения комплекса подготовительных мероприятий количество проголосовавших составило более 52% от всего списочного состава избирателей, что было немаловажно в условиях беспрецедентного за весь пандемийный период взлета числа зараженных новым штаммом коронавируса.

Парламентские выборы состоялись 30 января 2022 г. Накануне почти все опросы общественного мнения показывали, что социалистам не удастся добиться безоговорочной победы и сформировать однопартийное правительство, как этого желал А. Кошта. Предсказывались сценарии новых парламентских альянсов по образцу 2015 г., но уже не с левыми партиями, а с правоцентристами из Социал-демократической партии. Однако после окончательного подсчета голосов неожиданно для многих Соцпартия стала единоличным победителем выборов (более 41% голосов) и получила количество, необходимое для конституционного большинства (116 мандатов). Социал-демократы, мечтавшие преодолеть системный кризис за счет альянса с социалистами и возродить равновесие сил в сложившейся партийной системе,

вновь оказались за бортом управления страной, показав исторически самый низкий в постреволюционный период результат (около 28%) [Eleições legislativas 2022].

Подводя итоги электорального процесса, проходившего в Португалии в 2020–2022 гг., можно констатировать следующее.

- Пандемия коронавируса послужила своеобразным катализатором политических процессов, в первую очередь электоральных. Борьба между политическими оппонентами не стихала даже в условиях пандемии, и каждая сила, преследуя собственные цели, использовала для их достижения уникальность сложившейся ситуации. Наглядным примером стало голосование в Ассамблее республики по проекту государственного бюджета.

- Состоявшиеся выборы разных уровней выявили новые тренды в развитии партийной системы Португалии, свидетельствующие о происходящем в ее недрах процессе неизбежной модернизации и адаптации к вызовам XXI в.

- Бенефициаром происходящих трансформаций стала Социалистическая партия Португалии. Несмотря на локальные неудачи, правящая партия последовательно улучшала свои электоральные позиции и консолидировалась в качестве основного актора национальной политики.

- В то же время очевидно, что падение авторитета Социал-демократической партии, а также ослабление позиций леворадикальных партий являются временным явлением. Процесс обновления партийных элит в левом лагере и рост популярности восходящей партии правых радикалов, а также появление новых образований могут уже к следующему электоральному циклу заметно изменить партийный пейзаж, долгое время характеризовавшийся альтернативой двух центристских партий.

- Политическая система, сформировавшаяся после «Революции гвоздик» 1974 г., подтвердила устойчивость в чрезвычайных обстоятельствах. Безусловным успехом стала демонстрация работоспособности институтов и самоорганизации общества.

- Пандемия COVID-19 не разрушила положительный имидж страны, сформировавшийся в последние годы, укрепила авторитет президента, доказала закономерность мандата премьер-министра А. Кошты и эффективность работы возглавляемых им правительств.

- Пандемия дополнительно высветила как сильные, так и слабые места сложившейся системы здравоохранения и подтвердила необходимость ее реформирования с учетом новой реальности.

Библиография

Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски / Швейцер В.Я. (отв. ред.). М.: Институт Европы, Доклады Института Европы. 2020. 136 с.

Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации. М.: ИЛА РАН, 2016. 260 с.

Antonio Costa, el gran prestidigitador // El País. 2015. 29 Nov. URL: https://elpais.com/internacional/2015/11/27/actualidad/1448624835_235412.html (дата обращения: 03.03.2022).

Comunicado do Conselho de Ministros de 17 de dezembro de 2020 // AHRESP. URL: Comunicado Conselho de Ministros: 17 de dezembro 2020 (ahresp.com) (дата обращения: 03.03.2022).

Country overview report: week 18 2022 // European Centre for Disease Prevention and Control. 2022. 13 May. URL: <https://covid19-country-overviews.ecdc.europa.eu/countries/Portugal.html> (дата обращения: 13.05.2022).

COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // Johns Hopkins. Coronavirus Resource Center. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 01.03.2022).

Criada a Comissão para a Elaboração da Proposta de Reforma da Saúde Pública e Sua Implementação // A Enfermagem e as Leis. URL: <http://www.aenfermagemasleis.pt/2020/02/18/criada-a-comissao-para-a-elaboracao-da-proposta-de-reforma-da-saude-publica-e-sua-implementacao/> (дата обращения: 01.05.2022).

Current health expenditure (% of GDP) // The World Bank. 2022. 30 Jan. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS> (дата обращения: 03.03.2022).

Eleições autárquicas 2021 // SGMAI. Secretaria Geral. Ministerio da Administração Interna. 2021. 26 Sept. URL: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/autarquicas2021/resultados/territorio-nacional> (дата обращения: 03.03.2022).

Eleições legislativas 2019 // SGMAI. Secretaria Geral. Ministerio da Administração Interna. 2019. 06 Out. URL: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/legislativas2019/> (дата обращения: 03.03.2022).

Eleições legislativas 2022. Resultados Globais // SGMAI. Secretaria Geral. Ministerio da Administração Interna. 2022. 30 Jan. URL: <https://www.legislativas2022.mai.gov.pt/resultados/globais> (дата обращения: 03.03.2022).

Eleições presidenciais 2021 // SGMAI. Secretaria Geral. Ministerio da Administração Interna. 2021. 24 Jan. URL: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/presidenciais2021/resultados/globais> (дата обращения: 03.03.2022).

FAES contrapone la buena gestión de Costa a la de Sánchez // EUROPA PRESS. 2020. 29 May. URL: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-faes-contrapone-buena-gestion-costa-sanchez-achaca-diferencia-actitud-izquierda-20200429134459.html> (дата обращения: 03.03.2022).

Mac Dougall D., Marques F. Portugal's snap election: Why now? Who leads the polls? Why does it matter? // Euronews. 2022. 26 Jan. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2022/01/25/portugal-s-snap-election-why-now-who-leads-the-polls-why-does-it-matter> (дата обращения: 03.03.2022).

Marcelo decreta oficialmente a dissolução do parlamento // Diário de Notícias. 2021. 05 Dec. URL: <https://www.dn.pt/politica/marcelo-decreta-oficialmente-a-dissolucao-do-parlamento-14381369.html> (дата обращения: 03.03.2022).

Modernização do estado e da administração pública, trabalho, solidariedade e segurança social e saúde // Diário da República. 2020. 02 Mar. 2.ª série. N 43. URL: https://www.spzn.pt/uploads/documentos/documento_1583195136_7784.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

Orçamento do Estado 2020 // Arquivo.pt. URL: <https://arquivo.pt/wayback/20211119135644/https://www.oe2020.gov.pt/orcamento-estado-2020/> (дата обращения: 03.03.2022).

Orçamento do Estado para 2022 chumbado pelo Parlamento na generalidade // RTP NOTÍCIAS. 2021. 28 Oct. URL: https://www.rtp.pt/noticias/politica/orcamento-do-estado-para-2022-chumbado-pelo-parlamento-na-generalidade_e1358855 (дата обращения: 03.03.2022).

Portugal // World Health Organization. URL: <https://www.euro.who.int/en/countries/portugal> (дата обращения: 03.03.2022).

Portugal com 1.043 mortos e 25.282 infectados por Covid-19 // Diário de Notícias 2020. 03 May. URL: <https://www.dn.pt/2020/5/3/54038-portugal-com-1043-mortos-e-25282-infectados-por-covid-19> (дата обращения: 03.03.2022).

Portugal: Esperança de vida aumenta // Dignus. 2020. 25 Sept. URL: <https://dignus.pt/2020/09/25/portugal-esperanca-de-vida-aumenta/> (дата обращения: 03.03.2022).

Primeiro-ministro de Portugal toma posse prometendo aumento do salário mínimo // EFE. 2019. 26 Oct. URL: <https://www.efc.com/efe/brasil/mundo/primeiro-ministro-de-portugal-toma-posse-prometendo-aumento-do-salario-minimo/50000243-4096386> (дата обращения: 03.03.2022).

Social democracy is floundering everywhere in Europe, except Portugal // The Economist. 2018. 14 Apr. URL: <https://www.economist.com/europe/2018/04/14/social-democracy-is-floundering-everywhere-in-europe-except-portugal> (дата обращения: 03.03.2022).

These are the World's Healthiest Nations // Bloomberg. 2019. 24 Feb. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-24/spain-tops-italy-as-world-s-healthiest-nation-while-u-s-slips> (дата обращения: 03.03.2022).

Yakovlev P.P. Formula de crecimiento: la economía portuguesa después de la Revolución de las Claveles // Ибероамериканские тетради. 2020. Т. VIII. N 3. С. 74–88. URL: C:\Users\User\Downloads\415-495-1-SM.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

References

Koalitsionny'e pravitel'stva v sovremennoj Evrope: shansy' i riski [Coalition governments in modern Europe: chances and risks] / Shvejcer V.Ya. (otv. red.). M.: Institut Evropy [Institute of Europe], Doklady' Instituta Evropy [Reports of the Institute of Europe]. 2020. N 374. 136 p.

Yakovleva N.M. Portugaliya: istoriya politicheskoy modernizatsii [Portugal: the History of political modernization]. M.: ILA RAN, 2016. 260 p.

Antonio Costa, el gran prestidigitador // El País. 2015. 29 Nov. URL: https://elpais.com/internacional/2015/11/27/actualidad/1448624835_235412.html (date of access: 03.03.2022).

Comunicado do Conselho de Ministros de 17 de dezembro de 2020 // AHRESP. URL: Comunicado Conselho de Ministros: 17 de dezembro 2020 (ahresp.com) (date of access: 03.03.2022).

Country overview report: week 18 2022 // European Centre for Disease Prevention and Control. 2022. 13 May. URL: <https://covid19-country-overviews.ecdc.europa.eu/countries/Portugal.html> (date of access: 13.05.2022).

COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // Johns Hopkins. Coronavirus Resource Center. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (date of access: 01.03.2022).

Criada a Comissão para a Elaboração da Proposta de Reforma da Saúde Pública e Sua Implementação // A Enfermagem e as Leis. URL: <http://www.aenfermagemasleis.pt/2020/02/18/criada-a-comissao-para-a-elaboracao-da-proposta-de-reforma-da-saude-publica-e-sua-implementacao/> (date of access: 01.05.2022).

Current health expenditure (% of GDP) // The World Bank. 2022. 30 Jan. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS> (date of access: 03.03.2022).

Eleições autárquicas 2021 // SGMAI. Secretaria Geral. Ministerio da Administração Interna. 2021. 26 Sept. URL: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/autarquicas2021/resultados/territorio-nacional> (date of access: 03.03.2022).

Eleições legislativas 2019 // SGMAI. Secretaria Geral. Ministerio da Administração Interna. 2019. 06 Oct. URL: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/legislativas2019/> (date of access: 03.03.2022).

Eleições legislativas 2022. Resultados Globais // SGMAI. Secretaria Geral. Ministerio da Administração Interna. 2022. 30 Jan. URL: <https://www.legislativas2022.mai.gov.pt/resultados/globais> (date of access: 03.03.2022).

Eleições presidenciais 2021 // SGMAI. Secretaria Geral. Ministerio da Administração Interna. 2021. 24 Jan. URL: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/presidenciais2021/resultados/globais> (date of access: 03.03.2022).

FAES contrapone la buena gestión de Costa a la de Sánchez // EUROPA PRESS. 2020. 29 May. URL: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-faes-contrapone-buena-gestion-costa-sanchez-achaca-diferencia-actitud-izquierda-20200429134459.html> (date of access: 03.03.2022).

Mac Dougall D., Marques F. Portugal's snap election: Why now? Who leads the polls? Why does it matter? // Euronews. 2022. 26 Jan. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2022/01/25/portugal-s-snap-election-why-now-who-leads-the-polls-why-does-it-matter> (date of access: 03.03.2022).

Marcelo decreta oficialmente a dissolução do parlamento // Diário de Notícias. 2021. 05 Dec. URL: <https://www.dn.pt/politica/marcelo-decreta-oficialmente-a-dissolucao-do-parlamento-14381369.html> (date of access: 03.03.2022).

Modernização do estado e da administração pública, trabalho, solidariedade e segurança social e saúde // Diário da República. 2020. 02 Mar. 2.ª série. N 43. URL: https://www.spzn.pt/uploads/documentos/documento_1583195136_7784.pdf (date of access: 03.03.2022).

Orçamento do Estado 2020 // Arquivo.pt. URL: <https://arquivo.pt/wayback/20211119135644/https://www.oe2020.gov.pt/orcamento-estado-2020/> (date of access: 03.03.2022).

Orçamento do Estado para 2022 chumbado pelo Parlamento na generalidade // RTP NOTÍCIAS. 2021. 28 Oct. URL: https://www.rtp.pt/noticias/politica/orcamento-do-estado-para-2022-chumbado-pelo-parlamento-na-generalidade_e1358855 (date of access: 03.03.2022).

Portugal // World Health Organization. URL: <https://www.euro.who.int/en/countries/portugal> (date of access: 03.03.2022).

Portugal com 1.043 mortos e 25.282 infectados por Covid-19 // Diário de Notícias 2020. 03 May. URL: <https://www.dn.pt/2020/5/3/54038-portugal-com-1043-mortos-e-25282-infectados-por-covid-19> (date of access: 03.03.2022).

Portugal: Esperança de vida aumenta // Dignus. 2020. 25 Sept. URL: <https://dignus.pt/2020/09/25/portugal-esperanca-de-vida-aumenta/> (date of access: 03.03.2022).

Primeiro-ministro de Portugal toma posse prometendo aumento do salário mínimo // EFE. 2019. 26 Oct. URL: <https://www.efc.com/efe/brasil/mundo/primeiro-ministro-de-portugal-toma-posse-prometendo-aumento-do-salario-minimo/50000243-4096386> (date of access: 03.03.2022).

Social democracy is floundering everywhere in Europe, except Portugal // The Economist. 2018. 14 Apr. URL: <https://www.economist.com/europe/2018/04/14/social-democracy-is-floundering-everywhere-in-europe-except-portugal> (date of access: 03.03.2022).

These are the World's Healthiest Nations // Bloomberg. 2019. 24 Feb. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-24/spain-tops-italy-as-world-s-healthiest-nation-while-u-s-slips> (date of access: 03.03.2022).

Yakovlev P.P. Formula de crecimiento: la economía portuguesa después de la Revolución de las Claveles // Ибероамериканские тетради. 2020. T. VIII. N 3. C. 74–88. URL: C:\Users\User\Downloads\415-495-1-SM.pdf (date of access: 03.03.2022).

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2022.03.11

Ф. Штеллнер, М.В. Ковалев

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ И СОВЕТИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1945–1948 гг.¹

***Аннотация.** В представленной статье предпринята попытка проанализировать ранний этап советизации чехословацкой высшей экономической школы и экономической науки в период 1945–1948 гг. Хотя Коммунистическая партия Чехословакии еще не обрела в то время всей полноты власти, именно она оказывала решающее влияние на трансформацию образования и науки по советским образцам и примерам. Особое внимание в статье обращено на функционирование конкретных научно-образовательных институций в новых политических условиях. С одной стороны, обрисовывается деятельность прежних высших учебных заведений, например Чешского высшего технического училища и Карлова университета, с другой – делается акцент на создании образовательных институций нового типа. К таковым относилась Высшая политическая и социальная школа, открытая в октябре 1945 г. Чехословацкие коммунисты видели в ней важнейшую площадку для распространения своего идейного влияния.*

Большое место в статье отведено анализу профессорско-преподавательского состава. Было осмыслено положение носителей межвоенных традиций в преподавании и изучении экономики (Карел Энглиш, Йозеф Мацек). Также была проанализирована деятельность новых преподавателей, пользовавшихся покровительством Коммунистической партии (Ладислав Штолл, Феликс Олива). Хотя коммунисты влияли на высшее образование, у них не было достаточного числа сторонников, чтобы монополизировать преподавание экономики. Кроме того, на их пути встали демократические силы, пользующиеся значительной симпатией в преподавательских и студенческих кругах. Только после событий февраля 1948 г. коммунисты получили возможность коренным образом изменить всю систему высшего экономического образования, ориентируясь во многом на советские образцы и примеры.

***Ключевые слова:** Чехословакия; советизация; советско-чехословацкие связи; высшая школа; история экономической науки; Высшая политическая и социальная школа в Праге.*

1. Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых».

Штеллнер Франтишек – доктор исторических наук, профессор,
Карлов университет. Чешская Республика. Прага.
E-mail: frantisek.stellner@ff.cuni.cz
Web of Science Researcher ID: K-6463–2015
ORCID: 0000–0002–8519–8401

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук,
доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН (ИВИ РАН), ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: kovalevmv@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: C-6747–2014
Scopus Researcher ID: 53984354100
ORCID: 0000–0002–4722–818 X

***Stellner F., Kovalev M.V. The Czechoslovak Communist Party and
the Sovietization of the higher economic education in 1945–1948***

Abstract. *This article attempts to analyze the early stage of the Sovietization of the Czechoslovak higher economic school and economic science in the period 1945–1948 was made. Although the Communist Party of Czechoslovakia had not yet gained full power at that time, it had a decisive influence on the transformation of education and science according to Soviet models and examples. The special focus will be on the functioning of specific scientific and educational institutions in the new political factors. On the one hand, the activities of former higher education institutions, such as the Czech Higher Technical School and Charles University, are outlined. On the other hand, emphasis is placed on creating educational institutions of a new type. These included the Higher Political and Social School, which opened in October 1945. The Czechoslovak communists saw it as the most important platform for spreading their ideological influence.*

The focus of the article is the analysis of the academic staff. The position of bearers of interwar traditions in teaching and studying economics was comprehended (Karel Engliš, Josef Macek). The activities of new teachers who enjoyed the patronage of the Communist Party (Ladislav Štoll, Felix Oliva) were also analyzed. Although the communists influenced on higher education, they did not have enough supporters to monopolize the teaching of economics. In addition, democratic forces stood in their way, enjoying considerable sympathy in academic and student circles. Only after the events of February 1948 did the communists get the opportunity to radically change the entire system of higher economic education, focusing mainly on Soviet models and examples.

Keywords: *Czechoslovakia; Sovietization; Soviet-Czechoslovak relations; higher education; history of economics; Higher Political and Social School in Prague.*

**Shtellner František – Doctor of Historical Sciences, Professor,
Charles University, Czech Republic, Prague.
E-mail: frantisek.stellner@ff.cuni.cz
Web of Science Researcher ID: K-6463-2015
ORCID: 0000-0002-8519-8401**

**Kovalev Mikhail Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences (IVI RAN); Leading Researcher,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: kovalevmv@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: C-6747-2014
Scopus Researcher ID: 53984354100
ORCID: 0000-0002-4722-818 X**

В современной историографии существует большой круг исследований, посвященных советизации стран Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны. Преимущественно их авторы сосредоточивались на политических, экономических и культурных вопросах. В меньшей степени изучена проблематика науки и образования, особенно в свете «перекрестной истории» [Werner, Zimmermann 2006; Douki, Minard 2007] разных стран. Советизация представляла собой сложный и многомерный процесс, в который были вплетены не только прямые интересы Москвы, но и интересы разных групп влияния на местах, представленных в первую очередь членами национальных коммунистических партий (см., напр.: [Соби 2015]).

Советизация высшего образования в послевоенной Чехословакии дает наглядное представление о подобных механизмах, особенно в тех случаях, когда речь идет о преподавании дисциплин, неразрывно связанных с идеологическим контекстом. Одной из них была экономика. Советизация высшего экономического образования виделась руководству Коммунистической партии Чехословакии в числе важнейших задач. Новые выпускники должны были в полной мере идентифицировать себя с советской моделью управления экономикой. Советская наука и система высшего образования служили непререкаемыми ориентирами. В справке Иностранного отдела Президиума АН СССР говорилось: «С 1945 г., после окончания оккупации, влияние советской науки могло распространиться гораздо шире, чем до войны, так как Коммунистическая партия возглавляла весь созидательный труд» [Справочный материал о развитии отдельных отраслей науки, л. 69]².

2. Удивительно, что в справках о развитии чехословацкой науки, составленных в начале 1950-х годов, не нашлось места экономике и философии, в то время как другие

Российская историография еще почти не обращалась к советско-чехословацкому трансферу в сфере экономической науки, особенно применительно к тому периоду, когда происходила радикальная ломка и коренная перестройка чехословацкой научной и образовательной инфраструктуры. Российских исследователей, как правило, интересовали внутренние процессы в истории экономической науки и высшего экономического образования указанного периода. Большое внимание привлекала история конкретных учебных заведений, биографии видных ученых или же статус отдельных дисциплин, особенно – политэкономии [Воейков 2012; Воейков 2014; Журавлев, Лазарева 2013; Нуреев, Ореховский 2021; Ракитский 2008; Родионова 2009; Романовский 2010]. Внешние составляющие, включая интеллектуальную экспансию в Восточной Европе в первое послевоенное десятилетие, осмыслены пока недостаточно. Неудивительно, что комплексного анализа советизации экономической науки и экономического образования в странах Восточной Европы, включая Чехословакию, с привлечением российских архивных источников еще никто не проводил³.

Проблематику советизации высшего образования после 1945 г. в Восточном блоке разрабатывал американский историк Д. Коннелли. Он, в частности, ввел термин «самосоветизация» [Connelly 2008, s. 85, 102], желая тем самым подчеркнуть, что далеко не всегда в Чехословакии, Польше или ГДР перестройка прежних интеллектуальных традиций велась по прямому распоряжению из Москвы, и что повсеместно были местные политические силы, инициировавшие и проводившие подобные процессы. После Бархатной революции 1989 г. чешская историография начала интенсивно изучать историю высшей школы в эпоху социализма, включая роль Коммунистической партии. Немало было сделано для понимания функционирования партийных организаций на местах. Проводился микроисторический анализ иерархий и социальных практик администрирования в высшем образовании. В хронологическом плане важное место было уделено периоду «Нормализации», связанному с усилением идеологического контроля и изгнанием несогласных из официальной интеллектуальной сферы.

науки – от зоологии до астрономии, от языкознания и археологии – описаны очень подробно. Правда среди высших учебных заведений упомянута Высшая школа политических и экономических наук в Праге, созданная в октябре 1949 г. В то же время ее деятельность подробно не охарактеризована [Справочный материал о чехословацких научных учреждениях, л. 42].

3. Правда уже имеются примеры изучения аналогичных явлений на опыте других стран, как, например, история с написанием по указанию И.В. Сталина учебного пособия для аполитических школ Вьетнама [Селиванов 2015].

П. Урбашек и Й. Пулец много сделали для изучения моравских высших школ [Kapitoly z dějin univerzitního školství 2003; Urbášek, Pulec 2012]. Они ориентировались на историю отдельных учебных заведений, учебных дисциплин, биографии выдающихся ученых и педагогов. Уделяли они место и анализу студенчества, в особенности его ценностным ориентациям и гражданской активности. Появились глубокие работы о советизации высших школ на примере осмысления изменений методов и содержания обучения [Morkeš 2000]. Если говорить о дисциплинарной направленности исследований, то на фоне большого интереса к истории общественных и гуманитарных наук, экономике уделялось едва ли не самое меньшее внимание. Американский историк К. Альбрехт сосредоточила внимание на деятельности Института экономики Чехословацкой академии наук, оценив воздействие его работы на высшие школы и институционализацию экономической науки советского типа [Albrecht 2000]. Чешская исследовательница А. Долежалова сгруппировала различные материалы в сборник, посвященный преподаванию экономических дисциплин в высших школах. В основном это были популярные очерки и воспоминания [Učíme ekonomii 90 let 2011]. Чешские историки М. Девата и Д. Ольшакова на основе масштабных архивных изысканий подготовили важное исследование о Высшей школе политических и экономических наук [Devátá, Olšáková 2010]. Среди недавних работ необходимо назвать комплексные исследования по истории Высшей экономической школы в Праге, которая возникла на волне советизации и стала своего рода ориентиром для прочих учебных заведений, кузницей кадров для новой коммунистической элиты [Stellner, Soběhart, Szobi, Vochozka, Vokoun 2015; Stellner, Vokoun 2013; Stellner, Szobi 2013; Ковалев, Соби 2022]. Среди других важных работ, хотя и посвященных смежным сюжетам, назовем исследования о философском факультете Карлова университета [Volná K. a kol. 2009; Jareš J. a kol. 2012], книгу М.Э. Голечковой о пражском Университете 17 ноября [Holečková 2019], созданном для обучения студентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки, монографии В. Соммера о партийной историографии 1950–1960-х годов [Sommer 2011] и М. Копечека о марксистской философии и социологии в центральноевропейской сравнительной перспективе [Koreček 2009].

Таким образом, современная историографическая ситуация позволяет ставить целый ряд новых вопросов, в том числе о раннем периоде советизации чехословацкой высшей школы: от окончания Второй мировой войны до февраля 1948 г.

* * *

Коммунистическая партия Чехословакии, которая опиралась, в том числе, на авторитет и силу Советского Союза, оказала решительное воздействие

на развитие страны сразу после 1945 г. Довоенный политический порядок в республике не был восстановлен во многом потому, что некоммунистическое правительство в изгнании во главе с президентом Эдвардом Бенешем рассматривало тесные отношения с СССР в качестве единственного способа обеспечить национальную безопасность. Демократические партии пошли на многочисленные уступки коммунистам и позволили им тем самым подготовиться к захвату власти в феврале 1948 г.

После Второй мировой войны коммунисты приобрели большое влияние на управление чехословацкой экономической наукой и образованием. Образовательную политику партии должен был координировать Отдел культуры и пропаганды ЦК, так называемый «культпроп», а именно – секция культуры и подчиненные ей воспитательная комиссия и научная комиссия. Один из тогдашних коммунистических функционеров, а впоследствии министр иностранных дел, Иржи Гаек⁴ так описал кадровый состав Отдела культуры и пропаганды: «В культпропе того времени отношения между разными отделениями и группами сотрудников были крайне запутанными. Помимо Кольмана там работали старый ветеран Коминтерна Бруно Келер, сохранивший немецкий чешский язык, а также Павел Рейман. Вокруг них толпились молодые люди, отчасти студенты, в основном очень уверенные в себе: Честмир Цисарж, Ота Шик, Любомир Сохор, Владимир Румль, Йиндржих Зеленый, Вилем Фукс, насколько я помню некоторые лица и имена» [Hájek 1997, s. 174; Kaška 2014, s. 98].

Ведущий коммунистический идеолог Арношт Кольман основывал свой авторитет на том, что он принимал участие в Октябрьской революции, был советским коммунистом и гражданином. Выходец из семьи пражского почтового чиновника, в годы Первой мировой войны он был призван в австро-венгерскую армию, в 1915 г. попал в русский плен. Революцию 1917 г. Кольман встретил восторженно, примкнул к большевикам. В 1920-е годы по линии Коминтерна он вел подпольную революционную работу в Европе. Вернулся в Москву в 1930 г., работал в Институте красной профессуры, стал воинствующим борцом за «марксистско-ленинское естествознание» и «идеологическую чистоту» советской науки. Под прицелом его оголтелой критики оказалось немало выдающихся ученых – Л.Д. Ландау, И.Е. Тамм, С.И. Вавилов, Я.И. Френкель и др. Особо сильный удар Кольман нанес по выдающимся математикам – Д.Ф. Егорову и Н.Н. Лузину [Илизаров 1998; Демидов, Есаков 1999]. После Второй мировой войны он вернулся на Родину и взял на себя не только партийные функции. Он был назначен профессором философии и заведующим кафедрой советской философии и истории на философском фа-

4. В те годы он опубликовал ряд официозных работ [Hájek 1945; 1946].

культете Карлова университета [Černý 1992, s. 152–153], заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в Центральной политической школе КПЧ в Праге [Knapík 2000, s. 26, 45; Connolly 2008, s. 64]. Однако Кольман не сыграл значительной роли в развитии экономической науки и образования Чехословакии, к тому же в результате внутрипартийных интриг он был отстранен от дел после 1948 г., возвращен в Москву, где сам подвергся репрессиям [Hájek 1997, s. 176; Knapík 1999, s. 113–126; Knapík 2000, s. 84–85; Kolman 2005, s. 264; Pávodá 2008, s. 103].

По окончании войны у коммунистов явно не хватало лояльных доцентов, которые могли бы привычным способом занять профессорские должности. Опасаясь лишиться влияния в ключевых органах университетского самоуправления (сенат и профессорский совет), они настояли в правительстве на том, чтобы профессорами могли назначаться не только доценты, но также «выдающиеся личности, зарекомендовавшие себя в политической, общественной или журналистской сфере таким образом, что при рассмотрении Академическим сенатом [их кандидатур] остальными требованиями можно было пренебречь» [Urbášek, Pulec 2012, s. 37]. Этот совершенно беспрецедентный подход позволил коммунистам водворить своих идеологов на профессорские должности в университетах. Типичным примером является Феликс Олива, яркий сталинист, ключевой деятель советизации в экономическом образовании, главный представитель марксистско-ленинской политэкономии и один из основателей чехословацкой марксистской экономики. Он родился в 1897 г. в Праге. После окончания Коммерческого училища, он поступил на службу в банк, примкнул там к профсоюзному движению и стал его активистом. Быстро поднявшись вверх по профсоюзной карьерной лестнице, он был направлен в 1934 г. в Москву, где четыре года проучился в Международной ленинской школе Коминтерна [Köstenberger 2014; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. 2013]. Во время Второй мировой войны Олива находился в Великобритании как представитель Коммунистической партии. Вернувшись на Родину, в 1945 г. он начал работу в Лекционной комиссии ЦК КПЧ, стал преподавателем Центральной политической школы. В 1946–1947 гг. работал заместителем заведующего секции пропаганды Отдела культуры и пропаганды ЦК КПЧ. Олива занимался вопросами социалистической экономики, в том числе социалистической собственности и товарного производства, методологией политэкономии социализма. В начале 1950-х годов он опубликовал ряд лекционных курсов и брошюр [Oliva 1950; 1951; 1952a; 1952b]. Олива стал членом Экономической комиссии при ЦК КПЧ, а потом, в ходе сложных процессов, еще и академиком. На протяжении всей научно-педагогической деятельности он оставался убежденным коммунистом, догматиком и противником всяких экономических реформ [Stellner at al. 2015, s. 97–98]. Его биография свидетельствует о положительном и даже восторженном отношении к советскому

строю. Его деятельность как ученого и педагога демонстрирует тесную связь высшего экономического образования с партией, а также органами государственной безопасности.

Важнейшей задачей для чехословацких коммунистов было построение высшего образования по советской модели. Однако советская образовательная система, испытавшая не себе опустошительные последствия Гражданской войны, эмиграции и Большого террора, разительно отличалась от чехословацкой системы межвоенного периода. Ее невозможно было одномоментно скопировать. Потому КПЧ избрала тактику не коренного перелома, но постепенное преобразование высшего образования. Партия не удовлетворилась ограниченным влиянием на существующие учебные заведения, а инициировала создание новых, которые должны были готовить специалистов для нужд послевоенной экономики и находиться под максимально возможным партийным влиянием. К таковым относилась Центральная политическая школа КПЧ и особенно Высшая политическая и социальная школа в Праге [Кнарík 2000, s. 45].

Как известно, после Второй мировой войны все прежние немецкие университеты в Чехословакии были упразднены специальным постановлением правительства. Возродилась работа закрытых в годы оккупации высших школ, а вместе с тем были открыты новые образовательные институты. За пределами столицы, в Оломоуце, в 1947 г. был основан Университет Палацкого, на философском факультете которого в 1949–1953 гг. существовал Институт планирования⁵. В 1945 г. в Брно возобновила работу Высшая техническая школа Эдварда Бенеша в составе отделений инженерного строительства и геодезии, машиностроения и электротехники, химической инженерии, архитектуры и гражданского строительства, но по решению Коммунистической партии она был преобразована в Военно-техническую академию в 1951 г. Помимо того, пережившие войну преподаватели экономических и смежных дисциплин могли работать на юридических факультетах Карлова университета и Масарикова университета, Чешского высшего технического училища и его Высшей школы специальных наук, а немного позднее – в Центральной политической школе КПЧ и Высшей политической и социальной школе в Праге.

Как складывалась судьба крупнейших чехословацких экономистов? Профессор Карел Энглиш во время войны интенсивно занимался логикой и подготовил фундаментальный труд «Большая логика». В 1947 г. было опубликовано лишь его краткое изложение – «Маленькая логика: наука о порядке мысли». Издать работу полностью до февраля 1948 г. уже не удалось. Тем не менее Энглиш опубликовал важную книгу «Экономические системы». После войны он поступил на работу на юридический факультет Карлова универси-

5. Этот институт подготовил двести выпускников, которые специализировались на региональной экономике и микроэкономике [Řezník 2011, s. 108].

тета на должность профессора народного хозяйства [Blažek 2006, s. 32–38]. Однако коммунисты всячески старались дискредитировать его и развернули против ученого назойливую кампанию в газете «Руде право», как, например, в статье под заглавием «Доктор Энглиш требует обновления капитализма в нашей стране! Неслыханная атака на государство, национализацию и двухлетку⁶». Среди прочего, в тексте говорилось: «Это показывает, сколь опасные реакционные и антигосударственные тенденции дремлют в некоторых слоях и насколько безответственна партийная печать, которая уступает место этим голосам» [Dr. Engliš žádá u nás 1947, s. 3].

Тем не менее Энглиш в 1947–1948 академическом году три месяца пробыл ректором Карлова университета. Один из ключевых коммунистических функционеров, Вацлав Копецкий, в своем выступлении перед инаугурацией Энглиша не скрывал отрицательного отношения своей партии к этому ученому: «Для нас неловко, что празднование шестисотлетия основания университета пройдет во время столь спорного представительства. Поставим наступательную цель: через полгода министерство просвещения снова окажется в руках прогрессивных деятелей. Это и определит дух в высших школах... Университеты часто не дают даже тех знаний, которые получает рабочий при чтении коммунистической газеты... Я верю, что в конце концов все студенты придут к нам, им больше ничего не останется. Иначе невозможно. Сколько личных бедствий, которые еще будут обостряться, можно было бы предотвратить, если бы люди лучше учитывали соотношение сил...» [Závodský 2003, s. 47]. После февраля 1948 г. Энглишу пришлось сложить с себя все функции и уйти из общественной жизни [Krameš 2016; Hlaváč 2022].

Второй по значимости межвоенный экономист и главный чехословацкий кейнсианец профессор Йозеф Мацек подвергся нападкам со стороны коммунистов еще перед войной, поскольку был членом Национальной рабочей партии во Второй республике и считался одним из самых авторитетных «буржуазных» экономистов [Filip, Aulehla 1991]. Он не присоединился к сопротивлению во время оккупации, но и не стал коллаборационистом. По мере возможности он критиковал оккупационный режим на страницах «Нашего времени» и несколько раз попадал за это в Гестапо. После 1945 г. Мацек вернулся в Высшую коммерческую школу Чешского высшего технического училища в Праге, был избран деканом, а также стал руководить Институтом социологии и политических наук. Он вступил в обновленную Социал-демократическую пар-

6. Имеется в виду двухлетний экономический план 1947–1948 гг. по возрождению и реконструкции чехословацкой экономики. Он был принят правительством по инициативе КПЧ 25 октября 1946 г. с целью восстановления разрушенной войной экономики и увеличения промышленного производства по сравнению с довоенным уровнем. При этом упор делался на индустриализации аграрных районов, например в Словакии.

тию и взял на себя руководство обновленным журналом «Наше время». Однако ему так и не удалось занять такого же важного положения в научной и политической жизни, как до войны. Например, он не стал членом какого-либо крупного органа, формирующего среду для дальнейшего развития экономики. Мацек, как сторонник демократического социализма, не поддерживал новый режим. Он не был коммунистом, подвергался необоснованным нападкам и обвинениям в коллаборационизме и вряд ли поэтому мог полагаться на какую-либо поддержку политически влиятельной части антинацистского сопротивления. В конце 1949 г. Мацек эмигрировал через Германию в США.

Высшая коммерческая школа Чешского высшего технического училища оставалась главным центром экономического образования после Второй мировой войны. Однако она была ослаблена в кадровом составе, так как часть педагогов погибли во время войны, а иные эмигрировали. После освобождения ключевой фигурой стал профессор-юрист Рихард Хорна. Перед войной он прославился энергичной работой на юридическом факультете Братиславского университета и был последним деканом этого факультета перед его закрытием нацистами. Хорна не был экономистом, его исследования были связаны с историей права Моравии, Силезии и Словакии в период феодализма, а также с нумизматикой. Его важнейшим сотрудником и соратником был Густав Швамберг, довоенный ректор Чешского высшего технического училища, профессор торгового и вексельного права. Сначала он был заместителем декана Высшей коммерческой школы, а с 1947 по март 1948 г. – деканом. В 1946 г. он удостоился звания почетного доктора экономических наук [Procházka 1999, s. 392]. Карел Жлабек был назначен профессором в области экономики частной собственности⁷, Леопольд Шауэр – профессором в области статистики и народного хозяйства, а Казимир Добиаш – в области народного хозяйства. Среди новых приват-доцентов, а позже и экстраординарных профессоров, можно упомянуть, например, Йозефа Блеху, специалиста в области экономики предприятия, а также Яромира Берака (Jaromír Berák; 1902–1964), занимавшегося финансовым правом. Как член Чехословацкой народной партии Берак был политическим активистом и в 1948 г. стал депутатом парламента. Им он оставался до своей смерти в 1964 г., неизменно сотрудничая при этом с Коммунистической партией⁸.

В Чешском высшем техническом училище изучению экономики и смежных наук была посвящена работа специального подразделения – Высшей

7. Коммунисты избавились от него после февраля 1948 г., уволив с работы [Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO. Kart. 1].

8. Здесь важно принять во внимание, что партия не была ликвидирована после февраля 1948 г. Она продолжала существовать, но в реальности контролировалась КПЧ по линии Национального народного фронта.

школы специальных наук⁹, преподавание в который возобновилось в 1945 г. вскоре после освобождения. В 1946–1947 учебном году там преподавали актуарную математику и математическую статистику, развивали статистико-страховую инженерию [Heřmánek 2008, s. 51–52]. Профессор Ярослав Янко стал директором Института актуарной математики и математической статистики, а также возглавил саму Высшую школу специальных наук в 1946–1947 гг.¹⁰ В межвоенный период он работал в области социального страхования в Министерстве социального обеспечения, пока в 1931 г. не получил должность доцента в Чешском высшем техническом училище. В 1933 г. он был назначен ординарным профессором. На естественнонаучном факультете Карлова университета, который обеспечивал преподавание математической статистики, актуарной математики и эконометрики, обучение в основном было сосредоточено на теории, тогда как в Высшей школе специальных наук – на практике.

До прихода к власти коммунистов в Высшей школе специальных наук удавалось успешно развивать преподавание, расширять количество подразделений, а также улучшать преподавательский состав. Ян Стоцкий был назначен профессором в области национальной экономики и финансовых наук [Dvořák 1999, s. 87–96], а Йозеф Фиала – в области экономики предприятия и бухгалтерского учета¹¹. Экономические направления были возвращены в Институте народного хозяйства, народнохозяйственной политики и финансовых наук, а также в Институте экономики предприятий и учета [Heřmánek 2008, s. 60–69]. В Высшей школе специальных наук также работал Владимир Рубичек, впоследствии профессор и создатель Лаборатории демографии, которая уже после 1990 г. была преобразована в самостоятельную кафедру. Также нужно упомянуть статистика, профессора и заместителя декана Яромира Вальтера [Zápis č. 1 ze zasedání vědecké rady 1957; Zápis č. 3 ze zasedání vědecké rady 1959]. Среди молодых преподавателей, которые впоследствии перешли из Чешского высшего технического училища в Высшую экономическую школу в Праге, упомянем статистика Любомира Цихельского, одного из ключевых создателей кафедры статистики [Cyhelský 1992, s. 4–7], или Франтишека Гампла, посвятившего себя методике преподавания экономических дисциплин [Zápis o II. řádné schůzi fakultní rady VŠVH 1951, 2;

9. К 1951 г. это был одно из восьми подразделений Высшего технического училища [Předpis č. 80/1951, s. 4].

10. Впервые он занимал пост декана до войны в 1937–1938 гг.

11. Ё Фиала возглавлял кафедру бухгалтерского учета в Высшей школе специальных наук Чешского высшего технического училища и в некотором роде перевел ее в Высшую экономическую школу в Праге в 1953 г. [Zápis č. 10 o zasedání školní rady 1955].

Zápis č. 3 o zasedání rady 1956; Zápis č. 6(8) ze zasedání vědecké rady VŠE 1957; Zápis č. 6 ze zasedání vědecké rady VŠE 1958].

Об открытии нового учебного заведения – Высшей политической и социальной школы – было объявлено 26 октября 1945 г. Поборником ее создания, основателем, а затем ректором стал профессор Франтишек Роучек [Ort 2006, s. 26]. Школа была создана на основе так называемых «Декретов Бенеша» как составная послевоенной концепции высшего образования, разработанной лондонским правительством в изгнании. Роучек, профессор коммерческого и вексельного права, перевелся с юридического факультета в Брно, где некогда был последним довоенным деканом. Он получил поддержку коммунистов, особенно министра информации Вацлава Копецкого, а также Союза журналистов [Devátá, Olšáková 2010, s. 161; Devátá 2011, s. 74–75]. Школа была разделена на политический, журналистский и социальный факультеты. Один из выпускников вспоминал о своей учебе: «Высшая школа политических и социальных наук была, пожалуй, единственной школой, помимо философского факультета [Карлова университета], где в студенческие организации входили коммунисты, и надо признать, что они часто пытались облегчить нашу учебу, делясь конспектами, поскольку часто отсутствовали необходимые учебные материалы. В то время изучение двух иностранных языков было почти само собой разумеющимся в Высшей школе политических и социальных наук, и в преподавании также принимали участие иностранцы» [Ort 2006, s. 28].

Правильную идеологическую линию в Школе обеспечивал ведущий коммунистический идеолог, сталинист Ладислав Штолл, которого Д. Коннелли справедливо называл «дилетантом» [Connolly 2008, s. 38]¹². Его коллега Иржи Гаек, позднее ставший коммунистом-реформатором и деятелем Пражской весны, вспомнил: «Разумеется, я был знаком с некоторыми его статьями в довоенной “Творбе”¹³, с его переводами отдельных трудов Маркса и Энгельса и с его послевоенными статьями о культурной политике. Я также читал тексты его лекций в Высшей школе политических и социальных наук, в которых он освещал некоторые разделы истории философии в контексте общекультурного развития человечества. Я считал его образованным недогматическим марксистом. Его отношение ко мне при тех общих целях, в котором он стоял на первых позициях, было дружелюбным, лишенным высокомерия» [Hájek 1997, s. 179; см. также: Měchůř 2003, s. 163]. Литературовед и профессор Карлова университета Вацлав Черный так описывал беспрецедентный случай превращения Штолла в профессора: «... Высокополитический ректор,

12. См. о нем также: [Devátá 2011, s. 76; Olšáková 2008, s. 95–107; Čurda 2013, s. 371–381].

13. Журнал «Творба» (Работа) был левым периодическим изданием межвоенного времени (1925–1938).

профессор Роучек, за пару месяцев до бегства на Запад¹⁴, спешно созвал некоммунистических членов совета и поставил их перед лицом реальности: «Партия абсолютно настаивает, чтобы мы хабилитировали Штоллу как профессора прямо сейчас. Давайте поостережемся права самостоятельного решения, спасем Школу! Я также быстро создал согласовательную комиссию, которая получит акты и материалы для хабилитации Штоллы: аттестат об окончании Турновской реальной школы плюс свидетельство об одногодичном курсе в Коммерческой средней школе плюс какая-либо его работа. Все ж таки, что теперь у нас будут делать университетские профессора!» [Černý 1992, s. 234–235].

Маркета Девата, оценивая роль Коммунистической партии в этих процессах, писала: «Высшая политическая и социальная школа как учебное заведение новое и нетипично созданное, представляла интересы Коммунистической партии, когда ее позиции в высших школах, как правило, не были очень сильными. Это позволяло ей постепенно брать бразды правления, тем более что направленность Школы на подготовку чиновников и государственных служащих виделась им чрезвычайно интересной. Идеологическое влияние Коммунистической партии на Высшую политическую и социальную школу обеспечивалось преподавательской работой журналистов и публицистов, как левых социал-демократов (Ярослав Возка, Радим Фустка), так и особенно преданных коммунистических идеологов – Ладислава Штоллы, Арношта Кольмана, Станислава Будины, Андрео Симоне, а также через управление повесткой дня посредством прессы, кино и иных культурно-политических сил в руках министра информации Вацлава Копецкого... Школа стала первым высшим учебным заведением, в котором были сделаны первые шаги Коммунистической партии, ведущие ее к идеологическому контролю» [Devátá, Olšáková 2010, s. 162–163]. Из названных педагогов важную роль в подготовке будущих экономистов сыграл социал-демократический журналист, профессор Радим Нойманн Фустка, который переводил работы Маркса, писал о диалектическом материализме, о государстве и праве¹⁵.

Экономические дисциплины преподавали, главным образом, на социальном факультете, которым сначала руководил профессор уголовного права Эрих Ольшар. Хотя коммунисты принимали участие в основании Высшей по-

14. В. Черный допускает неточность. Не принявший коммунистического захвата власти в феврале 1948 г. Роучек уехал в Эфиопию, где служил советником императора Хайле Селассие, был профессором в Университете Аддис-Абебы. Роучек, по некоторым сведениям, погиб от ран, нанесенных ему львами во время охоты [Krutil 2018].

15. Фустка имел тесные контакты с советскими коллегами и был одним из инициаторов памятного сборника в честь Московского университета [Pražská universita Moskevské universitě 1955].

литической и социальной школы и имели большое влияние на ее руководство, они не могли помешать преподаванию немарксистской экономики. Поэтому им приходилось терпеть лекции ключевого социал-демократического экономиста, статистика, профессора Карела Майвальда¹⁶ или лекции социолога, профессора Зденека Ульриха, продвигавшего учение Макса Вебера¹⁷. Коммунистам удалось посадить на место декана политического факультета своего сторонника, экономиста Павла Грубего, который преподавал историю экономических наук и идеологий, а также экономическую теорию [Devátá, Olšáková 2010, s. 161, 163]. В 1947 г. он был назначен профессором политической экономики. Коммунисты не возражали против работы демографа Яромира Корчака, который в основном читал лекции в Высшей коммерческой школе Чешского высшего технического училища, и его назначения профессором [Protokol o schůzi fakultního sboru VŠVH, 1950].

В течение трех послевоенных лет высшее экономическое образование культивировалось и развивалось, главным образом, в Чешском высшем техническом училище и в Высшей политической и социальной школе. Хотя коммунисты влияли на высшее образование, у них не было достаточного числа сторонников, чтобы монополизировать преподавание экономики. Кроме того, на их пути встали демократические силы, пользующиеся значительной симпатией в преподавательских и студенческих кругах. Только после событий февраля 1948 г. коммунисты получили возможность коренным образом изменить всю систему высшего экономического образования, ориентируясь во многом на советские образцы и примеры. Как справедливо отметила В.В. Марьина, ускоренной советизации «хотели как московские патроны чешских и словацких коммунистов, так и они сами» [Марьина 2005, с. 89].

Библиография

Воейков М.И. Советская политическая экономия: оценки и переоценки. М.: Институт экономики РАН, 2012. 63 с.

Воейков М.И. Политическая экономия: очерки и этюды. СПб.: Алетейя, 2014. 310 с.

Демидов С.С., Есаков В.Д. «Дело академика Н.Н. Лузина» в коллективной памяти научного сообщества // Дело академика Николая Николаевича Лузина / Сост. Н.С. Ермолаева, А.И. Володарский, Т.А. Токарева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 9–50.

Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. «Нельзя преобразовать законы»: экономическая дискуссия 1951 г. в оценке И.В. Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77.

16. В 1945–1948 гг. К. Майвальд был председателем Госплана, членом Центрального комитета Чехословацкой социал-демократической партии, опубликовал ряд работ, например, «Национальную экономическую теорию», созданную на основе курса лекций в Высшей политической и социальной школе. После февраля 1948 г. он эмигрировал, оказался в Великобритании, преподавал в Кембриджском университете.

17. После февраля 1948 г. эмигрировал и работал в Египте [Реска 1991, s. 389–392].

Илизаров С.С. Эрнст Кольман, Никита Хрущев и ИИЕТ // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 1. С. 152–156.

Ковалев М.В., Соби П. «Кадры решают всё!»: профессиональные траектории первых сотрудников Высшей экономической школы в Праге (1950-е годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2022. Т. 21. № 1. С. 22–36.

Марьина В.В. Строительство социализма «со сталинским лицом». 1949–1953 гг. // Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории / Отв. ред. В.В. Марьина. Т. 2. М.: Наука, 2005. С. 89–134.

Нуреев Р.М., Ореховский П.А. Дискуссия вокруг производительных сил (политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х) // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 2. С. 197–214.

Ракитский Б.В. Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага – «рыночный социализм» – и как с ним боролась // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 188–199.

Родионова В.М. Становление и развитие научной школы финансов // Вестник Финансовой академии. 2009. № 1(49). С. 9–17.

Романовский М.В. Формирование и развитие научной школы финансов СПбГУЭФ // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 4(64). С. 64–73.

Селиванов И.Н. «Это будет наиболее ценный подарок, который Вы сделаете нашей молодой партии...» (история создания учебного пособия для коммунистов Вьетнама) // Россия и АТР. 2015. № 3(89). С. 164–176.

Соби П. «Красный монастырь» на Шпрее: Советизация высшего образования в ГДР (на примере высшей школы экономики в Берлине) // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / Под ред. М.В. Ковалева, И.Р. Плеве. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2015. С. 184–199.

Справочный материал о развитии отдельных отраслей науки Чехословакии, составленный до образования АН ЧССР на 1950 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 17. 93 л.

Справочный материал о чехословацких научных учреждениях до образования АН ЧССР, составленный на 1950 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 19. 103 л.

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Кадровая школа без кадров // Латинская Америка. 2013. № 11. С. 84–96.

Albrecht C. Professionalism in the Economics Institute of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1953–1963 // Věda v Československu v letech 1953–1963 / Ed. H. Barvíková. Praha: Archiv AV ČR, 2000. S. 265–278.

Blažek J. Pohled do historie výuky ekonomických předmětů na Právnické fakultě v Brně // Výuka ekonomických předmětů na právnických fakultách: (sborník z konference) / Ed. D. Palátová a E. Tomášková. Brno: Masarykova univerzita, Právnická fakulta, 2006. S. 32–38.

Černý V. Paměti III (1945–1972). Brno: Atlantis, 1992. 672 s.

Connelly J. Ztročená univerzita. Sovětizace vysokého školství ve východním Německu, v českých zemích a v Polsku v letech 1945–1956. Praha: Karolinum, 2008. 498 s.

Čurda V. Mladá léta Ladislava Štolla v kontextu československé radikální levice // České, slovenské a československé dějiny 20. století. 2013. Ústí nad Orlicí: Ořtis, 2013. S. 371–381.

Cyhelský L. K čtyřicátému výročí založení katedry statistiky Vysoké školy ekonomické v Praze // Informační bulletin České statistické společnosti. 1992. Roč. 3. Č. 2. S. 4–7.

Devátá M. Vysoká škola politických a hospodářských věd a problém (dis)kontinuity výuky ekonomie v letech 1949–1953 // Učíme ekonomii 90 let. Praha: Wolters Kluwer, 2011. S. 73–92.

Devátá M., Olšáková D. Vysoká škola politických a hospodářských věd 1949–1953. Počátky marxistického vysokého školství // Vědní koncepce KSČ a její institucionalizace po roce 1948 / Ed. M. Devátá, D. Olšáková, V. Sommer, P. Dinuš. Praha: ÚSD AV ČR, 2010. S. 159–212.

Douki C., Minard P. Global History, Connected Histories: A Shift of Historiographical Scale? // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 2007. Vol. 5. N 54. P. 7–21.

Dr. Engliš žádá u nás obnovu kapitalismu! // *Rudé právo*. 1947. 25. dubna. S. 3.

Dvořák J. Jan Stocký a Vysoká škola speciálních nauk ČVUT Praha v letech 1945–1949 // *Věda v Československu v letech 1945–1953. Sborník z conference* / Ed. B. Zilyská a P. Svobodný. Praha: Karolinum, 1999. S. 87–96.

Filip Z., Aulehla Z. Josef Macek – ekonom a politik // *Severní Morava: vlastivědný sborník*. 1991. Sv. 62. S. 17–28.

Hájek J. K dějinám socialistického hnutí posledního období v kapitalistickém světě // *Sborník pro hospodářské a sociální dějiny*. Praha, 1946. Roč. 1. S. 202–205.

Hájek J. Paměti. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 1997. 350 s.

Hájek J. Vývoj dělnického hnutí. Praha: Práce, 1945. 30 s.

Havel J. Ekonomika a právo v transformaci // *Česká společnost na konci tisíciletí: konference pořádaná Fakultou sociálních věd UK pod záštitou rektora Univerzity Karlovy, Jeho Magnificence prof. JUDr. Václava Malého, DrSc., v rámci oslav 650. výročí založení Univerzity Karlovy*. Sv. 1. Praha: Karolinum, 1999. S. 391–398.

Heřmánek P. Statistika, počet pravděpodobnosti a pojistná matematika na Vysoké škole speciálních nauk: Diplomová práce. Praha: VŠE, 2008. 74 s.

Hlaváč M. Karel Engliš: ekonom, který pomohl vybudovat Československo. Praha: Euromedia Group, 2022. 399 s.

Holečková M.E. Příběh zapomenuté univerzity: Universita 17. listopadu (1961–1974) a její místo v československém vzdělávacím systému a společnosti. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, 2019. 202 s.

Jareš J. a kol. Náměstí Krasnoarmějců 2: učitelé a studenti Filozofické fakulty UK v období normalizace. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2012. 400 s.

Kapitoly z dějin univerzitního školství na Moravě v letech 1945–1990 / Ed. P. Urbášek. Olomouc: Univerzita Palackého, 2003. 383 s.

Knapík J. «Daleko od Moskvy: k pozici Arnošta Kolmana v kulturní politice a v aparátu KSČ 1945–1948 // *Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis*. 1999. Sv. 4. S. 113–126.

Knapík J. Kdo spoutal naši kulturu: portrét stalinisty Gustava Bareše. Písek: Šárka, 2000. 205 s.

Kolman A. Zaslepená generace: paměti starého bolševika. Brno: Host, 2005. 426 s.

Kopeček M. Hledání ztraceného smyslu revoluce: zrod a počátky marxistického revizionismu ve střední Evropě 1953–1960. Praha: Prospektrum, 2009. 256 s.

Köstenberger J. Die Internationale Lenin-Schule (1926–1938) // *Biographisches Handbuch zur Geschichte der Kommunistischen Internationale: Ein deutsch-russisches Forschungsprojekt* / Hrsg. M. Buckmiller und K. Meschkat. Berlin: Akademie Verlag, 2014. S. 287–309.

Krameš J. České ekonomické myšlení na vysokých školách v českých zemích v meziválečném období a těsně po válce // *Hospodářské dějiny*. 2016. Roč. 31. Č. 2. S. 23–54.

Krutil R. V Etiopii opravili hrob českého profesora, jehož nejspíš zabili lvi // *iDNES.cz*. 2018. 2. srpna. URL: https://www.idnes.cz/brno/zpravy/oprava-hrobu-etioapie-brnensky-dekan-frantisek-roucek.A180802_102449_brno-zpravy_krut (data обращения: 24.11.2021).

Měchýř J. O čase Kárníkových Lehrjahre – zejména o «VŠPHV» // *Pocta profesoru Zdeňku Kárníkovi. Sborník příspěvků k jubilejním sedmdesátinám* / Sest. J. Štaif. Praha: Karolinum, 2003. S. 161–165.

Morkes F. Změny v postavení a řízení vysokých škol // *Věda v Československu v letech 1953–1963* / Ed. H. Barvíková. Praha: Archiv AV ČR, 2000. S. 53–65.

- Oliva F. Politická ekonomie. Brno: Rovnost, 1950. 133 s.
- Oliva F. Politická ekonomie socialismu. Praha: Vys. šk. polit. a hosp. věd, 1951. 112 s.
- Oliva F. Politická ekonomie kapitalismu. Praha: SPN, 1952a. 224 s.
- Oliva F. Socialistický výrobní způsob. Praha: Osvěta, 1952b. 22 s.
- Olšáková D. Mezi Východem a Západem: (Ladislav Štoll a polemika o tradicích a dědictví české společnosti po roce 1945) // Proměny diskursu české marxistické historiografie: (kapitoly z historiografie 20. století). České Budějovice: Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích, Filozofická fakulta, Historický ústav ve spolupráci s NTP Pelhřimov, 2008. S. 95–107.
- Ort A. Střípky vzpomínek jednoho Čecha na složité 20. století. Plzeň: Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, 2006. 472 s.
- Pávová J. Demagog ve službách strany: portrét komunistického politika a ideologa Václava Kopecného. Praha: Ústav pro studium totalitních režimů, 2008. 192 s.
- Pecka E. Zdeněk Ullrich k pojetí sociální struktury // Sociologický časopis. 1991. Roč. 27. Č. 3. S. 389–392.
- Pražská universita Moskevské universitě: sborník k výročí 1755–1955 / Ed. J. Dolanský, R.N. Foustka, Z. Nejedlý. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1955. 444 s.
- Protokol o schůzi fakultního sboru VŠVH, 3. března 1950 // Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO. Kart. 1. 2. složka, 1949–1950. Protokoly ze schůzí profesorského sboru.
- Předpis č. 80/1951 Sb. Vládní nařízení o organizačních změnách na vysokých školách // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1951-80> (data обращения: 18.10.2021).
- Procházka J. Tvůrce hospodářského práva: J.M. Gustav Švamberg čestným doktorem obchodních věd // Lidová demokracie. 1946. 23. listopadu. S. 5.
- Řezník J. Ústav pro plánování při Filozofické fakultě Palackého univerzity v Olomouci v letech 1949–1953 // Učíme ekonomii 90 let / Ed. A. Doležalová. Praha: Wolters Kluwer Česká republika, 2011. S. 92–108.
- Sommer V. Angažované dějepisectví: stranická historiografie mezi stalinismem a reformním komunismem (1950–1970). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2011. 508 s.
- Stellner F., Soběhart R., Szobi P., Vochozka M., Vokoun M. Vývoj českého vysokého ekonomického školství v letech 1945–1953. Praha: Setoutbooks.cz, s.r.o., 2015. 252 s.
- Stellner F., Szobi P. K institucionálním a personálním okolnostem vzniku Vysoké školy ekonomické v Praze // Politická ekonomie. 2013. 61 Roč. Č. 4. S. 455–463.
- Stellner F., Vokoun M. Udělování vědeckých hodností na Vysoké škole ekonomické v Praze v padesátých letech 20. století // Politická ekonomie. 2013. 61 Roč. Č. 4. S. 464–480.
- Učíme ekonomii 90 let / Ed. A. Doležalová. Praha: Wolters Kluwer, 2011. 283 s.
- Urbášek P., Pulec J. Vysokoškolský vzdělávací systém v letech 1945–1969. Olomouc: Univerzita Palackého, 2012. 432 s.
- Kaška V. Neukáznění a neangažovaní: disciplinace členů Komunistické strany Československa v letech 1948–1952. Praha: Ústav pro studium totalitních režimů, 2014. 291 s.
- Volná K., Jareš J., Spurný M., Pínerová K. Prověřená fakulta: KSČ na Filozofické fakultě UK v letech 1969–1989: edice dokumentů. Praha: Ústav pro soudobé dějiny, v.v.i., 2009. 308 s.
- Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. P. 30–50.
- Zápis č. 10 o zasedání školní rady, konané dne 26. května 1955 // Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960 // Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 6.
- Zápis č. 3 o zasedání rady, konané dne 27.11.1956 // Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 6.
- Zápis č. 6(8) ze zasedání vědecké rady VŠE v Praze, konaného dne 28. června 1957 // Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 4.

Zápis č. 1 ze zasedání vědecké rady VŠE v Praze, konané dne 22. října 1957 // Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 4.

Zápis č. 6 ze zasedání vědecké rady VŠE v Praze, konané dne 4. června 1958 // Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 14.

Zápis č. 3 ze zasedání vědecké rady VŠE, konaného dne 3. března 1959 // Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 1.

Zápis o II. řádné schůzi fakultní rady VŠVH, dne 9. února 1951, Zápisy ze schůzí fakultní rady, 2 // Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO/VŠVH. Kart. 1, 1950–1951.

Závodský P. Přehled vývoje vysokoškolského vzdělávání ekonomů na území ČR do vzniku VŠE // Vysoká škola ekonomická v Praze 1953–2003. Minulost, přítomnost, budoucnost. Praha: Nakladatelství Oeconomica, 2003. S. 22–62.

References

Albrecht C. Professionalism in the Economics Institute of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1953–1963 // Věda v Československu v letech 1953–1963 / Ed. H. Barvíková. Praha: Archiv AV ČR, 2000. S. 265–278.

Blažek J. Pohled do historie výuky ekonomických předmětů na Právnické fakultě v Brně // Výuka ekonomických předmětů na právnických fakultách: (sborník z konference) / Ed. D. Palátová a E. Tomášková. Brno: Masarykova univerzita, Právnická fakulta, 2006. S. 32–38.

Connelly J. Ztročená univerzita. Sovětizace vysokého školství ve východním Německu, v českých zemích a v Polsku v letech 1945–1956. Praha: Karolinum, 2008. 498 s.

Cyhelský L. K čtyřicátému výročí založení katedry statistiky Vysoké školy ekonomické v Praze // Informační bulletin České statistické společnosti. 1992. Roč. 3. Č. 2. S. 4–7.

Černý V. Paměti III (1945–1972). Brno: Atlantis, 1992. 672 s.

Čurda V. Mladá léta Ladislava Štolla v kontextu československé radikální levice // České, slovenské a československé dějiny 20. století. 2013. Ústí nad Orlicí: Ofis, 2013. S. 371–381.

Demidov S.S., Yesakov V.D. «Delo akademika N.N. Luzina» v kollektivnoy pamyati nauchnogo soobshchestva [«The Affair of Academician N.N. Luzina» in the collective memory of the scientific community]. Delo akademika Nikolaya Nikolayevicha Luzin [The Affair of Academician Nikolai Nikolaevich Luzin] / Ed. by N.S. Yermolayeva, A.I. Volodarskiy, T.A. Tokareva. Saint Petersburg: RKHGI, 1999. P. 9–50. (In Russ.)

Devátá M. Vysoká škola politických a hospodářských věd a problém (dis)kontinuity výuky ekonomie v letech 1949–1953 // Učíme ekonomii 90 let. Praha: Wolters Kluwer, 2011. S. 73–92.

Devátá M., Olšáková D. Vysoká škola politických a hospodářských věd 1949–1953. Počátky marxistického vysokého školství // Vědní koncepce KSČ a její institucionalizace po roce 1948 / Ed. M. Devátá, D. Olšáková, V. Sommer, P. Dinuš. Praha: ÚSD AV ČR, 2010. S. 159–212.

Douki C., Minard P. Global History, Connected Histories: A Shift of Historiographical Scale? // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 2007. Vol. 5. N 54. P. 7–21.

Dr. Engliš žádá u nás obnovu kapitalismu! // Rudé právo. 1947. 25. dubna. S. 3.

Dvořák J. Jan Stocký a Vysoká škola speciálních nauk ČVUT Praha v letech 1945–1949 // Věda v Československu v letech 1945–1953. Sborník z konference / Ed. B. Zilynská a P. Svobodný. Praha: Karolinum, 1999. S. 87–96.

Filip Z., Aulehla Z. Josef Macek – ekonom a politik // Severní Morava: vlastivědný sborník. 1991. Sv. 62. S. 17–28.

Hájek J. K dějinám socialistického hnutí posledního období v kapitalistickém světě // Sborník pro hospodářské a sociální dějiny = Сборник экономической и общественной истории = Review of economic and social history. Praha, 1946. Roč. 1. S. 202–205.

Hájek J. Paměti. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 1997. 350 s.

Hájek J. Vývoj dělnického hnutí. Praha: Práce, 1945. 30 s.

Havel J. Ekonomika a právo v transformaci // Česká společnost na konci tisíciletí: konference pořádaná Fakultou sociálních věd UK pod záštitou rektora Univerzity Karlovy, Jeho Magnificence prof. JUDr. Václava Malého, DrSc., v rámci oslav 650. výročí založení Univerzity Karlovy. Sv. 1. Praha: Karolinum, 1999. S. 391–398.

Heřmánek P. Statistika, počet pravděpodobnosti a pojistná matematika na Vysoké škole speciálních nauk: Diplomová práce. Praha: VŠE, 2008. 74 s.

Hlaváč M. Karel Engliš: ekonom, který pomohl vybudovat Československo. Praha: Euromedia Group, 2022. 399 s.

Holečková M.E. Příběh zapomenuté univerzity: Universita 17. listopadu (1961–1974) a její místo v československém vzdělávacím systému a společnosti. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, 2019. 202 s.

Ilizarov S.S. Ernst Kol'man, Nikita Khrushchev i ILYET [Ernst Kolman, Nikita Khrushchev and ILET]. Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki [The Questions of the History of Natural Science and Technology]. 1998. N 1. P. 152–156. (In Russ.)

Jareš J. a kol. Náměstí Krasnoarmějců 2: učitelé a studenti Filozofické fakulty UK v období normalizace. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2012. 400 s.

Kapitoly z dějin univerzitního školství na Moravě v letech 1945–1990 / Ed. P. Urbášek. Olomouc: Univerzita Palackého, 2003. 383 s.

Kaška V. Neukáznění a neangažovaní: disciplinace členů Komunistické strany Československa v letech 1948–1952. Praha: Ústav pro studium totalitních režimů, 2014. 291 s.

Kheyfets V.L., Kheyfets L.S. Kadrovaya shkola bez kadrov [Personnel School without personnel]. Latinskaya Amerika [Latin America]. 2013. N 11. P. 84–96. (In Russ.)

Knapík J. «Daleko od Moskvy: k pozici Arnošta Kolmana v kulturní politice a v aparátu KSČ 1945–1948 // Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis. 1999. Sv. 4. S. 113–126.

Knapík J. Kdo spoutal naši kulturu: portrét stalinisty Gustava Bareše. Přerov: Šárka, 2000. 205 s.

Kolman A. Zaslepená generace: paměti starého bolševika. Brno: Host, 2005. 426 s.

Kopeček M. Hledání ztraceného smyslu revoluce: zrod a počátky marxistického revizionismu ve střední Evropě 1953–1960. Praha: Prospektrum, 2009. 256 s.

Köstenberger J. Die Internationale Lenin-Schule (1926–1938) // Biographisches Handbuch zur Geschichte der Kommunistischen Internationale: Ein deutsch-russisches Forschungsprojekt / Hrsg. M. Buckmiller und K. Meschkat. Berlin: Akademie Verlag, 2014. S. 287–309.

Kovalev M.V., Szobi P. «Kadry reshayut vso!»: professional'nye trayektorii pervykh sotrudnikov Vysshey ekonomicheskoy shkoly v Prage (1950-ye gody) [«Employees Make the Difference!»: Career Trajectories of First Employees of the Higher School of Economics in Prague (1950s)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series History and Philology]. 2022. Vol. 21. N 1. P. 22–36. (In Russ.)

Krameš J. České ekonomické myšlení na vysokých školách v českých zemích v meziválečném období a těsně po válce // Hospodářské dějiny. 2016. Roč. 31. Č. 2. S. 23–54.

Krutil R. V Etiopii opravili hrob českého profesora, jehož nejspíš zabili lvi // iDNES.cz. URL: https://www.idnes.cz/brno/zpravy/oprava-hrobu-etiope-brnensky-dekan-frantisek-roucek.A180802_102449_brno-zpravy_krutil (date of access: 24.11.2021).

Mar'ina V.V. Stroitel'stvo sotsializma «so stalinskim litsom». 1949–1953 gg. [Constructing socialism «with a Stalinist face». 1949–1953]. Chekhiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii [Czech Republic and Slovakia in the XX century: essays on history] / Ed. by. V.V. Mar'ina. Vol. 2. Moscow: Nauka, 2005. P. 89–134. (In Russ.)

Měchýř J. O čase Kárníkových Lehnjare – zejména o «VŠPHV» // Pocta profesoru Zdeňku Kárníkovi. Sborník příspěvků k jubilantovým sedmdesátinám / Ed. J. Štaif. Praha: Karolinum, 2003. S. 161–165.

Morkes F. Změny v postavení a řízení vysokých škol // Věda v Československu v letech 1953–1963 / Ed. H. Barvíková. Praha: Archiv AV ČR, 2000. S. 53–65.

Nureyev R.M., Orekhovskiy P.A. Diskussiya vokrug proizvoditel'nykh sil (politekonomiya sotsializma: kognitivnyy tupik 1970-kh) [Discussion surrounding the productive forces (the political economy of socialism: a cognitive impasse of the 1970 s)]. Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava [Actual problems of economics and law]. 2021. Vol. 15. N 2. P. 197–214. (In Russ.)

Oliva F. Politická ekonomie kapitalismu. Praha: SPN, 1952. 224 s.

Oliva F. Politická ekonomie socialismu. Praha: Vys. šk. polit. a hosp. věd, 1951. 112 s.

Oliva F. Politická ekonomie. Brno: Rovnost, 1950. 133 s.

Oliva F. Socialistický výrobní způsob. Praha: Osvěta, 1952. 22 s.

Olšáková D. Mezi Východem a Západem: (Ladislav Štoll a polemika o tradicích a dědictví české společnosti po roce 1945) // Proměny diskursu české marxistické historiografie: (kapitoly z historiografie 20. století). České Budějovice: Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích, Filozofická fakulta, Historický ústav ve spolupráci s NTP Pelhřimov, 2008. S. 95–107.

Ort A. Střípky vzpomínek jednoho Čecha na složité 20. století. Plzeň: Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, 2006. 472 s.

Páková J. Demagog ve službách strany: portrét komunistického politika a ideologa Václava Kopeckého. Praha: Ústav pro studium totalitních režimů, 2008. 192 s.

Pecka E. Zdeněk Ullrich k pojetí sociální struktury // Sociologický časopis. 1991. Roč. 27. Č. 3. S. 389–392.

Pražská universita Moskevské universitě: sborník k výročí 1755–1955 / Ed. J. Dolanský, R.N. Foustka, Z. Nejedlý. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1955. 444 s.

Procházka J. Tvůrce hospodářského práva: J.M. Gustav Švamberg čestným doktorem obchodních věd // Lidová demokracie. 1946. 23. listopadu. S. 5.

Protokol o schůzi fakultního sboru VŠVH, 3. března 1950 // Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO. Kart. 1. 2. složka, 1949–1950. Protokoly ze schůzí profesorského sboru.

Předpis č. 80/1951 Sb. Vládní nařízení o organizačních změnách na vysokých školách // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1951-80> (date of access: 18.10.2021).

Rakitskiy B.V. Byl' o tom, kak ofitsial'naya politekonomiya SSSR vydumala ideynogo vraga – «rynochnyy sotsializm» – i kak s nim borolas' [A true story about how the official political economy of the USSR invented epy «market socialism» an ideological enemy and how they fought against it]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and Contemporary World]. 2008. N 1. P. 188–199. (In Russ.)

Rodionova V.M. Stanovleniye i razvitiye nauchnoy shkoly finansov [Formation and development of the scientific school of finance]. Vestnik Finansovoy akademii [Bulletin of the Financial Academy]. 2009. N 1(49). P. 9–17. (In Russ.)

Romanovskiy M.V. Formirovaniye i razvitiye nauchnoy shkoly finansov SPbGUEF [Formation and development of the scientific school of finance of St. Petersburg State University of Economics]. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov [Proceedings of the St. Petersburg University of Economics and Finance]. 2010. N 4(64). P. 64–73. (In Russ.)

Řezník J. Ústav pro plánování při Filozofické fakultě Palackého univerzity v Olomouci v letech 1949–1953 // Učíme ekonomii 90 let / Ed. A. Doležalová. Praha: Wolters Kluwer Česká republika, 2011. S. 92–108.

Selivanov I.N. «Eto budet naiboleye tsennyy podarok, kotoryy Vy sdelayete nashey molodoy partii...» (istoriya sozdaniya uchebnogo posobiya dlya kommunistov V'yetnama [«It will be the most valuable gift that you will give to our young party...» (the History of the creation of a textbook for the Communists of Vietnam)]. Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific]. 2015. N 3(89). P. 164–176. (In Russ.)

Sommer V. Angažované dějepisectví: stranická historiografie mezi stalinismem a reformním komunismem (1950–1970). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2011. 508 s.

Spravochnyi material o razvitii otidel'nykh otrasley nauki Chekhoslovakii, sostavlennyy do obrazovaniya AN ChSSR na 1950 g. [Reference material on the development of individual branches of science in Czechoslovakia, compiled before the formation of the Academy of Sciences of Czechoslovakia in 1950]. Arkhiv RAN [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 579. Inv. 1. F. 17. 93 p. (In Russ.)

Spravochnyi material o chekhoslovatskikh nauchnykh uchrezhdeniyakh do obrazovaniya AN ChSSR, sostavlennyy na 1950 g. [Reference material on Czechoslovak scientific institutions before the formation of the Academy of Sciences of Czechoslovakia, compiled for 1950]. Arkhiv RAN [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 579. Inv. 1. F. 19. 103 p. (In Russ.)

Stellner F., Soběhart R., Szobi P., Vochozka M., Vokoun M. Vývoj českého vysokého ekonomického školství v letech 1945–1953. Praha: Setoutbooks.cz, s.r.o., 2015. 252 s.

Stellner F., Szobi P. K institucionálním a personálním okolnostem vzniku Vysoké školy ekonomické v Praze // Politická ekonomie. 2013. Roč. 61. Č. 4. S. 455–463.

Stellner F., Vokoun M. Udělování vědeckých hodností na Vysoké škole ekonomické v Praze v padesátých letech 20. století // Politická ekonomie. 2013. Roč. 61. Č. 4. S. 464–480.

Szobi P. «Krasnyy monastyr'» na Shpreye: Sovetizatsiya vysshego obrazovaniya v GDR (na primere vysshey shkoly ekonomiki v Berline) [«Red Monastery» on the Spree: Sovietization of higher education in the GDR (on the example of the Higher School of Economics in Berlin)]. Istoricheskaya pamyat' i strategii rossiysko-nemetskogo mezhkul'turnogo dialoga [Historical Memory and Strategies of Russian-German intercultural dialogue] / Ed. by M.V. Kovalev, I.R. Plewe. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet, 2015. P. 184–199. (In Russ.)

Učíme ekonomii 90 let /Ed. A. Doležalová. Praha: Wolters Kluwer, 2011. 283 s.

Urbášek P., Pulec J. Vysokoškolský vzdělávací systém v letech 1945–1969. Olomouc: Univerzita Palackého, 2012. 432 s.

Volná K., Jareš J., Spurný M., Pinerová K. Prověřená fakulta: KSČ na Filozofické fakultě UK v letech 1969–1989: edice dokumentů. Praha: Ústav pro soudobé dějiny, v.v.i., 2009. 308 s.

Voyeykov M.I. Sovetskaya politicheskaya ekonomiya: otsenki i pereotsenki [Soviet political economy: assessments and reassessments]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2012. 63 p. (In Russ.)

Voyeykov M.I. Politicheskaya ekonomiya: ocherki i etyudy [Political economy: essays and studies]. Saint Petersburg: Aletaya, 2014. 307 p. (In Russ.)

Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. P. 30–50.

Zápis č. 10 o zasedání školní rady, konané dne 26. května 1955 // Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960. Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 6.

Zápis č. 3 o zasedání rady, konané dne 27.11.1956. Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 6.

Zápis č. 6(8) ze zasedání vědecké rady VŠE v Praze, konaného dne 28. června 1957. Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 4.

Zápis č. 1 ze zasedání vědecké rady VŠE v Praze, konané dne 22. října 1957. Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 4.

Zápis č. 6 ze zasedání vědecké rady VŠE v Praze, konané dne 4. června 1958. Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 14.

Zápis č. 3 ze zasedání vědecké rady VŠE, konaného dne 3. března 1959. Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959 / 1960, 1.

Zápis o II. řádné schůzi fakultní rady VŠVH, dne 9. února 1951, Zápisy ze schůzí fakultní rady, 2. Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO/VŠVH. Kart. 1, 1950–1951.

Závodský P. Přehled vývoje vysokoškolského vzdělávání ekonomů na území ČR do vzniku VŠE. Vysoká škola ekonomická v Praze 1953–2003. Minulost, přítomnost, budoucnost. Praha: Nakladatelství Oeconomica, 2003. S. 22–62.

Zhuravlev V.V., Lazareva L.N. «Nel'zya preobrazovat' zakony»: ekonomicheskaya diskussiya 1951 g. v otsenke I.V. Stalina [«You can't change laws»: economic discussion of 1951 in the assessment of I.V. Stalin]. Istoricheskiy arkhiv [The Historical Archive]. 2013. N 2. P. 45–77. (In Russ.)

А.С. Стыкалин

ОСЕНЬ 1968 г.: «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» И «МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ» (А. ЧАКОВСКИЙ CONTRA Д. ЛУКАЧ)¹

Аннотация. В конце 1950-х – начале 1960-х годов выдающийся венгерский философ-марксист и литературный критик Дьердь Лукач (1885–1971) воспринимался в Советском Союзе как один из мэтров европейского ревизионизма, чему способствовало его участие в драматических событиях осени 1956 г. в Венгрии. Но к середине 1960-х годов международная кампания критики идей Лукача в странах советского блока затихает, а в последующие годы намечается расхождение позиций двух правящих партий – КПСС и Венгерской социалистической рабочей партии – в отношении к крупному марксисту. Если в Венгрии творчество позднего Лукача принимается (хотя и с оговорками) более либеральным коммунистическим режимом Яноша Кадара и даже до некоторой степени интегрируется в венгерскую концепцию социализма, то в СССР критика его «ревизионистской» эстетики, затихнув к середине 1960-х годов, сменилась многолетним замалчиванием его работ. Негативное отношение Лукача к подавлению Пражской весны 1968 г. дало повод для попыток возобновления в СССР его публичной критики, в частности на страницах «Литературной газеты» в конце октября 1968 г. Это вызвало неудовольствие главного идеолога кадаровского режима Дьердя Ацела, донесшего свое мнение до советского посольства в Будапеште. В результате дальнейшая критика Лукача в СССР не получила развития, однако настороженное отношение к нему сохранялось. Публикация ряда важнейших работ Лукача была предпринята только во второй половине 1980-х годов в условиях перестройки. Однако престиж марксизма в сознании советской интеллигенции к этому времени резко упал и в силу этого работы выдающегося венгерского философа вызвали ограниченный интерес в среде отечественных интеллектуалов. В приложении к статье публикуется письмо главного редактора «Литературной газеты» А. Чаковского в ЦК КПСС, в котором он выразил недоумение в связи с произошедшей в Венгрии переоценкой творчества Лукача.

Ключевые слова: Дьердь Лукач; вторжение в Чехословакию в августе 1968 г.; режим Яноша Кадара в Венгрии; антиревизионистские кампании в СССР; Эрнст Фишер.

1. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 21-59-23002 РЯИК_а «Советско-венгерские научные связи в сфере гуманитарных наук: каналы коммуникаций, интеллектуальное присутствие, трансфер идей (1945–1991)».

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
Россия, Москва.
E-mail: zhurslav@gmail.com
Web of Sciences Researcher ID: AAS-4624-2021
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Stykalin A.S. Autumn of 1968: «Literaturnaya gazeta» and the «International Revisionism» (A. Chakovskii contra Gy. Lukács)

Abstract. *In the late 1950 s – early 1960 s, the outstanding Hungarian Marxist philosopher and literary critic György Lukács (1885–1971) was perceived in the Soviet Union as one of the masters of European revisionism. This fact was connected with his participation in the dramatic events of autumn 1956 in Hungary. But by the mid-1960s, the international campaign to criticize Lukács's ideas in the countries of the Soviet bloc died down, and in subsequent years a divergence of positions between the two ruling parties – the CPSU and the Hungarian Socialist Workers' Party – concerning the outstanding Marxist was formed. In Hungary, the works of the late Lukács were accepted (albeit with reservations) by the communist regime. And even were integrated to some extent into the Hungarian concept of socialism, whereas in the USSR, criticism of his «revisionist» aesthetics, having subsided by the mid-1960s, was replaced by many years of silence about his activities. The negative attitude of Lukács towards the suppression of the Prague Spring of 1968 gave rise to attempts to resume public criticism of his ideas in the USSR, particularly in «Literaturnaya gazeta» in late October 1968. This displeased the main ideologist of the János Kádár regime, György Aczél, who conveyed his opinion to the Soviet embassy in Budapest. As a result, further criticism of Lukács in the USSR did not develop, but a wary attitude towards him remained. The publication of a number of the most important works of Lukács was undertaken only in the second half of the 1980 s under the conditions of Perestroika. However, the prestige of Marxism in the minds of the Soviet intelligentsia by this time had fallen sharply, and because of this, the works of the outstanding Hungarian philosopher aroused limited interest among domestic intellectuals. Attached to the article is a letter from the editor-in-chief of Literaturnaya Gazeta A. Chakovskii to the Central Committee of the CPSU, in which he expressed bewilderment at the overestimation of Lukács' work that had taken place in Hungary.*

Keywords: *György Lukács; intervention to Czechoslovakia in August 1968; regime of János Kádár in Hungary; antirevisionist campaigns in the USSR; Ernst Fischer.*

Stykalin Alexandr Sergeevich – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy
of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: zhurslav@gmail.com
Web of Sciences Researcher ID: AAS-4624-2021
ORCID: 0000-0003-0834-9090

21 августа 1968 г., после растянувшихся на несколько месяцев колебаний брежневского руководства СССР, совместная военная акция пяти стран – участниц Варшавского договора пресекла попытку чехословацких реформаторов сделать более привлекательным лицо реального социализма. Пражская весна 1968 г. явилась не просто конкретно-историческим феноменом, она имеет глубокий метафорический смысл, символизируя запоздалое возникновение в коммунистическом движении 1960-х годов некоего творческого начала, пытавшегося (как оказалось, тщетно) придать ему новый импульс на основе симбиоза социалистических ценностей с рациональной экономикой и механизмами современной развитой демократии. Подавление Пражской весны явилось по грандиозности последствий одним из ключевых событий мировой истории второй половины XX в., во многом предопределившим необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения, полностью дискредитировавшим в глазах миллионов людей во всем мире позитивное содержание самой идеи социализма в марксистском понимании.

Оценка влияния этой акции на дальнейшую эволюцию советского режима, духовный климат в советском обществе многократно предпринималась как в мемуарах, публицистике, так и в исторической литературе, посвященной периоду брежневского правления. Напомним лишь, что вследствие августа 1968 г. на время ужесточается внешняя, а в более долгосрочном плане внутренняя (в том числе культурная) политика руководства СССР, отбрасываются планы даже самых умеренных («косыгинских») реформ экономического механизма, усиливается нетерпимость к поискам альтернативных вариантов развития в русле теории социализма, активизируется преследование инакомыслящих.

Главной заботой идеологических органов КПСС осенью 1968 г. становится нейтрализация влияния реформаторских идей Пражской весны на умы советской, а также и восточноевропейской интеллигенции. Развязанная в это время массированная кампания борьбы с ревизионизмом далеко перешагнула границы СССР. Для того, чтобы успешно дирижировать ею, надо было определиться с отношением к наиболее видным живущим (не всегда на 100%, но лояльным официальной Москве²) теоретикам-марксистам, и едва ли не в первую очередь к пока еще здравствовавшему 83-летнему венгерскому философу и литературному критику Дьёрдю (Георгу) Лукачу (1885–1971). С середины 1960-х годов, по мере либерализации кадрового режима в Венгрии, квартира Лукача на набережной Дуная напротив горы Геллерт становится местом настоящего паломничества европейских (и в том числе чешских) ин-

2. Здесь следует напомнить, что вторжение войск в Чехословакию не поддержали руководства самых влиятельных и самостоятельных западных компартий – французской и итальянской.

теллектуалов, жаждавших узнать мнение Лукача по тем или иным актуальным вопросам современности. Газеты разных стран публиковали интервью с венгерским философом, а весной 1968 г. его международная известность еще более возросла на волне движения «новых левых» и майских волнений во Франции, заставивших интеллектуальную элиту Европы заново перечитать «Историю и классовое сознание» (1923) – один из источников идеологии «новых левых». И дело не менялось от того, что от ключевых идей этой работы сам Лукач давным-давно отрекся.

Оценки не заставили себя долго ждать. 30 октября 1968 г. в «Литературной газете» была опубликована статья влиятельного официозного литературоведа Александра Дымшица (1910–1975) «Корни и плоды Эрнста Фишера», с красноречивым подзаголовком «Австрийский писатель, именующий себя “марксистом”, выступает в роли пособника империалистической пропаганды». Речь в ней шла о ветеране австрийской компартии и одном из ее идеологов Эрнсте Фишере (1899–1972), известном литературном критике и публицисте, который в своих выступлениях 1960-х годов все более расходился с официальными советскими установками, а в августе 1968 г. открыто осудил вторжение в Чехословакию. Упоминался в статье и Д. Лукач, причем в весьма негативном плане. Как писал, в частности, А. Дымшиц, в одной из своих недавних книг Фишер, «целиком повторяя старые и давно разбитые “аргументы” Георга Лукача, Фишер тщится доказать, будто знаменитая статья В.И. Ленина “Партийная организация и партийная литература” обращена только к партийным публицистам и не имеет отношения к проблемам художественного творчества». Далее в статье речь шла о том, что Фишер заимствовал у Лукача противопоставление «трибунов» и «бюрократов» (имелась в виду известная статья Лукача конца 1930-х годов «Народный трибун или бюрократ?»).

Такая оценка Лукача в статье Дымшица едва ли могла удивить внимательного, а тем более профессионально подготовленного читателя «Литературной газеты», ведь у автора статьи, принимавшего участие в литературной жизни с конца 1930-х годов, были с Лукачем свои счеты и не столько лично с ним, сколько с кругом литераторов (Михаил Лифшиц и др.), группировавшихся в 1930-е годы вокруг журнала «Литературный критик», где много публиковался и Лукач, живший в эмиграции в СССР в 1933–1945 гг. Кому-то из читателей старших поколений была памятна и дискуссия 1939–1940 гг. вокруг книги Лукача «К истории реализма». В год выхода книги отмечалось 150-летие начала Великой Французской революции, а потому разговор о ее великих современниках, в частности о Гёте, вполне закономерно вышел в ходе дискуссии на проблему Термидора – не просто конкретного эпизода из истории Французской революции, а символа перерождения революционной власти. А между тем только что, 23 августа 1939 г., был подписан пакт СССР

с гитлеровской Германией, за которым последовало расчленение Польши – за окном происходили события как никакие другие наводившие наблюдателей на размышления о той эволюции, которую проделал большевистский режим за немногим более 20 лет своего существования. Эти коннотации не сразу были замечены бдительными цензорами, позволив обсуждению темы Термидора зайти слишком далеко и тем сильнее была последующая реакция – закрытие журнала «Литературный критик» в 1940 г. Если в конце 1930-х Дымшиц был начинающим ленинградским литератором, то в начале 1960-х, заняв к тому времени заметные позиции в литературной и – шире – культурной жизни³, он непосредственно приложил руку к критике Лукача в ходе очередной антиревизионистской кампании, где тот выступал главной мишенью – повод дало не только его вхождение осенью 1956 г., в ходе бурных венгерских событий, в неконтролируемое Москвой правительство Имре Надя в качестве министра культуры, но и его опубликованная в 1958 г. в Западной Германии работа «Против неверно понятого реализма» [Lukács 1963], в которой последовательно проводилась мысль о социалистическом реализме как о критическом реализме современной эпохи (позволявшая Лукачу подверстывать к социалистическому реализму даже творчество А. Солженицына, которому венгерский литературовед в 1960-е годы посвятил и самостоятельные статьи [Lukács 1970]).

Итак, если советским читателем критика Лукача под пером Дымшица была воспринята как нечто вполне естественное и ожидаемое, то в Венгрии она вызвала крайнее недоумение в самом партийно-идеологическом истеблишменте. Ведь Лукач был восстановлен к этому времени в правящей Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), его 80-летие в 1965 г. было отмечено рядом уважительных публикаций, постоянно выходили его новые работы, критика в прессе прекратилась. Главный идеолог кадаровского режима Дьёрдь Ацел попросил близкого к власти литературоведа Иштвана Кирая пойти в советское посольство за разъяснениями. 3 ноября в беседе с советским дипломатом Кирай заявил, что Лукач хотя и направил в ЦК ВСРП письмо, в котором выразил острое несогласие с вторжением в Чехословакию (с участием венгерской армии), но не придавал своей позиции гласности, отказался от интервью на эту тему западным корреспондентам и, более того, не откликнулся на призыв Бертрана Рассела присоединиться к письму протеста

3. Он был в разное время членом редколлегии журналов «Звезда», «Знамя», «Вопросы литературы», заместителем главного редактора журнала «Октябрь» (1961–1962) и газеты «Литература и жизнь», реорганизованной позже в еженедельник «Литературная Россия». В 1963–1966 гг. работал главным редактором сценарно-редакционной коллегии Госкино.

от имени ряда крупных западных интеллектуалов⁴. Так что поведение Лукача, говорил Кирай, воспринимается партийным руководством как лояльное и тем досаднее появление статьи Дымшица, искусственно привязывающей Лукача к чехословацким событиям и международному ревизионизму. Вообще, откровенно заметил он, излишняя жесткость в этом вопросе, не учитывающая настроения венгерской интеллигенции, в массе своей не поддержавшей интервенцию в Чехословакию, «превратило бы нынешнюю Венгрию, являющуюся наиболее стабильным и спокойным членом Варшавского договора, в страну с расшатанной внутривластной обстановкой, а это крайне нежелательно вообще и особенно в нынешней международной ситуации». Мне кажется, добавил этот вполне дисциплинированный коммунист, «по наиболее важным вопросам идеологии, касающимся двух партий, нам следовало бы более четко координировать свои выступления» [Запись беседы 1968].

Расхождения КПСС и ВСРП в оценке одного из крупнейших живущих марксистских интеллектуалов возникли не впервые⁵. Их считали нежелательными и в Будапеште, и в Москве, тем более что Я. Кадар подключил свою страну к интервенционистской акции после долгих колебаний, а после ее осуществления не скрывал от советских лидеров своего отношения к ней как к крайне неудачно организованной в политическом плане [Стыкалин 2016, с. 403–446]. Донесение посольства о беседе с Кираем было переслано из МИДа в ЦК, а оттуда в редакцию «Литературной газеты», и 8 декабря ее главный редактор Александр Чаковский в письме секретарю ЦК КПСС Петру Демичеву изложил свое видение событий (см. приложение). Отказ Лукача от публичного выражения своей позиции, по его мнению, не давал оснований для переоценки его общественно-политической роли («строить свое отношение к тому или иному деятелю на основании того, что этот деятель не сде-

4. Совсем иначе отреагировали на вторжение некоторые ученики Лукача, и в том числе наиболее известная из них, Агнеш Хеллер. Находясь в день интервенции в Югославию, на конференции, организованной журналом «Праксис», они присоединились к письму протеста, инициированному западными интеллектуалами. По возвращении на родину были подвергнуты определенным гонениям, ограничениям в публикации новых работ.

5 В 1965 г., получив из Будапешта информацию о том, что в Венгрии будет отмечаться 80-летие Лукача (проведением ряда мероприятий в рамках Академии наук, публикацией поздравительных статей в научных и литературных журналах), в ЦК КПСС сочли нецелесообразным присоединяться к инициативе венгров. Как было сказано в соответствующей записке Идеологического отдела ЦК КПСС, «неверное политическое поведение и ошибочные концепции Г. Лукача, имя которого связано с ревизией основ марксистской эстетики, не дают оснований отмечать его юбилей в советской печати» [Лифшиц и Лукач 2011, с. 166–169]. Такая установка была доведена до сведения редакции «Литературной газеты», литературно-художественных и академических журналов.

лал», – заметил он, – вообще трудно), в то же время у «Литературной газеты» не было оснований оберегать Лукача от критических замечаний уже потому, что на его «вредные» статьи, отождествляющие «искажения культа личности со строительством социализма», постоянно ссылались чехословацкие «ревизионисты», группирующиеся вокруг изданий «Литерарни новины» и «Литерарни листы». Чаковский выразил некоторое недоумение не только тем, что в дружественной социалистической стране негласно меняется официальное отношение к «деятелю столь устойчиво одиозной репутации», но и тем, что дипломатические службы своевременно не информируют об этом аппарат ЦК, который мог бы давать «необходимые ориентировки органам печати» – опытный боец «идеологического фронта», никогда не отклонявшийся от официальной линии партии, нисколько не ставил под сомнение право партии воздержаться от публичной критики «ревизиониста» Лукача, если в силу тех или иных тактических причин она сочтет такую критику нецелесообразной или несвоевременной.

Учитывая изменившееся отношение к Лукачу руководства ВСРП, на Старой площади сочли ненужным развивать публичную критику венгерского философа и литературоведа в рамках крупномасштабной антиревизионистской кампании осени 1968 г., направленной на нейтрализацию влияния реформаторских идей Пражской весны на умы советской интеллигенции – явная неготовность и нежелание следовать примеру венгерских коллег в деле переоценки политического лица Лукача сочетались со стремлением избежать открытых межпартийных разногласий. Вместе с тем позиция Лукача, занятая в связи с вторжением в Чехословакию, лишь укрепила настороженное к нему отношение официальной Москвы, которая и в 1970-е годы не была склонна идти вслед за более либеральным режимом Кадара в переоценке всей его интеллектуальной деятельности. И хотя в начале 1970-х годов, после смерти философа, в советских идеологических структурах утверждается мнение о том, что «было бы неправильно целиком отдавать литературно-философское наследие Лукача в руки ревизионистов и реакционеров»⁶, прозвучавшее в некоторых записках в аппарат ЦК КПСС предложение об издании в Советском Союзе некоторых его более ортодоксальных в марксистском отношении (а на языке того времени, «политически зрелых») работ, в том числе литературоведческих, так и не было воплощено в жизнь. Выборочное издание работ Лукача («Своеобразие эстетического» в четырех томах, «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» и др.) было предпринято только после 1985 г. Но к этому времени авторитет марксистской традиции в сознании

6. Записка Академии общественных наук при ЦК КПСС в ЦК КПСС «Об анализе концепций и взглядов Георга (Дьердя) Лукача» от 31 марта 1972 г. [Лифшиц и Лукач 2011, с. 174].

отечественной гуманитарной интеллигенции упал почти до нулевой отметки, так что выход работ Лукача явился уже холостым выстрелом для тех горбачевских партаппаратчиков, кто (как, например, работавший в то время на Старой площади и курировавший «лукачевские» проекты философ Сергей Земляной) связывал с их изданием некоторые надежды на обновление марксистской мысли и пробуждение общественного интереса к ней.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ПИСЬМО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» А.Б. ЧАКОВСКОГО В ЦК КПСС П.Н. ДЕМИЧЕВУ

Тов. Демичеву П.Н.⁷

Уважаемый Петр Нилович!

В связи с тем, что запись беседы от 3/XI-68 г. III-его секретаря посольства СССР в Венгрии т. Кокеева с венгерским профессором Иштваном Кирай была Вами размечена также и мне, считаю необходимым доложить следующее:

Как явствует из беседы, Кирай высказал неудовольствие в связи с тем, что в статье А. Дымшица, опубликованной в «Литературной газете», упоминается (критически) и Д. Лукач⁸. По мнению Кирая, этого делать не следовало, поскольку Д. Лукач, «направив свое известное письмо в ЦК ВСРП⁹, не только не пошел на огласку факта и содержания письма, но и категорически отказался давать интервью корреспонденту Франс Пресс, заявив, что “оценка событий в Чехословакии – сугубо внутреннее дело ВСРП, и иностранные журналисты не имеют к этому делу никакого отношения”. Более того, Лукач не откликнулся на призыв Бертрана Рассела присоединиться к тем деятелям

7. Демичев П.Н. (1917–2010) – в 1968 г. кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС. В 1974–1986 гг. министр культуры СССР.

8. Более развернуто свои представления о творчестве и идейно-политической позиции Лукача Дымшиц изложил в пространной записке от 14 октября 1968 г., подготовленной по поручению отдела культуры ЦК КПСС, где особенно заинтересовались поведением Лукача в период Пражской весны и его откликом на вторжение армий стран – участниц ОВД в Чехословакию, а также влиянием идей Лукача на настроения европейской интеллигенции в свете Пражской весны. Опубликовано: [Дьердь Лукач: взгляд из Москвы 2007, с. 184–200].

9. С выражением несогласия с участием Венгрии в предпринятой 21 августа 1968 г. военной акции стран – участниц ОВД в отношении Чехословакии.

культуры, которые “подняли голоса протеста против агрессии в Чехословакии”¹⁰. Так что в целом поведение Лукача на данном этапе можно охарактеризовать как лояльное».

Все это т. Кокеев без каких-либо комментариев со стороны своей или посольства, включает в «запись», предназначенную для посылки в Москву.

Не могу не сказать, что подобная методология вызывает недоумение по следующим причинам. Статья, о которой идет речь, была посвящена чуждым взглядам Фишера, и, как явствует из известного Вам сообщения Совпосольства в Австрии, вызвала положительный отклик в местных коммунистических кругах¹¹.

В этой двухподвальной статье Лукачу уделено всего лишь несколько строк. Вот они: «В книге “Искусство и сосуществование” [Fischer 1966]¹², целиком повторяя старые и давно разбитые “аргументы” Георга Лукача, Фишер тщится доказать, будто знаменитая статья В.И. Ленина “Партийная орга-

10. Крупный западный философ, логик, математик Бертран Рассел (1872–1970) выступал не только в роли частного лица, он был одним из инициаторов и лидеров международного Пагуошского движения.

11. Сообщение посольства СССР в Австрии, о котором здесь идет речь, нам не известно. На самом деле среди австрийских коммунистов не было однозначного отношения к Пражской весне и акции стран ОВД против ближайшего соседа Австрии – Чехословакии. Как и лидеры более влиятельных итальянской и французской компартий руководство КПА летом 1968 г. не считало исчерпанными политические, несилловые методы влияния на ситуацию, что нашло отражение и на страницах партийной газеты «Фольксштимме», которая 11 июля открыто обвинила лидеров КПСС в сознательной дезинформации советского народа относительно якобы существующей угрозы социализму в Чехословакии. После 21 августа в кругах КПА была поддержана идея проведения совещания компартий в целях критического обсуждения советской политики в отношении Чехословакии. Позже в руководстве КПА возобладала линия на компромисс с Москвой, Эрнст Фишер и Франц Марек, персонифицировавшие собой курс на идейное обновление, были исключены в 1969 г. из партии. С другой стороны, из КПА вышло немало ее членов (в том числе интеллектуалов), не только увидевших в произошедших 21 августа событиях акцию, позорящую мировое коммунистическое движение, но и разочаровавшихся в результате в возможностях воплощения своих прежних идеалов. В отличие от более самостоятельных в материальном и идеологическом отношении партий австрийская компартия так и не смогла выйти из перманентного кризиса путем радикального обновления своей доктрины. После подавления Пражской весны она окончательно маргинализируется в австрийском обществе.

12. Позиция, занятая Фишером в связи с чехословацкими событиями, дала повод для острой критической кампании против него в СССР, начало которой было положено главным печатным органом КПСС [Петров 1968, с. 4; Козинг 1971; Дымищ 1972; Суровцев 1972]. Кстати, как явствует из опубликованной переписки Лукача с его московским другом М. Лифшицем, тот пытался склонить его к принципиальной критике идей Э. Фишера, но получил отказ.

низация и партийная литература” обращена только к партийным публицистам и не имеет отношения к проблемам художественного творчества»¹³.

Из сообщения т. Кокеева можно сделать вывод, что такое упоминание делать не следовало. Почему? Потому что Лукач, хотя и написал «свое известное письмо в ЦК ВСРП», но впоследствии никому не давал о нем интервью и публично не выступал. Строить свое отношение к тому или иному деятелю на основании того, что этот деятель НЕ СДЕЛАЛ, «Литературной газете» трудно. Трудно хотя бы потому, что за тем, что человек ДЕЛАЕТ, можно следить по всем доступным источникам. За тем, чего он НЕ ДЕЛАЕТ – уследить трудно.

У «Литературной газеты» не было никаких ЗРИМЫХ оснований оберегать Лукача от критических замечаний.

А вот для того, чтобы эти замечания делать, у нее основания были.

И вот некоторые из них.

Как известно, секретарь ЦК ВСРП тов. Д. Ацел высказал пожелание о необходимости дискуссий с тов. Лукачем. В частности, т. Д. Ацел указал, что «в своем интервью “Непсабадшаг”¹⁴ и в других заявлениях тов. Лукач односторонне делает ударение на разрыве, не освещает должным образом непрерывность». (Имеются в виду высказывания Лукача по вопросу непрерывности, а также разрыва между нынешним периодом рабочего движения и периодом, предшествовавшим 1956 г.).

Тов. Д. Ацел также подчеркнул ошибочность употребляемого Лукачем «выражения “сталинская эпоха” и особенно “сталинизм”, ведь формулировка “сталинская эпоха” отождествляет искажение культа личности со строительством социализма»¹⁵.

13. Имеется в виду позиция Лукача, изложенная им, в частности, в статье второй половины 1940-х годов «Партийная поэзия».

14. Интервью, которое Лукач дал журналистам П. Рени и П. Панди, было опубликовано в главной газете ВСРП «Népszabadság» на Рождество, 24 декабря 1967 г. [At home 1968, p. 74–82].

15. В своем рождественском интервью газете «Népszabadság» за 1967 г. Лукач в сущности повторил уже звучавший в статье 1964 г. «Социалистический реализм сегодня» [Лукач 1991] тезис о том, что ни в одной социалистической стране невозможно написать правдивый роман о современности без критического осмысления сталинской эпохи. Это вызвало полемику главного идеолога кадаровской ВСРП Дьердя Ацела, заметившего, что «одностороннее подчеркивание [Лукачем] нарушения преемственности в нашем развитии искажает реальную картину» [Aczél 1970, P.20]. Ацел полемизировал со взглядами Лукача в этот период, в частности, в своей программной лекции в политической академии ВСРП в апреле 1968 г., в которой были выражены приверженность курсу на экономические реформы в собственной стране, поддержка коммунистов-реформаторов в соседней Чехословакии и вместе с тем указано, что руководство ВСРП, признавая существование идейного плюрализма в

Орган чехословацких писателей «Литерарни листы» первого августа сего года перепечатал из венгерского журнала «Кортарш» высказывание Д. Лукача о проблеме сосуществования, подчеркнув, что «в теперешнем контексте и как зеркало нашего развития мы считаем это выступление чрезвычайно важным». Так, по мнению Лукача, «для того, чтобы освободить силы для классовой борьбы в рамках сосуществования, необходимо в области культуры реабилитировать пролетарскую демократию».

По словам Лукача, «любое литературное явление может оказаться в фальшивом свете, если против него будут предприняты бюрократические акции». В качестве примера он приводит Солженицына и Пастернака, заявляя: «Я не вижу никаких оснований для того, чтобы мы препятствовали существованию возникших тенденций, сопровождаемых серьезными дискуссиями»¹⁶.

венгерском обществе, не потерпит создания политической оппозиции. В специальном документе, подготовленном весной 1968 г. в аппарате ЦК ВСРП, отмечалось, что в выступлениях Лукача последних лет (в том числе его интервью) рождается определенная концепция, в которой наряду с «правильными» присутствуют и спорные моменты – преувеличение специфичности советского пути развития и недооценка советского опыта для восточноевропейских стран, строящих социализм, применение категории «сталинизм», чересчур негативистская оценка пройденного Венгрией в последние десятилетия исторического пути, чрезмерный якобы акцент на опасности бюрократизма, выхолащивающего, по его мнению, социалистическое содержание общественных процессов в СССР и социалистических странах [Urbán 1990, p. 2]. Дистанцируясь от некоторых заявлений Лукача, руководство ВСРП в то же время старалось дать понять венгерской интеллигенции, что философа и партию (восстановившую его в своих рядах) большее объединяет, нежели разделяет. Оно не препятствовало также публикации его новых работ в Венгрии. Лукач воспринимал свои разногласия с главным идеологом партии как нечто вполне естественное. В одном из интервью он прямо заявил, что ни в коем случае не хотел бы оказаться в роли официального философа, ибо это не способствовало бы развитию марксистской мысли в Венгрии.

16. Речь идет об интервью Лукача, опубликованном в мае 1968 г. в венгерском литературном журнале «Kortárs». Оно имело широкий резонанс в мире, было перепечатано ведущими коммунистическими газетами Югославии («Борба»), Италии («L'Unità») [Lukács on Coexistence 1968]. См. также адресованную в ЦК КПСС справку Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) от 25 июля 1968 г. о зарубежных публикациях и комментариях некоторых произведений и выступлений Д. Лукача [Справка Главного 1968]. В откликах зарубежной прессы отмечалось, что Лукач остался последовательным в критике всего того, что называется «официозным марксизмом», и в своем требовании поставить весь предшествующий период развития марксизма «под увеличительное стекло самокритики». Особое внимание как западных комментаторов, так и представителей Главлита привлекла мысль Лукача о том, что «в сталинский период европейская интеллигенция утратила веру в благонамеренность» коммунистов. Комментировался и тезис Лукача о том, что для людей, разочаровавшихся в западной демократии, сегодняшний

Газета «Литерарни новины» (орган Союза чехословацких писателей), вскоре после принятия Лукача в партию, перепечатала интервью с ним из венгерской печати¹⁷. В этом интервью, в частности, говорится: «Ни в одной социалистической стране нельзя создать правдивого произведения о сегодняшнем человеке, если автор не постарается расчитаться со сталинским периодом».

В этой связи позволю себе заметить следующее.

Мне представляется, что если в той или иной стране отношение к деятелю столь устойчиво одиозной репутации как, например, Лукач меняется, причем меняется «негласно», то обязанностью посольства является своевременное извещение об этом ЦК, аппарат которого, в таком случае, обычно дает необходимые ориентировки органам печати.

К сожалению, практика показывает, что некоторые посольства (или их отдельные работники), своевременно не информируя о тех или иных важных конкретностях идейной борьбы в странах пребывания (я имею в виду сферу культуры), ограничивают свою роль тем, что лишь регистрируют в своих сообщениях ту или иную отрицательную реакцию на тот или иной материал советской прессы.

О том, что этой реакции можно было бы избежать, если бы «глаза и уши» нашей страны – посольства более точно и оперативно сообщали бы о том, что «видят» и «слышат», некоторые наши товарищи за рубежом, видимо, забываются недостаточно.

Разумеется, редакция «Литературной газеты» сделает выводы из сообщения т. Кокеева, хотя до сих пор не знает, в какой мере (в данном конкретном случае) взгляды Иштвана Кирай разделяются партийным руководством Венгрии.

А. Чаковский

8 декабря 1968 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 25. Л. 225–227.

социализм не является притягательной силой, ведь «у нас нет приемлемых ответов на вопросы», которые ставит наше время, и люди «беспомощно разводят руками и говорят: “Судьба человечества в самом деле безвыходна”».

17. Речь идет о вышеупомянутом интервью, опубликованном в «Népszabadság» 24 декабря 1967 г. Д. Лукач был восстановлен в ВСРП в августе 1967 г., хотя широкая общественность была информирована об этом позже.

Библиография

- Дьердь Лукач: взгляд из Москвы (1968 г.) / Публикация, предисловие и комментарии А.С. Стыкалина // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 3. М. Ставрополь, 2007. С. 184–200.
- Дымшиц А. За и против. М.: Правда, 1972. 124 с.
- Козинг А. Эрнст Фишер – современный марксист? М: Прогресс, 1971. 127 с.
- Лифшиц Мих. и Лукач Д. Переписка. 1931–1970. М.: Grundrisse, 2011. 296 с.
- Лукач Д. Что такое новизна в искусстве? (Неизвестные русскому читателю статьи Д. Лукача) // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 40–92.
- Петров И. В унисон с реакцией // Правда. 1968. 5 окт. С. 4.
- Письмо А.Б. Чаковского в ЦК КПСС. 8.12.1968 // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 25. Л. 225–227.
- Справка Главного управления по охране государственных тайн в печати в ЦК КПСС. 25.07.1968 // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 54–57.
- Стыкалин А.С. Опыт 1956 года в 12-летней ретроспективе. «Пражская весна» и позиция руководства Венгрии // Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 403–446.
- Суровцев Ю. В лабиринте ревизионизма (Эрнст Фишер, его идеология и эстетика). М.: Художественная литература, 1972. 336 с.
- Aczél Gy. Eszmenk erejével. Budapest: Kossuth, 1970. 276 p.
- At home with György Lukács // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. N 29. Spring 1968, Budapest. 74–82 p.
- Fischer Ernst. Kunst und Koexistenz: Beitrag zu einer modernen marxistischen Ästhetik. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1966. 235 s.
- Lukács G. Meaning of Contemporary Realism. London: Merlin Press, 1963. 137 p.
- Lukács on Coexistence // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. N 32. Winter 1968. Budapest. P. 166–179.
- Lukacs G. Solzhenitzsyn. London: Merlin Press, 1970. 88 p.
- Urbán K. Lukács és az MSzMP 1967/68-ban // Magyar Nemzet. Budapest, 1990. 2. Apr. P. 2.
- Запись беседы с И. Кираем. Посольство СССР в Венгрии. 3 ноября 1968 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 25. Л. 222–224.

References

- Aczél Gy. Eszmenk erejével [With the force of the ideas]. Budapest: Kossuth, 1970. 276 p. (In Hung.).
- At home with György Lukács // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. N 29. Spring 1968, Budapest. P. 74–82.
- Dymshits A. Za i protiv [Pro et contra]. Moscow: Pravda, 1972. 124 p. (In Russ.)
- Zapis' besedy s I. Kiralyem. Posolstvo SSSR v Vengrii [The Record of the conversation with István Király. The Embassy of the USSR in Hungary]. 1968. 3 Nov. // The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 5. Inv. 60. F. 25. L. 225–227. (In Russ.)
- Fischer Ernst. Kunst und Koexistenz: Beitrag zu einer modernen marxistischen Ästhetik. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1966. 235 s.
- György Lukács: vzglyad iz Moskvyy (1968) [György Lukács: View from Moscow (1968)] / Publication, foreward and comments of A. Stykalin // Rossiisko-avstriiskii almanakh: istoricheskie i kul-

turnyie paralleli [Russian-Austrian Almanac: Historical and Cultural Parallels]. Issue 3. Moscow-Stavropol, 2007. P. 184–200. (In Russ.)

Kosing A. Ernst Fischer – sovremenniy Marxist? [Ernst Fischer is a Modern Marxist?]. Moscow: Progress, 1971. 127 p. (In Russ.)

Lifshitz Mikhail i Lukács György. Perepiska [Correspondence]. 1931–1970. Moscow: Grundrisse, 2011. 296 p. (In Russ.)

Lukács Gy. Chto takoe novizna v iskusstve? (Neizvestnyie russkomu chitateliu statyi G. Lukácsa [What is the Novelty in the Art? (György Lukács's articles unknown for Russian readers)] // Voprosy literatury [Questions of Literature], 1991. N 4. P. 40–92. (In Russ.)

Lukács G. Meaning of Contemporary Realism. London: Merlin Press, 1963. 137 p.

Lukács on Coexistence // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. N 32. Winter 1968. Budapest. P. 166–179.

Lukács G. Solzhenitsyn. London: Merlin Press, 1970. 88 p.

Petrov I. V unison s reaktsiei [In the Unison with the Reaktion] // Pravda. 1968. Oktober 5. P. 4. (In Russ.)

Pis'mo A.B. Chakovskogo v TsK KPSS. [The letter of A.B. Chakovskii to the Central Committee of the CPSU]. 1968. 8 Dec. // The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 5. Inv. 60. F. 25. L. 225–227. (In Russ.)

Spravka Glavnogo Upravleniya po ohrane gosudarstvennykh tain v pechati v Ts KPSS [The Note of the Main Directorate for the Protection of State Secrets to the Central Committee of the CPSU]. 1968. 25 Jul. // The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 5. Inv. 60. F. 20. L. 54–57. (In Russ.)

Stykalin A.S. Opyt 1956 goda v 12-letnei retrospektive. «Prazhskaya vesna» i pozitsiya rukovodstva Vengrii // Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospektive [The Hungarian Crisis of 1956 in the Historical Retrospective]. Moscow: University of Dmitrii Pozharskii, 2016. P. 403–446. (In Russ.)

Surovtsev Yu. V labirinte revizionizma (Ernst Fischer, ego ideologiya i estetika) [In the Labyrinth of the Revisionism (Ernst Fischer, his Ideology and Aesthetics)]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1972. 336 p.

Urbán K. Lukács és az MSzMP 1967/68-ban // Magyar Nemzet. Budapest, 1990. 2 Apr. P. 2. (In Hung.)

Р.Х. Мирзаязов

**К ВОПРОСУ О ВАРИАНТАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ТЕРРОРИЗМУ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИИ**

Аннотация. Статья посвящена правовому противодействию экстремизму и терроризму на примере России с учетом модернизации соответствующего законодательства. Мы сталкиваемся с нормативной и правовой коллизией, поскольку, по существу, отсутствует четкое разграничение терроризма и экстремизма. Между тем практика показывает различие действий (целерациональных) в терроризме и действий (ценностно-рациональных) в экстремизме. Терроризм и экстремизм «объединяет» воздействие на государственную власть, где в первом случае предполагается элиминация самой государственной основы ее существования. Экстремизм в общем целеполагании предусматривает дестабилизацию и ослабление государства и ведет к его гибели с точки зрения территориальной целостности. На наш взгляд, указанную «специфику» терроризма и экстремизма следует учитывать для более адекватного понимания данных феноменов и конкретизации правовых механизмов по противодействию им в Российской Федерации. Терроризм и террористическая деятельность, по сути, представляет собой политическое явление, предполагающее определенную целерациональность по овладению или существенному воздействию на власть с использованием исключительно насильственных методов. Экстремизм изначально не имеет цели, поскольку представляет собой ценностно-рациональное демонстративное поведение, отраженное в том или ином радикальном (как правило насильственном) протесте различной степени интенсивности. Таким образом, «деятельностный» компонент изначально не присутствует в экстремизме, и трактовать его как деятельность, пожалуй, преждевременно. Однако данная ситуация, как правило, «разрешается» при трансформации экстремизма в целерациональный, целеустремленный, приобретающий черты политической деятельности, которая может происходить автономно или срачиваться с другим ее видом – терроризмом. В последнем случае вполне справедливым выглядит утверждение о том, что терроризм – крайняя форма экстремизма, но не тождественна ему.

Ключевые слова: противодействие экстремизму и терроризму; правовое поле России; международное право; модернизация законодательства.

Мирзязянов Рамиль Хакимович – начальник учебной части
кафедры специальной подготовки военного учебного центра
при МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: ramilhakimovich@mail.ru

Mirzazyanov R.H. On the issue of options for the modernization of legislation pertaining to extremist activity and terrorism in the legal field of Russia

Abstract. *The article is devoted to the legal counteraction to extremism and terrorism taking Russia as an example and considering the modernization of the relevant legislation. We are faced with a regulatory and legal conflict, since, in essence, there is no clear distinction between terrorism and extremism. Meanwhile, practice shows the difference between actions (purposeful-rational) in terrorism and actions (value-rational) in extremism. Terrorism and extremism are «united» by the impact on state power, where in the first case it is supposed to eliminate the very state basis of its existence. In general goal-setting, extremism presupposes the destabilization and weakening of the state and leads to its death from the point of view of territorial integrity. In our opinion, the «specifics» of terrorism and extremism should be taken into account for a more adequate understanding of these phenomena and the specification of legal mechanisms for countering them in the Russian Federation. Terrorism and terrorist activity is essentially a political phenomenon that implies a certain goal-oriented rationality for mastering or significantly influencing power using exclusively violent methods. Extremism initially has no purpose, since it is a value-rational demonstrative behavior, reflected in a particular radical (usually violent) protest of varying degrees of intensity. Thus, the «activity» component is not initially present in extremism, and it is perhaps too early to interpret it as an activity. However, this situation is typically «resolved» when extremism is transformed into its purposeful state, acquiring the features of political activity that can occur autonomously or merge with its other type – terrorism. In the latter case, the statement that «terrorism is an extreme form of extremism, but is not identical to it», looks quite fair.*

Keywords: *countering extremism and terrorism; the legal field of Russia; international law; modernization of legislation.*

Mirzazyanov Ramil Khakimovich – head of the educational Department
of the Department of special training of the military training center
at Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: ramilhakimovich@mail.ru

От адекватной юридико-правовой квалификации и конкретизации тех или иных действий, подпадающих под категорию террористических и экстремистских, в немалой степени зависит уровень антитеррористической безопасности в том или ином государстве.

Правовые параметры противодействия терроризму и экстремизму, как известно, определены Стратегией национальной безопасности РФ, утвержденной в современной редакции 31.12.2015 № 683 (как и ее новая версия от 02.07.2021 № 400).

Данная стратегия уточняет угрозы, в числе которых «деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя <...>, радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, <...> направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Стратегия 2015].

При этом в Стратегии проводится различие между целеполаганием терроризма по изменению конституционного строя и экстремизма, сконцентрированного на нарушении единства и территориальной целостности России.

Таким образом, терроризм и экстремизм «объединяет» воздействие на государственную власть, где в первом случае предполагается элиминация самой государственной основы ее существования. Экстремизм в общем целеполагании предусматривает дестабилизацию и ослабление государства и ведет к его гибели с точки зрения территориальной целостности.

На наш взгляд, указанную «специфику» терроризма и экстремизма следует учитывать для более адекватного понимания данных феноменов и конкретизации правовых механизмов по противодействию им в Российской Федерации. Здесь имеет смысл обратиться к основному нормативному и правовому акту прямого действия, существующему в нашей стране – Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который за последние годы претерпел изменения и дополнения 20 раз (последние 26 мая 2021 г.), с принятием которого утратил силу Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом».

За рамки данного исследования выходит детальный юридический анализ данного закона, как, впрочем, и других нормативных правовых актов, направленных на противодействие терроризму и экстремизму. Однако представляется целесообразным обратить внимание на принципиальные положения, отражающие как квалификацию данных негативных явлений, так и их эволюцию в правовом поле РФ.

Известно, что к правовым основам противодействия терроризму относится вся совокупность нормативных правовых актов, действующих на территории России в этой сфере. Естественно, наиболее фундаментальным из них является Конституция РФ, недавние поправки к которой конкретизированы в ст. 4 п. 3 названного закона, определяющего что «решения межгосу-

дарственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [Конституция 2020, ст. 79].

Кроме того, в различные годы в действующий закон были внесены принципиальные дополнения, адекватные трансформационным изменениям самого терроризма и новеллам по противодействию ему. Например, была уточнена дефиниция «террористический акт» (ст. 3 п. 3), определены такие понятия, как противодействие терроризму, его предупреждение, выявление и минимизация последствий (ст. 3 п. 4), а также параметры антитеррористической защищенности объекта (территории) (ст. 3 п. 6).

Кроме того, подтверждено понимание терроризма и террористической деятельности в качестве совокупности целерациональных действий: организация, подстрекательство, вербовка, информационное пособничество, пропаганда, распространение материалов и прочее [Федеральный закон 2006]. К слову, вызывает некие сомнения квалификация терроризма как идеологии насилия, которая, вне всякого сомнения, актуализирована в самой террористической деятельности, но все-таки не является ее базовым, основополагающим компонентом. В данном случае мы отстаиваем свою гипотезу о том, что терроризм в своей основе содержит целерациональные действия, т.е. воздействие на власть с помощью потенциального (страх, угрозы) или актуального (теракт) насилия. Впрочем, применительно к терроризму упоминание идеологии не играет принципиальной роли, хотя способно дезориентировать правоприменителя.

Кроме того, в силу объективных изменений как в самой террористической деятельности и организациях, ее представляющих, так и в социально-политической практике противодействия им в рамках контртеррористических операций на Северном Кавказе, в Сирии, в некоторых регионах и городах РФ, подвергавшихся террористическим атакам, проблема противодействия и превентивизации терроризма актуализируется. В частности, это связано с конкретизацией организационных основ противодействия терроризму (ст. 5), компетенций и полномочий органов Федеральной власти, субъектов Федерации, органов местного самоуправления, входящих с недавнего времени в систему публичной власти в РФ, а также юридических и физических лиц.

Определенным редакционным изменениям в данном законе подверглись статьи, отражающие процедуру признания организации террористической и ведения их федерального списка.

Свидетельства перманентной модернизации нормативной правовой составляющей в вопросах противодействия экстремистским угрозам также присутствуют в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон 2002], в который было внесено 18 изменений и дополнений, в том числе в 2021 г. Обращают на

себя внимание изменения в ст. 1 названного закона в редакции от 31.07.2020 г., где дается следующее определение экстремистской деятельности (экстремизма): «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности РФ» [Федеральный закон 2002]. Данную дефиницию, на наш взгляд, следует рассматривать как нечто общее между терроризмом и экстремизмом (что имеет место в Стратегии национальной безопасности РФ), где в первом случае, очевидно, имеется в виду цель деятельности, а во втором – одно из средств для ее достижения. Мы сталкиваемся с нормативной и правовой коллизией, поскольку, по существу, отсутствует четкое разграничение терроризма и экстремизма. Между тем практика показывает различие действий (целерациональных) в терроризме и действий (ценностно-рациональных) в экстремизме.

Перечень действий, отражающих качественную определенность экстремизма, конкретизирован в упомянутой ст. 1 в редакции от 31.07.2020 г., среди которых можно выделить основные: «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина <...> воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав <...> воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте “е” части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных <...> до степени смешения <...> публичные призывы к осуществлению указанных деяний <...> публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность <...> организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления <...> услуг» [Федеральный закон 2002, ст. 1].

Согласно рассматриваемому закону, к основным понятиям, помимо собственно экстремизма, следует относить понятие экстремистской организации, признанной по закону таковой и подлежащей ликвидации по суду, и понятие экстремистских материалов, содержащих призывы, обосновывающих и оправдывающих осуществление экстремистской деятельности, включая труды идеологов национал-социализма и фашизма. При этом выделен (п. 4) отдельно запрет на символику ликвидированной по суду экстремистской организации.

Начиная с 2015 г. рассматриваемый нормативный правовой акт был расширен дополнительной новеллой и статьей 3.1 «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов», где зафиксировано, что «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитирование из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [Федеральный закон 2002, ст. 3.1], что, на наш взгляд, принципиально важно.

В части профилактики экстремистской деятельности (ст. 5) и недопустимости ее осуществления (ст. 6, 7) предусмотрены такие меры, как объявление предостережения, предупреждение – включая недопустимость распространения экстремистских материалов (ст. 8). Данные меры представлены профилактикой экстремистских проявлений с отмеченным выше приостановлением деятельности религиозных и общественных объединений и даже их ликвидацией (ст. 9, 10, 11).

Наконец, с учетом социально-политической практики последних лет в нашей стране и за рубежом настоящий закон регламентирует недопущение осуществления экстремистской деятельности при проведении массовых акций [Федеральный закон 2002, ст. 16].

Учитывая, что в 2020 г. была утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. в новой редакции, обратим внимание на ее некоторые принципиальные положения. Отмечается, что данная Стратегия «разработана в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации, а также в целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности”» [Стратегия 2020]. Здесь уточняется понятие экстремистской деятельности, осуществляемой:

- националистическими;
- радикальными общественными;
- религиозными;
- этническими и иными организациями и объединениями

и направленной «на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране» [Стратегия 2020].

Для раскрытия содержания настоящей Стратегии используется соответствующий понятийно-категориальный аппарат, значительная часть его посвящена идеологии, которая, как известно, наравне с социальными нормами и ценностями составляет основу экстремизма как формы политического поведения. Она представлена в документе следующим образом:

«а) идеология насилия – совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей;

б) радикализм – бескомпромиссная приверженность идеологии насилия ...;

в) экстремистская идеология – совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов» [Стратегия 2020].

Полагаем, что понятия идеологии и насилия преднамеренно внесены в данную Стратегию в качестве функционально-операционной основы и критерия идентификации радикализма несмотря на то, что в социально-политической практике это не встречается (кроме некоего афоризма), а если и присутствует, то в завуалированной, латентной форме. В данном случае подчеркивается дополнительная характеристика вовлеченности насилия в тот или иной идеологический комплекс. Иными словами, очевидно, что любые классические политические идеологии – либеральные, консервативные, этнические, религиозные и прочие – в трансформационных формах с радикальной бескомпромиссной приверженностью насилию могут считаться экстремистскими идеологиями во всем многообразии их проявлений.

Подобная триада: «идеология насилия – радикализма – экстремистская идеология» фиксирует степень приверженности субъектов идеологии (физических лиц, организаций и объединений, включая политические партии) с радикальной и насильственной формами реализации их устремлений. Отмеченное в рассматриваемой Стратегии тем более важно, что до сих пор бытует мнение о презумпции и даже генетической «прививке» от использования насильственных методов упомянутых здесь идеологических течений, например либерализма, которые (правый и левый варианты) в современных реалиях уже вполне открыто демонстрируют приверженность насильственным действиям.

В связи с этим оправданным представляется допущение о том, что в процессе модернизации нормативного правового поля РФ в данном контексте следует скорректировать отечественное законодательство по противодействию как экстремизму, так и терроризму.

При этом в Стратегии отмечается, что в современных условиях «крайним проявлением экстремизма является терроризм» [Стратегия 2020], основанный на экстремистской идеологии (насилия) и это будет сохраняться, «пока существуют источники и каналы распространения экстремистской идеологии» [Стратегия 2020], угрожающие государственной и общественной безопасности.

Инструменты и механизмы противодействия экстремизму предполагают свое совершенствование с появлением новых факторов, требующих антиэкстремистского нормативного правового регулирования. К числу недавно при-

нятых документов можно отнести Федеральный закон «О внесении изменений в статью 354.1 УК РФ», предполагающий усиление ответственности за реабилитацию нацизма и оскорбление ветеранов Великой Отечественной войны [Федеральный 2019].

При завершении анализа концептуально-теоретических оснований противодействия экстремизму и терроризму и определении имеющихся тенденций для оптимизации соответствующего нормативно-правового поля РФ имеет смысл остановиться на Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации от 5.10.2009 г. Как было отмечено ранее, правовые и стратегические документы на определенный темпоральный период разрабатываются исходя из необходимой корректировки некоторых положений и конкретизации норм в соответствии с изменяющимися социально-политическими реалиями, трансформации как терроризма, так и экстремизма и сопутствующих им явлений.

В связи с этим исследуемая Концепция противодействия терроризму определила следующие императивы:

- а) реагирование на изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности;
- б) определение компетенции субъектов противодействия терроризму;
- г) установление ответственности физических и юридических лиц за несоблюдение требований законодательства РФ в области противодействия терроризму;
- д) определение адекватных угрозам террористических актов мер стимулирования и социальной защиты;
- е) обеспечение эффективности уголовного преследования за террористическую деятельность [Концепция 2009].

Рассмотрев базовые правовые подходы к определению терроризма и экстремизма, а также механизмы противодействия им в законодательстве РФ, следует отметить их специфику, особенно в процессе правоприменения.

Во-первых, обозначим, что национальное законодательство, в общем и целом, скоординировано с международным правом в форме договоров, конвенций и резолюций, межгосударственных соглашений, если они не противоречат действующей Конституции РФ (согласно поправкам в нее от 2020 г.). При этом большинство международно-правовых актов, например Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г., однозначно предполагает национальный уровень по предупреждению этого глобального социального зла в сочетании с международным сотрудничеством [Конвенция 2005].

В связи с этим основная «тяжесть» нормативного и правового регулирования по противодействию, предупреждению и борьбе с проявлениями терроризма (и экстремизма) ложится на национальное законодательство и органы власти в его практической реализации.

Во-вторых, в этой сфере Российская Федерация, особенно за последние 20 лет, создала достаточно эффективные механизмы «позитивного» правоприменения в части борьбы и противодействия терроризму и экстремизму, среди которых:

- уточнение понятий «террористический акт» и «террористическая деятельность»;
- фиксация положения о том, что терроризм – идеология насилия, и его основной цели – воздействие на принятие решений органами публичной власти;
- определение основных принципов противодействия, пресечения, минимализации или ликвидации последствий террористических актов и терроризма в целом;
- осуществление «криминализации» пропаганды идей терроризма (а также пересмотр признаков теракта ст. 205 УК РФ и содействия террористической деятельности ст. 205.1 УК РФ, призывы к терроризму или его публичное оправдание ст. 205.2);
- введено понятие контртеррористической операции (КТО) и ее режим;
- раскрыто понятие «экстремистская организация», «экстремистские материалы», «идеология насилия», «радикализм», уточнены механизмы их профилактики и проч.;
- в самом общем виде определено соотношение между терроризмом и экстремизмом.

При этом среди представителей юриспруденции существует мнение об имеющем место «игнорировании» в уголовном праве принципа системного выражения уголовно-правовых норм, что подтверждается дублированием составов преступлений в части терроризма и экстремизма и дает возможность дезориентации правоприменителя по ст. 205 и ст. 280 УК РФ. Трудно не согласиться с утверждением, что «спорным остается вопрос отнесения терроризма и его проявлений к преступлениям экстремистской направленности» [Алехин 2018, с. 28]. При этом автор отмечает: «Отсутствие единообразия в его понимании подчас приводит к смешению данных понятий и их употреблению в качестве равнозначных. Несомненно, такое положение не лучшим образом сказывается не только на законодательном уровне, а, в первую очередь, на деятельности правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с данными негативными явлениями» [Алехин 2018, с. 28].

Иной подход демонстрируют М.П. Киреев и Н.Н. Юров: «Рассмотрев понятие “террористическая деятельность” и “экстремистская деятельность”, приходим к выводу о том, что это два вида самостоятельной преступной деятельности, их отличие заключается в том что у “экстремистской деятельности” свой самостоятельный объект посягательства т.е. государственное устройство, межнациональные и межэтнические отношения, на которые

посягают лица, проповедующие человеконенавистнические идеи, унижающие человеческое достоинство, т.е. всё то что урегулировано в 29 главе УК РФ» [Киреев, Юров 2016, с. 208–209].

Данная сентенция предваряется утверждением о том, что «уголовно-правовая суть понятия “террористическая деятельность” четко раскрыта в ст. 205 УК РФ, а понятие “экстремистская деятельность” в ст. 282.2 УК РФ» [Киреев, Юров 2016, с. 207].

На наш взгляд, следует прояснить вышеприведенные умозаключения в рамках исследовательских задач, поставленных в данной статье. Напомним, что объективная сторона предполагает наличие противоправного поведения. При этом, как известно, противоправное деяние представляет собой некий акт поведения (коллективного или индивидуального), выраженного в активном действии или бездействии.

Это следует иметь в виду, даже абстрагируясь от криминальной основы исследуемых феноменов – терроризма и экстремизма, а также их трансформационных производных. Здесь представляется продуктивным представить соотношение терроризма и экстремизма с точки зрения политической праксеологии.

Исходя из таких оснований терроризм и соответствующая деятельность по сути представляет собой политическое явление, предполагающее определенную целерациональность по овладению или существенному воздействию на власть с использованием исключительно насильственных методов.

Экстремизм изначально не имеет цели, поскольку представляет собой ценностно-рациональное демонстративное поведение, отраженное в том или ином радикальном (как правило насильственном) протесте различной степени интенсивности. Таким образом, «деятельностный» компонент изначально не присутствует в экстремизме и его, как представляется, преждевременно, понимать в качестве деятельности. Однако данная ситуация как правило «разрешается» при трансформации экстремизма в целерациональный, целеустремленный, приобретающий черты политической деятельности, которая может функционировать автономно или срачиваться с другим ее видом – терроризмом. В последнем случае вполне справедливым выглядит утверждение о том, что «терроризм – крайняя форма экстремизма, но не тождественна ему».

На наш взгляд, соотношение между терроризмом и экстремизмом выглядит следующим образом (см. схему 1).

При подобных эволюции и функционировании терроризма и экстремизма, а также градации и соотношения между ними, следует предположить следующее. Генетической основой этих негативных социально-политических феноменов является актуальное или потенциальное насилие, имеющее как правило (но не всегда) идеологическое оформление. Терроризм как таковой в социально-политической практике не присутствует в форме «поведенческих»

действий, являясь односоставным явлением, относящимся к политической деятельности. Экстремизм имеет двусоставную структуру: экстремистское поведение и экстремистская «деятельность», этимологически объединенные (особенно в праве) этим понятием.

Схема 1. Соотношение экстремизма и терроризма

На наш взгляд, подобные сентенции особенно важны в рамках правотворчества для корректировки механизмов адекватного правоприменения. Именно здесь возникает вопрос относительно того, как наилучшим образом отразить в стратегических документах и законах качественную определенность терроризма (террористической деятельности), экстремизма и экстремистской «деятельности».

Очевидно, что пока данная дифференциация практически отсутствует или имеет место в качестве неконкретных умозаключений. По-видимому, одним из вариантов санкционного ограничения экстремизма как поведения и

экстремистской деятельности было бы отнесение первого – к административному, а второго – к уголовному праву.

Кроме того, заслуживает внимания мнение о том, что необходимо «принятие закона, который объединял бы усилия по противодействию экстремизму и терроризму» [Кулешова 2019, с. 70]. Впрочем, хотя это мнение и относится к дискуссионной позиции, следует отметить, что противодействие экстремизму и терроризму должно иметь системный и комплексный характер, отраженный в нормативном правовом поле РФ. Здесь вполне допустима разработка общего и фундаментального нормативного акта (кодекса) «О противодействии (борьбе) с экстремизмом и терроризмом».

Библиография

Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. – 2018. – № 4. – С. 26–31.

Киреев М.П., Юров Н.Н. О соотношении понятий «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность» // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 207–209.

Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Варшава, 16.05.2005 // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/196?module=treaty-detail&treatynum=196> (дата обращения: 25.03.2021).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.03.2021).

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий и вопросы законодательного их разграничения // Проблемы права. – 2019. – № 2 (71). – С. 68–71.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2021).

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утверждена Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ О противодействии экстремистской деятельности // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.08.2021).

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.06.2021).

Федеральный закон от 04.11.2019 № 354-ФЗ «О внесении изменений в статью 322-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

References

Alehin E.V. Vidy i klassifikacija prestuplenij jekstremistskoj napravlenosti [Types and classification of extremist crimes]. *Policejskaja dejatel'nost'* [Police activity]. – 2018. – N 4. – P. 26–31. (In Russ.)

Kireev M.P., Jurov N.N. O sootnoshenii ponjatij «terroristicheskaja dejatel'nost'» i «jekstremistskaja dejatel'nost'» [On the relationship between the concepts of «terrorist activity» and «extremist activity»]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Juridicheskij zhurnal* [Gaps in Russian legislation. Legal journal]. – 2016. – N 3. – P. 207–209. (In Russ.)

Konvencija Soveta Evropy o preduprezhdenii terrorizma, Varshava [Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, Warsaw], 16.05.2005. *Oficial'nyj sajt Soveta Evropy* [Official website of the Council of Europe]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/196?module=treaty-detail&treatynum=196> (date of access: 25.03.2021). (In Russ.)

Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020)]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 19.03.2021). (In Russ.)

Koncepcija protivodejstvija terrorizmu v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 05.10.2009) [The concept of countering terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009)]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 15.04.2021). (In Russ.)

Kuleshova G.P. Terrorizm i jekstremizm: sootnoshenie ponjatij i voprosy zakonodatel'nogo ih razgranichenija [Terrorism and extremism: correlation of concepts and questions of their legislative differentiation]. *Problemy prava* [Problems of Law]. – 2019. – N 2 (71). – P. 68–71. (In Russ.)

Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 31 dekabrja 2015 g. N 683 [National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 10.04.2021). (In Russ.)

Strategija protivodejstvija jekstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda, utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 29 maja 2020 g. № 344 [Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 N 344]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 15.04.2021). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti» [Federal Law N 114-FZ dated 25.07.2002 On combating extremist activity]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 1.08.2021). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» [Federal Law N 35-FZ of 06.03.2006 «On countering terrorism»]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 26.06.2021). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 04.11.2019 № 354-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'ju 322-1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'ju 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Federal Law N 354-FZ dated November 4, 2019 «On Amendments to Article 322-1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation»]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 15.04.2021). (In Russ.)

К.Д. Корнадут

**«ЦЕЛИ БЫЛИ СКОРЕЕ ЭТИЧЕСКИЕ, ЧЕМ ПОЛИТИЧЕСКИЕ».
ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ НАД КНИГОЙ Г.А. МОРЕВА «ДИССИДЕНТЫ»**

Аннотация. Попытки осмыслить советское прошлое не прекращаются с начала перестройки, когда в отечественной прессе обозначился переход от четкого следования идеологии к рефлексии. Объявленная на XXVII съезде КПСС политика гласности способствовала появлению публикаций о том, что раньше в официальной печати замалчивалось – в частности, о правозащитном движении, развернувшимся во второй половине столетия. Исследователи продолжают возвращаться к этой теме и сегодня: в медиaprостранстве можно найти множество статей, документальных фильмов и лекций, посвященных деятельности отдельных правозащитников и диссидентскому кругу в целом. Одной из попыток осмысления истории советского правозащитного движения стала книга Г.А. Морева «Диссиденты», которая вышла в 2017 г. в Москве.

Ключевые слова: правозащитники; диссидентское движение; «Хроника текущих событий»; Г. Бёль; Л.З. Копелев.

Корнадут Карина Дмитриевна – магистр факультета журналистики
Российского государственного гуманитарного университета. Россия, Москва.
Email: kkornadut-97@yandex.ru

Kornadut K.D. «The goals were more ethical than political». From reflections on the G.A. Morev book «Dissidenti»

Annotation. attempts to comprehend the Soviet past have not stopped since the beginning of perestroika, when the domestic press saw the transition from a clear adherence to ideology to reflection. The policy of glasnost announced at the 27 th Congress of the CPSU contributed to the appearance of publications about what had previously been covered up in the official press, in particular about the human rights movement that unfolded in the second half of the century. Researchers continue to return to this topic today: in the media space, you can find many articles, documentaries and lectures on the activities of individual human rights activists and the dissident circle as a whole. One of the attempts to comprehend the history of the Soviet human rights movement was the book by G.A. Morev «Dissidenti», which was released in 2017 in Moscow.

Keywords: *human rights activists; dissident movement; «Chronica Tekushikh Sobitii»; H. Böll; L.Z. Kopelev.*

**Kornadut Karina Dmitrievna – Master of the Faculty of Journalism
of the Russian State University for Humanities. Russia, Moscow.
Email: kkoradut-97@yandex.ru**

«Диссиденты. Двадцать разговоров» представляет собой сборник интервью с участниками советского правозащитного движения, опубликованных в разное время интернет-изданием об искусстве и культуре Colta.ru (*заблокирован на территории РФ с марта 2022 г.*). Точное количество активных участников диссидентского движения неизвестно, однако стоит уточнить, что их число значительно превышало 20 человек [Макаров и др.]. Автор объясняет выбор заголовка и количества интервью следствием обстоятельств: некоторые правозащитники отказались от разговора, кого-то на момент написания книги уже не было в живых. По словам Морева, у его собеседников были разные политические взгляды, а объединяли их схожие этические установки [Диссиденты 2017, с. 7].

Автор относит свой сборник к области исторической науки под названием «устная история», в рамках которой исследователь встречается со свидетелями исторических событий и записывает их воспоминания [Писарева 2017]. Как пишет Морев, тема «несогласия» с властью на момент создания книги снова стала актуальной. Его суждение подтверждает не только увеличившаяся в те годы гражданская активность, но и литературные новинки: в 2015 г., вышла книга-исследование о правозащитном движении в СССР «За вашу и нашу свободу!» французского автора С. Вессье; через год на просветительском сайте Arzamas появилась серия лекций А.Ю. Даниэля «Диссиденты в СССР», а после выхода книги Морева, в 2018 г. А.А. Архангельским был составлен сборник воспоминаний правозащитников «Свободные люди».

Во введении Морев подчеркивает, что «Диссиденты» – это очередной шаг в сторону создания полноценного исследования диссидентского движения. Первая подобная попытка была предпринята Л.М. Алексеевой, одной из основательниц «Московской Хельсинкской группы». Ее книга «История инакомыслия в СССР. Новейший период» создавалась синхронно описываемым событиям и была издана в 1984 г. в США. Несмотря на то, что за год до ее выхода прекратился выпуск правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий», до окончания деятельности диссидентов, согласно современной историографии, оставалось не менее трех лет [Диссиденты 2017, с. 6].

Отдельное внимание стоит уделить оглавлению книги Морева. Содержание поделено на четыре части, в каждой из которых герои пытаются ответить на главный вопрос: стоило ли жертвовать собственной безопасностью, зная, что наказание за попытку высказаться неизбежно? В первой главе под названием «Это было нравственной установкой. Только нравственной» участники движения рассказывают о собственных мотивах к противостоянию режиму. Кто-то по причине социального происхождения, как И.Г. Кристи, считал себя антисоветчиком с рождения, кто-то становился противником власти постепенно, как П.М. Литвинов, внук народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова [Диссиденты 2017, с. 115–117]. В других главах речь также идет о карательной психиатрии, попытках создания движения в соседних республиках, об опыте тюремного заключения и столкновениях диссидентов с сотрудниками КГБ.

Оглавление «Диссидентов» составлено таким образом, чтобы читатель мог сразу открыть нужную ему историю: в каждой главке обозначено имя героя и ключевая цитата из его рассказа. Некоторые из них не раскрывают основную мысль интервью, но вызывают у читателя любопытство, например Вячеслав Игрунов: «Я был диссидент в диссидентстве». Другие цитаты, напротив, сразу дают понять, о чем будет рассказывать герой: Елена Санникова: «Предостережение КГБ меня и подтолкнуло к деятельности». В оглавлении также перечислены вступительные слова людей, причастных к изданию книги, приложение и именной указатель. Что касается самих интервью, в начале каждого разговора содержится сноска с кратким, но подробным описанием деятельности героя.

Поскольку «Диссиденты» создавались при поддержке Фонда имени Генриха Бёлля, в предисловие вошло обращение руководителя российского отделения Й. Зигерта. По его словам, страх перед «всевластием государства» остается главным культурным наследием советского периода, и именно диссидентам удалось доказать многим людям, что после смерти И.В. Сталина государство начало постепенно утрачивать свое всевластие. К достижениям советских правозащитников он относит борьбу против атомизации общества, последствия которой видны до сих пор, а также создание языка права [Диссиденты 2017, с. 3–4].

О роли Бёлля в истории советского правозащитного движения рассказала координатор программы «Демократия» Фонда им. Г. Бёлля Н. Фатыхова. Во время поездки в Москву по приглашению Союза советских писателей в 1962 г. немецкий автор познакомился с германистом Л.З. Копелевым. С тех пор литераторы состояли в переписке, которая длилась 20 лет, и сегодня считается хроникой жизни советских диссидентов [Диссиденты 2017, с. 8–9]. Одно из писем Копелева и его жены Р.Д. Орловой семье Бёлля включено в приложение к книге: адресант на тот момент уже лауреат Нобелевской

премии 1972 г. В тексте письма, отправленном в Германию в сложный для диссидентского движения 1973 г., Копелев рассказывает о П.И. Якире и В.А. Красине – диссидентах, согласившихся сотрудничать с КГБ и спровоцировавших начало кризиса правозащиты. Переписка писателей носит личный характер: Копелев благодарит друга за помощь участникам движения, себе и опальным писателям И.А. Бродскому, А.И. Солженицыну, А.А. Якобсону. Автор пишет, что «близок к отчаянию», но не может покинуть родной город, несмотря на многочисленные трудности, и приглашает Бёлля с женой в гости. Из данного письма можно сделать вывод о роли представителей западной культуры в поддержке диссидентского движения в Советском Союзе [Диссиденты 2017, с. 391]. Стоит отметить, что правозащитники начали добиваться огласки за рубежом не с самого начала своей деятельности, а после суда над четырьмя активистами, распространившими самиздат и материалы по делу писателей А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля за границей [Макаров, и др.]. Дело получило название «Процесс четырех», и благодаря письму «к мировой общественности» Л.И. Богораз и П.М. Литвинова о нем узнал весь мир.

В книгу «Диссиденты» вошли личные истории правозащитников и людей, тем или иным образом причастных к движению. Героями сборника стали представители разных профессий, взглядов; некоторые из них являются участниками центральных событий: «Процесса четырех», «Демонстрации семерых» на Красной площади, а также редактировали «Хронику текущих событий» или подписывали открытые письма в защиту несправедливо осужденных. Морев собрал в одной книге воспоминания диссидентов разной степени известности: если имена П.М. Литвинова, В.И. Лашковой и А.Ю. Даниэля у многих на слуху, то другие герои в первую очередь ассоциируются с их профессиональной деятельностью. М.И. Слоним, в силу возраста примкнувшая к диссидентам не сразу, больше известна как журналист «Би-би-си» (*признана в РФ иностранным агентом*), хотя незадолго до эмиграции занималась распространением нелегальной в СССР «Хроники текущих событий» [Диссиденты 2017, с. 137], а политолог Г.О. Павловский с конца 1970-х был членом редколлегии самиздатского журнала «Поиски» [Диссиденты 2017, с. 221].

Среди героев книги оказались и жены некоторых диссидентов, не занимавшиеся правозащитной деятельностью. Среди них супруга математика и известного правозащитника А.П. Лавута, С.Б. Мостинская, а также М.С. Шемаханская, жена переводчика и распорядителя фонда помощи политзаключенным А.А. Кистяковского. Спорный вопрос, стоит ли причислять к диссидентам людей, не занимавшихся правозащитой, но вольно или невольно оказавшихся в этом кругу. Например, Мостинская не верила в то, что риск ее мужа оправдан, а деятельность несогласных принесет практический результат. Однако благодаря воспоминаниям этой героини читатель знакомится с жизнью диссидентов с другой стороны: рассказы их жен придают книге

большую эмоциональность. Так, любовь и трогательное отношение к мужу прослеживается в заголовке к истории Мостинской, обозначенного цитатой: «Я бы в ссылку поехала еще, если бы там Саша был» [Диссиденты 2017, с. 167]. В свою очередь, Шемаханская впервые делится трагическими фактами о том, как на самом деле Кистяковского сняли с поста распорядителя фонда А.И. Солженицына – ранее об этом, по ее словам, не знал никто [Диссиденты 2017, с. 281].

Несмотря на то, что герои книги являются представителями одного движения, к некоторым явлениям диссидентства и советской действительности они относились по-разному. Например, редактор самиздатского правозащитного бюллетеня «В» С.И. Григорьянц не признает термин «диссидентство» и использует вместо него формулировку «демократическое движение». Он также утверждает, что правозащитная деятельность началась не в 1968 г., после ввода советских войск в Чехословакию, а еще в 1957 г. – после восстания в Венгрии, которое спровоцировало более бурную реакцию в обществе [Диссиденты 2017, с. 13–14]. Не только Григорьянц избегал слова «диссидент» – так, участник «Хроники» Г.Г. Суперфин называл несогласных «профессиональными антисоветчиками» [Диссиденты 2017, с. 29].

Историк А.Ю. Даниэль, сын писателя Ю.М. Даниэля и правозащитницы Л.И. Богораз, оказавшийся в диссидентской среде в юном возрасте, рассказал, что движение «существовало всегда» – его проявления были замечены в 40–50-е годы XX в. [Диссиденты 2017, с. 373]. Согласно пояснению Даниэля, с середины 1960-х годов началась новая фаза «Сопrotивления», когда люди опирались не на политическую прагматику, а на право и нравственность. Именно этим исследователь истории инакомыслия объясняет нежелание правозащитников идти в политику, даже когда независимая политическая деятельность в постсоветском пространстве стала возможной [Диссиденты 2017, с. 387].

Мореву удалось создать объемный, и при этом удобный к прочтению сборник воспоминаний участников правозащитного движения и людей, входивших в их круг. Среди героев – диссиденты разных взглядов, большинству из которых автор симпатизирует, что выражается в формулировках его вопросов. Морев изучил деятельность несогласных с разных точек зрения и таким образом провел исследование на тему свободомыслия в несвободном Советском Союзе, дополнив работы других авторов.

Библиография

Макаров А., Богатко Ю., Коронный О. Главное о диссидентах в 9 вопросах // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/1214> (дата обращения: 04.06.2022).

Морев Г.А. Диссиденты. М.: Издательство АСТ, 2017. 413 с.

Писарева Е. Глеб Морев: По русской колее в XXI век не въедешь // Сноб. 2017. URL: <https://snob.ru/selected/entry/119727/> (дата обращения: 07.05.2022).

Reference

Makarov A., Bogatko U., Koronny O. «Glavnoe o dissidentah v 9 voprosah» // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/1214> (date of access: 04.06.2022).

Morev G.A. Dissidenti. M.: Izdatel'stvo AST, 2017. 413 p.

Pisareva E. Gleb Morev: «Po Russkoi kolee v XXI vek ne v'edesh» // Snob. 2017. URL: <https://snob.ru/selected/entry/119727/> (date of access: 07.05.2022).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Россия и современный мир № 3 – 2022 (116)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И . К . Л е т у н о в а

Корректор

О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 15.09.2022 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,8 Уч.-изд. л. 16,5

Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 55

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У